

Галина Краснопевцева

Прикасаюсь к прошлому

Очерки

Качканар
2009

Эк

БЗ.З(2Р36)6
К78

Галина Краснопевцева

Прикасаясь к прошлому

Очерки

8/12

4/3

11

Юношеская
библиотека

Качканар
2009

Славным предкам моим
и уральской земле
ПОСВЯЩАЮ

«Живя, умей все пережить...»

Ф. Тютчев

К читателю

Был 1964 год. Днепропетровское областное телевидение вело передачу о друзьях по соревнованию – трудящихся Свердловской области. И показывали Качканар: двухэтажные домики на склоне горы, панораму комбината, какой-то водоем и почему-то яхту под парусом. Диктор говорил о молодом уральском поселке, о горно-обогатительном комбинате, недавно вступившем в строй действующих, о людях. Менялись кадры, а я все видела этот парус, который плыл по водной глади и звал за собой.

И вот, покинув благодатный юг, мы с мужем устремились за парусом. Смеялись над собой: с Урала в Качканар с пересадкой в Кривом Роге... Из Рога Кривого вырулили на прямую – и она привела нас в Качканар.

Как же появился он здесь, в уральской тайге?

«Обеспечить освоение новых железорудных месторождений, ввести в строй действующих Качканарский горно-обогатительный комбинат на Урале», – так было записано в Директивах XX съезда КПСС, таков был партийный клич. И по зову партии на качканарскую землю в 1957 году слетелись со всего Советского Союза молодые романтики-энтузиасты и солидные люди с жизненным и фронтовым опытом. Так, названный по имени горы, начинался Качканар, который из небольшого поселка превратился в красивый современный город, уже отметивший свой золотой юбилей.

Пятьдесят лет – казалось бы, немного, и все-таки это уже биография. Время Всесоюзной ударной стройки миновало, ушло в историю и стало прошлым, славным, героическим прошлым, оставшимся в памяти людей, в печатных строчках. А жизнь продолжается. Из настояще-

го, непростого и беспокойного, идет Качканар в будущее.

Вместе с ним идет и **Валериановск**, который не зря зовут старшим братом города юности. Этот поселок уже отпраздновал свой вековой юбилей и начал отсчет второму столетию.

Если Качканар появился по воле коммунистической партии, то Валериановск – по инициативе золотопромышленника, верхотурского купеческого сына Викторина Яковлевича Бурдакова, который в 1892 году обратился в Верхотурское уездное полицейское управление с заявлением: «**Честь имею заявить, что 5 числа июля месяца я отправил партию, состоящую из 4 человек рабочих и одного служащего, для розыска золотосодержащих россыпей по р. Выя и ея притокам в Гороблагодатском округе Нижне-Туринской дачи...**»

И вскоре от старшего горного межевщика получил удостоверение на отвод прииска: «Дано сие верхотурскому купеческому сыну Викторину Яковлевичу Бурдакову в том, что ему, Бурдакову, 7 числа сего ноября месяца произведен бесспорно отвод золотоплатинового прииска под названием Валериановский в Нижне-Туринской даче по речке Большой Гусевой, впадающей в р. Выю. Что и удостоверяю своей подписью и приложением должностной печати.

Ноября 11 дня 1892 года.
Межевщик Герц №125».

Бурдаков назвал прииск Валериановским в честь племянника (сына своей сестры Руфины Яковлевны) Валериана Михайловича Протопопова.

История продолжается. Давший жизнь городу юности и помолодевший вместе с ним, Валериановск идет в будущее. И следует за ним его славное прошлое.

Да и как же без прошлого? Мы пришли в жизнь только потому, что когда-то жили-были наши предки. И каждый из них – часть нашей биографии. Помнить об этом всегда или хотя бы время от времени прикасаться к своему прошлому – значит обращаться к живительному источнику, который напоит тебя, даст новые силы, чтобы идти дальше.

Большинство очерков этой книги были опубликованы в разные годы в газете «Качканарский рабочий». В них – судьбы качканарцев и валериановцев. Приглашаю вас, дорогой читатель, познакомиться с ними и вместе со мной прикоснуться к их прошлому.

Начну же с моих истоков, которые уходят еще дальше, в начало семнадцатого века, когда появилось на земле мое родное село Романово.

В одной из записей госархива города Тобольска значится: «В 1600 году на сказанном пространстве появился город Верхотурье. Чтоб заселить новое место, **правительство сделало «кликч»** оповещавших смежных с Сибирью губерний: Вятской, Вологодской, Новгородской. Эти-то «выкликанцы», или «выходцы», были строителями Верхотурья и были первыми насельниками этого города. Некоторые же из них, «ища приволья», разошлись по окрестностям и образовали поселения, каковы: Меркушино, Красная Горка, Нехорошкова, Каменка, Волошино, Титова, Денисова, Романово и др.»

Приглашаю вас, читатель мой, в село Романово, чтобы вместе со мной прикоснуться к моему прошлому.

Галина КРАСНОПЕВЦЕВА,
член Союза журналистов России

Село РОМАНОВО

Прикасаясь к прошлому

Мое село. Оно расположено в одном из красивых мест Серовского района Свердловской области, там, где река Ляля впадает в Сосьву. За рекой Сосьвой – неширокое, продолговатое озеро, которое так и зовется: Заречное. Ниже по течению реки – озеро Круглое, словно блюдце с широкой зеленой каймой. А в лесу, километрах в пяти от села, – Светлое озеро, настолько чистое и прозрачное, что на любой глубине видно его желто-серебристое дно. Не озеро, а сказка, загадка природы.

Начинается село на крутом берегу Сосьвы (эта часть села прежде звалась Толмачево), потом поворачивает к озеру Гаревому и выстраивается строгими шеренгами длиной почти в два километра.

Люблю летним утром выйти в огород. Грядки ровными рядами полого спускаются к Гаревому. А оно, старица Сосьвы, лежит, как большая подкова, и блестит на солнце его стальная рябь. Вдали темнеет полоска леса, которую почему-то зовут кедровником, хотя растут там еще и ели, и сосны. А за кедровником – река в кудрявых тальниковых берегах, а дальше – луга и луга, до самого горизонта. Когда весной Сосьва выходит из берегов, ее воды сливаются с озером, затопляют луга, подходят близко-близко к огородам. Вода, на десятки километров вода...

Но давайте покинем огород, выйдем за ворота, перейдем мою главную улицу и пойдем по переулку. Дорога тоже полого, но неуклонно идет вверх. Здесь, за селом, начинается Верхотурский тракт (верхотурцы зовут его Романовским). В пору моего детства и юности по обе стороны этой широкой дороги колосились колхозные поля, до самого леса – поля... Любила я по тракту дойти до леса, постоять на его опушке и смотреть, долго смотреть. Была у меня там любима точка обзора (навер-

ное, самая высокая в окрестности). Встанешь спиной к лесу – и глядишь, любишься. Дорога и поле бегут от ног твоих вниз. Бегут и бегут, пока не преградит им путь сельская улица. А за селом озеро Гаревое и зеленая заозерица, где пасутся коровы. И кедровник виден, и Сосьва, на другом берегу которой, крутом и высоком, – деревня Монастырка. А вправо от нее, далеко-далеко на горизонте – дымок из заводских труб; это напоминает о себе рабочий поселок Сосьва, что в двадцати километрах от Романово.

Теперь с точки обзора посмотрим влево. Проезжая дорога, отвернув от тракта, довольно круто спускается вниз, на Большой луг. Есть еще и Малый, но его отсюда не видно. А этот потому и Большой, что простирается далеко, до берега Ляли, воды которой текут и текут, чтобы совсем скоро слиться с Сосьвой. А за Лялей хорошо видны желтые поля, которые тянутся вверх и упираются в лес. Можно разглядеть и отдельные дома. Это деревня Якимова. Видно, начинал ее некий Яким.

Сохранилась легенда. У зажиточного мужика Якима была красавица дочь. И полюбил ее молодой парень Роман, появившийся в Якимовой деревне. Но отец не дал согласия на их брак и выгнал непосlušную дочь из дома. Молодые построили плот и отправились вниз по течению. Доплыли до устья Ляли и увидели высокий берег Сосьвы, крутой и красивый. Причалили к нему и решили здесь обосноваться. Вот так и появилось на правом берегу Сосьвы Романово село. Это село среди рек и озер, лесов и заливных лугов начинали влюбленные и счастливые люди... Не соглашусь я, что это – легенда. Не так ли и получили свои имена многие наши деревни и села? Впрочем, обратимся к официальным документам.

В государственных архивах города Тобольска имеется запись об образовании села Романово. Из записи следует, что возникло оно в одно время с уездным городом Верхотурьем, которому уже более 400 лет. Вот несколько строк из той записи:

«Романово – село на реке Сосьве, Усть-Лялинской волости, от уездного города в 57 верстах.

Село состояло из двух смежных деревень: Толмачевой и Романовой; в промежутке этих селений построены церковь и 2-классное училище, правление Усть-Лялинской волости, приемный медицинский покой, ветеринарный фельдшерский пункт...

Средства к существованию население извлекало из земледелия. Скотоводство находилось в благоприятных условиях благодаря обилию хороших лугов по реке Сосьва и большой лесной покотине. Подсобными заработками являлись рубка дров, выжиг угля; рыбная ловля была очень прибыльной; охота с выпадкой снега давала также значительные средства к существованию (на лосей, соболя, лисицу, горностая и белку).

Сборы кедровых орехов и малины в урожайные годы бывали очень обильными. Кустарных промыслов не было, но были ремесленники: кузнец – один, синиль-скорняжник – один, санников – два; плетением рыбных снастей занимались четыре домохозяйина; было кирпичеделательное заведение. Вблизи села находилось плотбище для постройки барж. Но местное население в судостроении не участвовало, строительство вели пришлые рабочие. С открытием навигации по Сосьве рейсировали пароходы.

Храм в Романовском селе одноэтажный, построен в 1845 году во имя святителя Николая Мирликийского чудотворца. Этой церкви принадлежали две часовни. Романовский приход образовался в 1839 году, получив свое название от первого поселенца Романа. В состав прихода вошли деревни: Толмачева, Романово, Монастырка, Якимова, Матушкина, Тараканкова, Денисова, Малый Мыс, Панышина, Титова, Морозкова, Пospelкова, Маслово. Территорию заселяли народности: вогулы, остяки, самоеды...»

В те годы, гласит запись, упоминаются фамилии: Юркины, Глазуновы, Еремеевы.

Думаю, немало было и Романовых. Мои предки – тоже Романовы. И на вопросы иных шутников отвечаю: нет, не царских я кровей; мой род идет от простого парня, смелого и трудолюбивого, влюбленного в жизнь. И этим горжусь.

Славные предки мои

Романов Николай Андреевич. Это мой дедушка. Всегда спокойный и немногословный, серьезный и мудрый, некурящий и непьющий, великий труженик, он был для меня непререкаемым авторитетом. Думаю, и для односельчан – тоже. В нашем селе было несколько Николаев Романовых: Николай Лога (его дом стоял на краю небольшого лога), Николай Медведко (говорили, что в молодости в лесу он один справился с медведем), Николай Трифон (наверное, связано что-то с его родней – не знаю). Прозвища необидные и придуманы, видимо, для удобства информации, чтоб понимали, о каком Николае идет речь. И только наш дедушка был для всех просто Николай Андреевич.

Помню его престарелым, с проседью в густых еще волосах, бороде и усах, но по-прежнему неутомимым на покосе, в огороде, на своем подворье. Помню его совсем старым, когда он даже летом ходил в валенках и шапке-ушанке. Впрочем, и ходил-то лишь в ограде, неспешно шаркая по дощатому настилу, да сидел на лавочке за воротами, отвечая почтительным кивком на приветствия прохожих или негромко разговаривая с теми, кто присаживался рядом с ним. С годами дедушка Николай стал хуже видеть и слышать. Но никогда не жаловался: «Не болит ведь нигде, а сил пошто-то нету». И умер спокойно, без боли и страданий. Он лег отдохнуть. А сердце билось все реже и реже, и уже не прощупывался пульс. «Он умирает», – констатировал приглашенный сельский врач. Наш дедушка просто уснул. Уснул, как ребенок. Наверно, душа этого скромного и доброго человека, который при жизни никого не обидел, не сказал ни одного бранного слова, – наверно, его светлая душа сразу переселилась в рай.

Представляю, каким Николай Андреевич был в молодости (стройный, крепкого телосложения кареглазый брюнет), когда более века назад строил на берегу озера Гаревого свой дом – красивый и просторный пятистенок. Впрочем, в Романово никто не строил времянок – возводили на века. И до наших дней сохранились еще многие пятистенки, правда, уже со следами прожитого и пережитого. А рядом с Николаем такой же большой и крепкий дом построил его родной брат Павел Андреевич Романов.

Разными оказались судьбы братьев и их домов. Павел, как и многие мужики из Романово и окрестных деревень, сгинул в страшном 1937 году. Остался его единственный сын Егор. Жил Егор Павлович – жил и отчий дом. А потом он не раз переходил из рук в руки. Чужие руки. Без родного тепла дом впал в уныние. Его большие и светлые окна все печальнее смотрели на мир, покосились ворота, поехала крыша. И дома не стало – одни деревянные руины.

А Николай Андреевич родил четырнадцать детей. Не все из них, к сожалению, оказались долговеками. Но жили дети, живут внуки и правнуки. Дом никогда не был сиротой, его всегда грела родная кровь. И до сих пор, обласканный потомками, дом моих предков старается держать форму, хотя делать это все труднее и труднее. Поживите-ка сами больше сотни лет – поверите!

Теперь о моей бабушке.

– Панька-то девка хорошая, работающая! – сказали Николаю, когда пришла ему пора жениться, и поехали в деревню Якимово свататься.

Паня Якимова и впрямь была хороша: румяная, с русой косой и озорными зелеными глазами, улыбчивая и добрая. Но уж больно молода – рановато бы еще ей замуж.

– Не пойду я за этого черного медведя! – возмущалась она, когда сваты уехали. – Не знаю я его, не люблю!..

– Дак и он тебя не знает... Ничего, девонька, стерпится – слюбится!

Деревня Якимово, дальше которой Прасковья не бывала, являла для нее целый мир, такой родной, понятный, привычный. А в Романово, где ей предстояло жить, все чужое: и эта прямая, длинная улица, и этот большой дом, и этот взрослый человек, старше ее почти на восемь лет, который стал ее мужем. Она побаивалась его, хотя виду не подавала; плакала украдкой и всей душой рвалась домой, в Якимово. Страдания продолжались до тех пор, пока не родился Шурка. С появлением первенца ушли куда-то все сомнения и тревоги молодой матери, и село, куда ее выдали замуж, впервые не казалось чужим.

И новый дом стал для Прасковьи родным. И подрастали в нем ребятишки. Рожала всех, сколько Бог послал. А послал он четырнадцать детей. Рожала – где Бог велел: и в поле, и в конюшне, и в доме. Лишь последний сынок появился на свет в родильном отделении Романовской больницы. Было это в 1933 го-

ду, и шел Прасковье Васильевне пятидесятый год. Всем была рада, всех любила: сыновей и дочерей, и их отца, не щедрого на ласку, но заботливого. И пресловутое «стерпится – слюбится» давно уже было не для нее.

Дети пошли в родителей: спокойные, добрые, работающие. Да не всех уберегли – умирали детки, и разрывалось на части материнское сердце. А когда в течение недели «дифтерит» унес одного за другим сразу троих, Прасковья чуть рассудка не лишилась.

– Видно, помешалась я тогда, – через много лет рассказывала мне бабушка. – Не знаю, что делала, куда бегала. Себя потеряла... Опомнилась в лесу – и думаю: «А пошто я тут? Как в лесу-то оказалась?» Поднялась с земли, на пеньке каком-то посидела, поднялась, огляделась – и вспомнила... Про беду мою вспомнила – тошно мне стало!.. Да надо идти, надо домой: там ведь тоже робятки мои. Идти надо...

И пошла Прасковья домой по знакомому ей Верхотурскому тракту. Муж успокаивал. Он тоже страдал, но успокаивал: «Бог дал – Бог взял». Но плохо доходил до безутешной матери этот самый веский, по мнению Николая, аргумент. Трудно примириться со смертью, с потерями.

А потерь у односельчан было немало. С болью душевной вспоминала моя бабушка один из зимних трагических дней, когда она тоже едва рассудка не лишилась.

Прасковья была дома, когда прибежал племянник Егор.

– Белые их расстреливают! Там, за озером! – выдохнул он и исчез за воротами.

Накинув одежку и платок, рванулась следом – узкой улочкой под гору, к озеру. Там толпится народ, слышатся крики и плач. Спускаются зимние сумерки, кедровник чернеет вдали, да темнеют на заснеженном озере мрачные фигуры солдат. Их длинный, равнодушный строй глядит холодными штыками в спины бегущих людей. А люди эти – трое молодых романовских мужиков. Босиком, в одном нижнем белье, они бегут и бегут, а впереди опять солдаты и штыки.

– Назад! – раздается команда, и, замерзшие, обессиленные, они поворачивают обратно.

– Не стреляйте! – кричит толпа.

– Нет! Нет! – кричит Прасковья Васильевна и делает несколько шагов вперед, утопая в глубоком снегу. Нет, они не вы-

стрелят. Сейчас она им скажет, и белые поймут... Почему «белые»? Это снег – белый. И холодный. А они ведь русские, они ведь тоже чьи-то дети... Сейчас она скажет...

– Бежать! – нет, это не ей, это ребятам. – Бежать!..

А они стоят... Что-то резко толкнуло ее в грудь, и женщина отшатнулась. Нет, это не толчок, это выстрел, много выстрелов сразу... Не успела, не сказала. И вот один уже лежит на снегу, другой пошатывается, а третий, с темным пятном на груди, еще держится на ногах и виновато улыбается землякам. А земляки оторопели: впервые на их глазах русские убивали русских. В глазах у Прасковьи потемнело – и снег стал черным...

На высоком берегу Сосьвы, под высокими, раскидистыми тополями, стоит молчаливая церковь. С горьким горем и светлыми надеждами, одна или вместе с односельчанами часто приходила Прасковья Васильевна к этому святому месту. Теперь обшарпанная, будто израненная, и лишенная голоса, церковь молчит. А рядом с ней деревянный обелиск с маленькой красной звездой – в память о расстрелянных земляках. И краткая надпись: «Иван Сучкин, Зиновий Лумпов, Александр Романов».

Нет, этот Александр Романов – не сын Прасковьи Васильевны. Ее первенца Шурку и Ванюшку, предпоследнего из четырнадцати детей, тоже забрала война – не гражданская, а Великая Отечественная. Бог дал – а забрали фашисты.

А к скромному обелиску долгие годы шли и шли люди – по одиночке, группами и всем селом. До сих пор в моей памяти яркое воспоминание детства. Двигается длинная колонна с флагами – взрослые и дети, и я у кого-то на руках. Потом митинг у этого деревянного памятника. Говорят о борьбе и свободе, о героизме и счастье, о погибших земляках. Стоят люди, колышутся флаги, а над высокими тополями – чистое первомайское небо. А под горою – по-весеннему полноводная Сосьва течет спокойно и величаво и уже выходит из берегов.

Много воды утекло на долгом веку Прасковьи Романовой. Наверно, и слез пролила она немало. Впрочем, позднее, уже в мою бытность, я никогда не видела бабушку плачущей. Думаю, и прежде старалась она не показывать слез, хотя не переставала плакать душа матери, теряющей детей своих. Не помню, чтобы наша бабка, как мы ее называли, когда-либо ворчала, ругалась или жаловалась на жизнь. Нет, она была спокойная, добрая и большая шутница.

– Бери, Витя, преник-от, ешь преник, – угощает бабка моего сына-малолетку.

– Бабушка, а почему ты говоришь «преник»? – спрашивает он.

– Дак я ведь, Витя, неграмотна. А была бы грамотна – говорила бы «пряник», – объясняет серьезно, а в глазах-то чертики.

Берет бабка газету.

– Это что, свежая, что ли? – деловито так спрашивает, усиленно нажимая на «ч». – Свежая, что ли?.. Надо прочтеть... – раскрывает, держа газету вверх ногами, долго разглядывает иллюстрации, потом сокрушенно произносит: – Опять война, – и тяжело вздыхает.

Часто летом, во время отпусков, мы с мужьями и детьми приезжали в Романово. Вот сидим за большим семейным столом – и бабка Прасковья обязательно чего-нибудь отморозит. Мы хохочем, мама глядит на нас укоризненно (неприлично же смеяться во время обеда!), а дед Николай молчит, смотрит на бабушку снисходительно и, как мне кажется, влюбленно, и прячет в усах улыбку.

О чем бы ни заговорили, всегда найдется у бабки шутка-прибаутка, забавный случай из прошлого. А какая память! О давних-предавних событиях рассказывает так, словно это было только вчера. А если говорит о человеке, то слова и интонация уже не бабкины, а того, о ком идет речь. Ну просто артистка!.. А какой язык! Не наш теперешний, суконно-заштампованный, а яркий, цветистый, образный – из самых народных глубин.

Все мои друзья и подружки очень любили слушать Прасковью Васильевну. Она не читала мораль, не старалась нас в чем-то убедить, но после встречи с ней исчезали наши мнимые огорчения и тревоги, и мы уже не сомневались: все можно исправить и идти по жизни дальше. Но я-то знаю: есть для бабки Прасковьи непоправимое. На войне погибли два ее сына. Ни Александра, ни Ванюшку не проводила она в последний путь, не видела их могил – и этого уже не исправишь. И не вылечишь душевную боль, которая всегда с ней. Но в душе ее было много тепла и света – и их она щедро дарила людям. Недаром говорится: хороший человек – тот, рядом с которым легче дышится. Таким человеком была моя бабушка Прасковья Васильевна Романова.

«Пал смертью храбрых в боях за Ригу»

Это – о Ванюшке, юноше, почти мальчике, который был моим дядей. Сколько их, молодых, безусых, погибло на дорогах войны! Они не увидели победного мая. Но в своих отважных сердцах несли Победу, любовь к Родине – и героической смертью своею приближали светлый май 1945-го. И для нас они навсегда останутся победителями.

Я часто обращаюсь к документам 40-летней давности, которые берегу как семейные реликвии. Перебираю, перечитываю письма из Латвии – и думаю: не сказка, не сон ли это? Читаю – и глазам своим не верю...

«Дорогая Прасковья Васильевна! Коллектив 11 класса Саулкрастской средней школы Рижского района Латвийской ССР сердечно поздравляет Вас с большим праздником нашего народа – Днем Победы! Убедительно просим Вас приехать и присутствовать на торжественном возложении венков на Братской могиле героев, отдавших свою жизнь на наше светлое счастье».

Это – из письма, присланного моей бабушке Романовой Прасковье Васильевне, чей сын погиб под Ригой. Эта женщина родила четырнадцать детей, всю жизнь работала на земле, а теперь умирала. Поехать в Латвию она не могла, как не могла и ответить юным следопытам: была неграмотна. Ответила ребятам ее внучка, а моя сестра Алевтина Петровна Романова.

«Здравствуйте, Алевтина Петровна! Большое спасибо за Ваше письмо! Мы надеемся, что Вы сможете к нам приехать в канун праздника Победы, то есть 8 мая, как приедут родные и других погибших солдат. Мы очень просим Вас подробнее рассказать о сыне Прасковьи Васильевны – Иване Романове...»

Это из письма латвийских школьников моей сестре. Ребята вели поиск, они хотели подробно узнать о каждом солдате, похороненном в братской могиле села Саулкрасты. Так каким он был, наш дядя Ваня?

...Вот громко хлопнула дверь: Ванюшка прибежал из школы. Он обхватил за плечи мать, поцеловал в щеку: «По литературе – отлично!» Потом быстро чмокнул в другую: «По географии – хорошо!» Снова обнял мать: «А скоро эк-за-ме-ны!» – и умчался к себе.

Он был легкий, стремительный, учился радостно, переходя из класса в класс с отличными отметками и похвальными грамотами. Каждое лето работал в колхозе – тоже с удовольствием, весело. За ужином ел с аппетитом и, перехватив иногда пристальный материнский взгляд, старался за шуткой, за некрасовской строкой скрыть смущение:

– «Напекла блинов Аринушка, не насмотрится на Ванюшку».

А она и впрямь не могла наглядеться: за лето Ванино лицо становилось смуглым, пшеничные волосы делались льняными, зеленоватые глаза темнели. А по вечерам издали узнавала мать нежные звуки его гармошки, которые сливались с певучими голосами сельских девчонок. Но музыка затихала, и Ваня приходил домой. Ступал осторожно, бесшумно. Вот что-то шепнула дверь, вот в темноте пропела половица – и скоро за тонкой стеной слышалось ровное дыхание заснувшего сына. А если у матери горела лампа, Ваня тихонько стучался и, приоткрыв дверь, с улыбкой вполголоса спрашивал:

– Кто, кто в теремочке живет? Кто, кто в невысоком живет?

Она отрывалась от пряжи, сын садился на стул, брал ее теплые руки в свои и нежно шептал:

– «Что же ты, моя старушка, приумолкла у окна?» Устала?.. Ну, давай спать, – целовал мать в пепельные волосы, задувал керосиновую лампу и уходил к себе.

– И в кого он у тебя такой? – удивлялась соседка. А Прасковья Васильевна знала: серьезность и скромность в Иване – от отца, а веселость, любовь к шутке досталась от нее, от матери.

Вот Ваня запрягает лошадей, открывает ворота, берется за вожжи:

– «Ну, трогай, Саврасушка, трогай! Натягивай крепче гужи!»..

Мать знает, что сейчас польются стихи, и замирает в ожидании неповторимого и прекрасного. Поехали за сеном: отец впереди, а они с Иваном на второй подводе. Миновали село, едут снежным полем.

– *«Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди.*

*Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути...»*

Трещит мороз, и светит солнце, мать слушает стихи, едва скрывая волнение. Что так тревожит душу: то ли негромкий

голос сына, то ли музыка этих слов, или печальная судьба крестьянки Дарьи?

– И откуда ты все это знаешь? – спрашивает после долгого молчания.

– Это не я, мам, это Некрасов.

Почему простые и привычные слова, сложенные в стихи, обретают такую власть над человеком? Этого постичь она не могла, лишь благодарно улыбалась сыну, открывавшему ей Пушкина, Некрасова, Есенина.

Ивану было пятнадцать лет, когда началась война. Село Романово опустело. В колхозе работали женщины да старики, подростки да дети. Ваня ушел из девятого класса Сосьвинской средней школы, где тогда учился, и сел на трактор.

– Пойдем, мам, в кино, – предложил как-то сын. – Про войну...

– Про войну? Да это, поди, шибко страшно? – ответила она вопросом, но в кино пошла, втайне надеясь: «Может, Шурку увижу...»

Самый старший ее сын, Александр, как ушел на войну, так и пропал, без вести пропал...

Кино было немое. Изредка на экране появлялись слова, их для всего зала читала молоденькая учительница. Прасковья Васильевна смотрела внимательно, и каждый боец казался ей сыном: вон тот широкоплечий – совсем как Александр и так же хмурит брови; а этот улыбается с экрана прямо в зал, и глаза совсем как у Шурки... Идет бой, падают люди – и у матери сжимается сердце. Вот большое ромашковое поле и девочка со светлыми косичками. И ползет по полю танк с черным крестом на боку, движется на девочку и прямо на зрителя, закрывая собою весь экран. И вот уже на земле след гусениц да детская рука с белыми ромашками... По залу проносится дружный стон, а мать тянет Ивана к выходу.

...В январе 1943 года Прасковья Васильевна провожала Ваню, который в числе других добровольцев уходил на фронт. Ей хотелось, чтобы не кончалась эта дорога на станцию; чтобы не пришел поезд; хотелось стоять рядом с сыном, положив голову ему на грудь, и слушать биение родного сердца, хотелось сказать: «Не ходи!» Но она ничего не сказала: ведь сын идет на войну, чтобы защитить ромашковое поле и маленькую девочку с косичками.

Прогудел паровоз, и Иван, глядя в материнские глаза, сказал:

– «Жди меня, и я вернусь, – потом, наклонившись к самому уху, словно по секрету, добавил: – Только о-о-очень жди...»

Поцеловал ее и ловко вскочил на подножку вагона.

– Я вернусь, мама! – и махал ей рукой, пока поезд не скрылся за поворотом.

И Прасковья Васильевна ждала.

В 1944-м ее известили, что «Романов Иван Николаевич пал смертью храбрых в боях за Ригу...» А мать ждала. Закончилась война, вернулся домой ее племянник Егор – и она с новой силой ждала сыновей своих. Давно стали взрослыми ее внуки, подрастали правнуки, а Прасковья Васильевна по-прежнему ждала. Иногда к ней приходили сомнения, и она говорила:

– Наверно, и глаза-то им ворон выклевал... Кто, поди, их там похоронит... – и беззвучно плакала. В такие минуты казалось, что вместе с надеждой покидают бабушку и последние силы, что она прощается с жизнью...

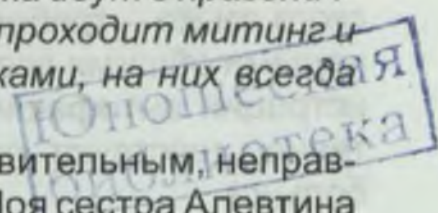
И вдруг это письмо из Латвии и приглашение на торжественный митинг, посвященный 20-летию Победы. Наша бабушка ожила. Дрожащей рукой гладила она пригласительный билет, пристально вглядывалась в фотографию. Там среди заснеженных деревьев стоит скромный обелиск, обнесенный оградкой. Вот она, могила братская, Ванина могилка... Бабушка снова плакала, но как-то по-другому, умиротворенно: она вновь обрела надежду, что скоро, очень скоро приедет к Ване. А еще она знала, что увидит могилку сына, пусть не сама – глазами внуков своих.

Вот этот пригласительный билет, которому уже более сорока лет, вот эти письма из Латвии, приводящие в смятение мои мысли и чувства, заставляющие болеть мое сердце.

«Приезжайте! Ехать нужно до Риги, а оттуда на Саулкрасты поезда идут каждый час... У нас уже сложилась традиция: ежегодно 23 февраля, 1 сентября, 7 ноября ученики нашей школы вместе с жителями поселка идут в праздничном шествии на Братское кладбище, где проходит митинг и возлагаются венки. Мы следим за могилками, на них всегда лежат цветы».

Да правда ли это?.. Сейчас кажется удивительным, неподобным, а тогда... Тогда было иначе. Моя сестра Алевтина

8/11

и ее муж Адольф, как и все приехавшие в Саулкрасты, видели кладбище, аккуратное, ухоженное. Видели этих людей, добрых, гостеприимных, культурных, которые плакали вместе с нами, говорили о ненависти к фашизму, и не существовало ни для них, ни для нас такого понятия, как иноязычное население. Были общее горе и общая радость.

Мы благодарны латвийским школьникам, сумевшим разыскать в далеком уральском селе мать младшего сержанта Романова Ивана Николаевича. *«Мы никогда не забудем тех людей, которые отдали свои жизни за наше светлое сегодня. Мы будем всегда чтить их память»*, – писали ребята в письмах, говорили латыши и на митинге. И никто не сомневался в их искренности.

Прошли годы. Выросли латвийские дети – и чувствуют и мыслят по-другому. По-другому и действуют. Унижают, ущемляют в правах «иноязычное население». Русских выселяют из Латвии. Неужели это делают те самые люди, которые, будучи школьниками, говорили и поступали так красиво? Неужели они?

Не хочет мое сердце мириться с этим! Ведь уже более сорока лет латвийское село Саулкрасты является для нас таким же родным, как уральское село Романово. Не знаю, как Саулкрасты переводится на русский язык, только для нас оно – это одна с латышами боль, одна радость, это наша светлая память. Ведь там, в могиле братской, покоится мой дядя Ваня... Да покоится ли теперь? Не стерли ли с лица земли Братское кладбище?.. Я знаю: ни повзрослевшие латвийские школьники, ни их дети и внуки не пришлют уже писем в Россию, не станут «убедительно просить приехать», не попросят «подробнее рассказать», каким был Иван Романов. Для них ясно: он был оккупантом.

В 1943 году семнадцатилетний уральский доброволец ушел на фронт, а через год погиб под Ригой. В то время, когда он освобождал Латвию, ни от русского Ивана, ни от советских солдат других национальностей не требовали знания латышского языка – требовалось прогнать фашистов, которые были нашими общими врагами... А теперь мы – «оккупанты». Демонстрации антифашистов разгоняют дубинками, зато торжественно шествуют по улицам Риги ветераны СС. Обидно и больно!

У меня иногда появляется желание написать письмо в Саулкрасты, в ту самую школу, узнать, как живет теперь село, как чувствует себя кладбище Братское (школьники писали это слово с большой буквы). Но... беру перо и бумагу – и откладываю в сторону. Боюсь получить страшный ответ... Нет, пусть уж хранятся у меня эти добрые письма из Латвии и пригласительный билет со снимком братской могилы. Пусть они согревают мое сердце и останутся как светлая память о тех, кто погиб, не дошел по дорогам войны до светлого мая, но приближал нашу великую Победу.

2005 год

Здравствуй, мама!

Был 1996 год. Я приехала домой, чтобы поздравить с 90-летием мою маму Евгению Николаевну Черкашину.

Люблю я приезжать в Романово, чтобы вдохнуть запах родины, обнять мою маму, подержаться за ее теплые руки, посмотреть в ее лицо, которое улыбается мне каждой морщинкой... Я смотрю на родное лицо и вижу, как оно молодеет, словно морщинки, вытянувшись нитью длиной в 90 лет, сматываются в клубочек и уходят куда-то, маня меня за собой. И я иду за клубочком в начало двадцатого века, в мамино детство.

Я вижу бревенчатый крестьянский дом с кучей ребятишек. Мама – третий ребенок из четырнадцати детей в семье Николая Андреевича и Прасковьи Васильевны Романовых. Хозяин в этой семье – труд. Здесь все делают сами: пашут землю, сеют хлеб и лен, косят траву. И мамочка моя, черноволосая и остроглазая девчонка, умеет все: в избе прибрать и в поле жать, за скотиной ходить и лен молотить, и прясть, и ткать, и на коне скакать.

А еще она хорошая нянька: качает в зыбке младенцев, обшивает и обстирывает их. Вместе с матерью радуется, видя, как они растут, наливаются силой. Вместе с матерью огорчается, когда ребята хворают. А хвори случались коварные: придет незваная – и заберет с собой. Как-то в одну неделю лишилась Прасковья Васильевна троих детей-подростков: «дифтерит задушил». Не знала тогда родня, как ее утешить, привести в чувство. Вместе с матерью страдала и Евгения. Не тогда ли на ее лице обозначились первые морщинки?

А клубочек мой катится дальше. Я вижу маму в лунную ночь – за прялкой или за книгой. Чтобы не сидеть при лучине или не жечь керосин в лампе, она частенько свои любимые занятия делила с луной. К ученью оказалась очень способной, закончила четырехкласную школу – и была одной из самых грамотных в селе. Почти всю трудовую жизнь мама была секретарем Романовского сельского Совета.

– Вот ведь в сельсовете работала, – сокрушенно говорит она, – а понять такого не могла, да и никто не мог: нас ни во что не посвящали, ничего не объясняли. Скажут: враг народа – и все тут! А какие они враги? Самые добрые, самые работающие мужики. Таких и забирали...

Это мой клубок прикатился в 1937 год, когда канули в неизвестность лучшие романовские мужики, в том числе мамины дядя Павел и дядя Федор. Малограмотные, далекие от политики труженики земли – какие они враги? Не могли понять этого люди. Вот уж горя-то было у них!..

А вскоре морщинки на мамином лбу превратились в первые бороздки. Потому что началась война. И ушли на фронт мамины братья: самый старший Александр и семнадцатилетний Ванюшка. Проводила она и мужа своего, а моего отца Петра Матвеевича Черкашина. И остались мы как на подбор: Лере – полгода, Але – три, Вове – четыре года, мне – семь лет. И была у нас еще Феша, папина маленькая сестричка, которую он привез из Сибири перед самой войной и которая выросла в нашей семье пятым маминым ребенком и нашей старшей сестрой.

Теперь мы все уже пенсионеры, зрелые люди. Но и сейчас мне трудно понять, откуда в ту пору у мамы, маленькой, хрупкой женщины, брались такие могучие душевные силы. Днем – в сельсовете, ночью – на колхозном току вместе с другими бабами хлеб молотила. И в Серов в командировку надо съездить. И нас обогреть-обласкать. И не только нас: ребята всего околотка находили в нашем многодетном доме приют и тепло, которое шло и от печки-буржуйки, где любили мы печь картофельные пластики, и от щедрого маминого сердца.

Помню Марусю Сыстерову, жившую с сестрой Валею и бабушкой в небольшом доме напротив. Мама не дала завянуть этой девочке-былинке, у которой уже развивалась болезнь легких. Помогли рыбий жир и молоко (у нас была корова). А когда Маруся окончила семилетку, мама устроила ее на работу в сельский Совет.

Помню концерты, которые мы с детворой всей округи устраивали для взрослых. Концерты проходили в нашем доме. Этот двухэтажный дом стоял рядом с домом бабушки и дедушки и был всегда полон ребятни, будто детский сад. А какие новогодние праздники мы устраивали! Сама подготовка к ним была уже великой радостью. Долгими зимними вечерами мама учила нас делать из папье-маше елочные игрушки (другие-то где было взять?), бумажные бусы-цепочки и прочие прелести. С юными «артистами из народа» мы готовили сказочные представления, где было все, вплоть до фокусов.

Помню бабушку Наймушину. Ее почему-то все так и звали,

по фамилии. Она появилась в нашем доме в те военные годы. Сначала бабушка передвигалась самостоятельно, но вскоре болезнь приковала ее к постели – и мама ухаживала за ней, как за беспомощным ребенком, как за самым родным человеком. Впрочем, в то время во многих романовских семьях жили «приезжие» – эвакуированные ленинградцы.

Бабушка Наймушина досадовала на свою немощь и буквально молилась на маму, поражаясь ее доброте и безграничному терпению. А мама наша всегда была такая: бескорыстная и щедрая до самоотрешения, выдержанная, спокойная, деликатная. Я ни разу не видела ее раздраженной, не помню, чтобы она когда-либо унизила нас окриком, недоверием, подозрением.

Такой же чуткой, тактичной была она и на работе. К ней в сельсовет шли односельчане и жители окрестных деревень. Шли не только за хлебными карточками, без которых тогда не мыслилась жизнь. Люди несли Евгении Николаевне свои тревоги и сомнения, свою боль и радость. И получали совет и поддержку – и добрым словом, и конкретным делом.

Думаю о маме – и не перестаю удивляться: какие светлые люди рождались и вырастали в деревне в эпоху лучины да лампы-коптилки! Какими чистыми были их поступки и помыслы!

Мама тоже удивлялась: ведь не раз поразил ее воображение двадцатый век, с которым она прошагала от лучины до атомной бомбы, от царя и революции до нового капитализма и новых войн. Много в политической сумятице ей было непонятно. Но ее сердцу, ее большому материнскому сердцу хотелось верить, что все образуется. А иначе как же жить ее внукам и правнукам?

– Им надо жить!.. А вот я-то почему всех пережила? Почему молодые-то умирают, а я все живу? Даже неловко как-то, – горюет мама, чувствуя себя виноватой перед теми, кто, как говорится, безвозвратно ушел...

Не вернулись с войны братья Александр и Иван. В 1948-м скоростижно скончалась сестра Таисья, которая в колхозе была «и лошадь, и бык, и баба, и мужик» – статная, крепкая женщина, которой, казалось, износу не будет. Еще раньше умер младший сын тети Таси, а мамин племянник – шестилетний Леня. Похоронила мама и родителей. Уже третий десяток лет лежит в земле сырой ее муж. Но самая свежая рана, которая не

перестает кровоточить, – это смерть сына Владимира и племянника Анатолия (сына Таисьи). Они ушли один за другим в 1994-м. Потери, потери...

– Молодые умирают, – в который раз с болью говорит мама. – А я все живу. Девяносто лет – это ведь и сказать-то стыдно.

Живи на здоровье, родимая, на радость нашу! Живи за всех, чей век оказался таким коротким. Девяносто, конечно, не девятнадцать. Но у мамы по-прежнему ясный ум, нет у ней ни старческих капризов, ни иных «возрастных» причуд. А главное – нет ни единой морщинки в ее душе, которая по-прежнему добра и сострадательна, открыта навстречу людям. Мама еще сама моется в бане, она готова хлопотать по хозяйству и обижается, если сноха Алевтина ей этого не позволяет.

Большой дом, где они теперь остались вдвоем, никогда не пустует. Ведь семья у Евгении Николаевны Черкашиной большая. Она в Романово и в Серове, Екатеринбурге и Арамиле, в Североуральске и Качканаре, и даже за границей, в Белоруссии и Италии. И всех нас манит отчий дом. И не пустует он ни зимой, ни летом.

Я люблю бывать здесь – чтобы почувствовать запах родины, вдохнуть новые силы, взглянуть в дорогое лицо и сказать:

– Здравствуй, мама!

Через три года, в 1999-м, Евгения Николаевна умерла. Ушла к тем, кого пережила и перед кем чувствовала себя виноватой. Но не ушла из нашей памяти. «Во дни сомнений и тягостных раздумий» я обращаюсь к ней за советом и поддержкой. И мысленно говорю: «Здравствуй, мама!»

1996-2009 годы

Сестрица названная

На станции Арамиль Свердловской железной дороги живет Феоктиста Матвеевна Широкова. Сюда более тридцати лет назад привели ее добрая женская душа и любящее материнское сердце. Не имея собственных детей, она вышла за вдовца с четырьмя малолетками. А через восемь лет, похоронив мужа, осталась с ребятишками одна. Это горе, такое скоропостижное, способно было подкосить под корень, свалить с ног, если бы не короткое слово «мама». Ежедневно и многократно обращенное к ней, оно не позволяло отчаяться, придавало сил, велело думать о будущем. А будущее – вот оно: два сына и две дочери. И она выстояла.

А жизнь продолжается. В небе гудят самолеты, взлетающие и приземляющиеся в Кольцово; мимо станции идут поезда: куда-то везут грузы, куда-то едут люди. И порою под стук вагонных колес Феоктисте Матвеевне вспоминается поезд из ее далекого детства, когда она была просто Фешей.

Девятилетняя девочка впервые видела и железную дорогу, и паровоз, и этот переполненный вагон, где она сидела, прижавшись к Петру, молодому красивому мужчине, который был ее братом. Сидела и молчала, слушая стук колес, которые, перекрывая вагонное многоголосие, будто спрашивали: «Ку-да, ку-да, ку-да?» И отвечали: «Ту-да, ту-да, ту-да!..» И Феша знала: к брату! Он, Петр Матвеевич Черкашин, увозил девочку из сибирской деревни – от безотцовщины, нищеты и болезней. Они ехали на Урал. «Ту-да, ту-да, ту-да!» – выговаривали колеса, оставляя позади станции, километры и мирный 1940 год.

В этом году Феша обрела свою новую семью. Село Романово Серовского района Свердловской области, куда они приехали, большое и незнакомое, показалось девочке приветливым – и робость, которую она испытывала всю дорогу, быстро прошла. Потому что, как вскоре поймет Феша, жили здесь простые и очень добрые люди.

Брат Петр Матвеевич работал землеустроителем. Его жена Евгения Николаевна, всеми уважаемая женщина, была секретарем Романовского сельского Совета. У них две дочки и сын; в декабре 1940-го родилась еще девочка Лера. А Феша стала пятым ребенком в семье Черкашиных.

В доме по соседству жили Романовы – родители Евгении Николаевны: Николай Андреевич – непьющий, некурящий, немногословный и мудрый дед; Прасковья Васильевна – веселая, остроумная и добрейшая бабка; а с ними – с двумя сынишками дочь Таисья Николаевна, потерявшая мужа на финской войне и казавшаяся Феше угрюмой и строгой. Да еще Ванюшка – отличник учебы и гармонист. Все – великие труженики. Жили дружно, и Феше было уютно в кругу новой родни.

Но пришел 1941 год и принес слово «война». Феша понимала, что случилось что-то страшное. Она чувствовала тревогу и смятение взрослых, видела женские слезы. Но довольно скоро эти чувства померкли перед другим коротким словом: надо! И ей, сибирской девчонке, выросшей на Урале, суждено было увидеть, как способно это короткое слово выпрямить людей, сделать их сильными, стойкими. Да и самой ей суждено было рано повзрослеть и пополнить ряды этих сильных людей.

А что делать? Коли фашисты пришли на советскую землю – значит, надо их прогнать и уничтожить. И ушли на фронт все романовские мужики, а в селе остались женщины, старики и дети. Да еще старые лошади да жеребята, а крепких и сильных коней тоже призвали в армию. Так было надо. А селу надо было жить. Жить и работать. Для фронта, для Победы.

И жизнь продолжалась. Весной, как и в мирное время, начинались пахота и сев, летом – сенокос, осенью – жатва. Только пахали теперь больше на быках и коровах, а за плугом стояли бабы да подростки. Нелегко было управлять этим железным пахарем, который вытягивал все их силы, и нелегко было вести ровную и глубокую борозду. Ох, как это тяжело! Но надо, надо пахать, чтобы потом колосились поля, чтобы осенью сдать зерно государству, да чтоб в колхозе хоть немного хлеба осталось. А потому работали не покладая рук. Во время жатвы целый день в поле, а ночью – на току, где шла молотьба. Колхозникам, этим старикам да бабам, помогали все, кто только мог. Вот и Женя (так долгое время Феша звала Евгению Николаевну) днем – в сельсовете, ночью – тоже на току. Феша поражалась жизнестойкости этой маленькой и хрупкой на вид женщины, которая, видимо, была семижильной.

Рядом с этой женщиной Феша, и сама того не замечая, тоже становилась семижильной. Она, старшая из детей, во всем помогала Жене и все умела: поддерживать порядок в доме,

ухаживать за скотом, доить корову, косить траву, пилить и колоть дрова, да еще нянчиться с малюткой Лерой. А когда Женя уезжала в командировку в Серов или в Сосьву, Феша, как настоящая хозяйка, вставала рано, топила русскую печь, грела воду, варила траву и картошку, еле справляясь с тяжелыми чугунами и длинным хватом. Управившись со скотиной, будила и кормила ребятишек, отправляла в ясли и садик и собиралась в школу. Присесть бы сейчас, передохнуть немного, но надо идти. Надо, надо!

В школу она ходила с желанием. Правда, зимой, в большие морозы, в классах было холодно и приходилось сидеть за партами в верхней одежде. Учебников не хватало, а тетрадей совсем не было, писали между строк на каких-нибудь старых книгах или шили тетрадки из негодных конторских бланков. Да и чернила-то чаще всего были самодельные... Но все равно школа – это целый мир. И Феша его любила. На уроках и в книгах столько интересного! И учиться надо хорошо. И школьники старались – каждый в меру своих способностей.

После уроков в первые осенние дни все шли собирать колоски – чтобы ни одно зернышко не осталось в поле, чтобы весомей был колхозный урожай. Помогали ученики и на ферме: мальчики ухаживали за жеребятами, девочки – за телятами. Учились и работали. А многие подростки, закончив четыре класса (тогда всеобщим обязательным было начальное образование), уходили из школы в колхоз. Так было надо, так требовали обстоятельства, в которые людей поставила война.

И наша Феша выбрала ту же дорогу. В неполные четырнадцать лет пришла она на животноводческую ферму, где работала дояркой Таисья Николаевна. Та самая тетя Тася, угрюмая и строгая, оказалась заботливой наставницей. Сначала Феша ухаживала за телятами. Надо было выкормить, вынянчить четырнадцать новорожденных сосунков и здоровыми сдать их телятнице. За четырнадцатого полагалось небольшое вознаграждение. А она и не знала, что так полюбит этих несмышленишей. Она очень старалась – и растерянность постепенно превратилась в уверенность. И Феша справилась с ответственным заданием – не потеряла ни одного теленочка. А вместе с ними росла и мужала сама. И вскоре ее взяли в доярки.

Что такое доярка в колхозе военной поры? Это ни в сказке сказать, ни пером описать. И что это за ферма, где ни одного

мужика? И как же этим бабам, будь они хоть трижды семижильные, везде успеть: и сена накосить, и силосные ямы заложить, ферму утеплить и всю зимушку каждодневно следить за здоровьем коров, которые ели недосыта, поскольку корм выдавался строго по норме, а потому по весне доярки были вынуждены по очереди ходить в пасево вместе с пастухом, чтобы поддерживать или помогать ему поднять упавших, обессиленных от недокорма коровушек. Хлопот у доярок — полон рот, и все они требуют большой физической силы. Хорошо это знает Феша, которая, как и положено доярке, вставала очень рано, шла вместе с тетей Тасей на ферму и старалась не отставать в работе от этих женщин, умело управлявшихся не только с коровами, но с пилой и топором, лопатой, вилами, пешней. Трудно, конечно, за ними успеть, но Феша старалась, и бабы уважали маленькую труженицу.

Теперь, с высоты своих прожитых лет, Феоктиста Матвеевна отчетливо осознает, что вот такие бабы были в войну самым надежным тылом. Такие, как Таисья Николаевна, которая сгорела на колхозной работе: умерла в 1948-м тридцати семи лет от роду. Феоктиста Матвеевна склоняет голову перед этими святыми женщинами и всегда помнит их, как помнит колхозную ферму, и свою норовистую корову Римку, к которой нелегко было найти подход; и быка Яшку, комолого, но бодливого, на котором Феша возила траву в силосные ямы. Она помнит все. Вспоминает прошлое — и удивляется. Шла война, в деревне бабы, старики да дети и почти ни одной лошадиной силы — а поля колосились. Не потому ли они колосились, что колхозная земля была обильно полита горячими женскими слезами, согрета душевным теплом женщин, обласкана их нежными, заскорузлыми руками? Не потому ли, что женское упорство и нравственная сила падали в землю крепким зерном и прорастали добрым урожаем?.. А сейчас? Нет войны, есть мощная, умная техника — а деревни вымирают, и земля, в тоске по человеку, зарастает бурьяном. Не удивительно ли? Не печально ли?

Сейчас, на восьмом десятке лет, нелегкое военное детство кажется Феоктисте Матвеевне самой чистой и светлой страницей ее биографии. И это потому, убеждена она, что в ту пору ее окружали такие светлые люди, как ее мама (так уже в зрелые годы стала звать она Евгению Николаевну), как эти женщины-колхозницы, вместе с которыми и она приближала Победу.

Израненный, контуженный, в 1946 году вернулся домой Петр Матвеевич Черкашин. Назначенный вскоре заведующим Серовским РайЗо (земельным отделом), он перевез семью в Серов. Так Феша рассталась с колхозом. И началась ее новая дорога – все дальше и дальше от войны. Эта дорога привела ее и на станцию Арамиль. Вырастила Феоктиста четверых детей, отдав им все свои силы, все свое душевное тепло. Растут внуки, есть и правнуки. Все радости и все проблемы большого Фешиного потомства – это и ее проблемы и радости. И очень хочется, чтобы радостей было больше, чтобы дети и внуки грели своим теплом Феоктисту Матвеевну в старости.

Остается добавить, что Феоктиста Матвеевна Широкова – моя приемная и самая родненькая моя сестра. Я низко склоняю голову перед этой женщиной, простой и великой!

2009 год

Письмо школьникам

Уважаемая Галина Петровна!

Совет дружины пионерской организации Романовской школы просит Вас написать нам о том времени, когда вы учились в нашей школе и были пионеркой.

Особенно нас интересует то, какую работу проводила пионерская организация в школе, в колхозе, на селе; когда Вас приняли в пионеры, кто был у Вас вожатым; как Вы учились; какую общественную работу выполняли в дружине, отряде, звене; кто были Ваши подруги, товарищи, в какие игры играли, кто были Вашими любимыми учителями.

Очень просим Вас вспомнить и ответить. Это нам нужно для летописи пионерской организации в селе Романово.

С пионерским приветом

Совет дружины.

18 марта 1972 г.

Дорогие ребята!

В одной песне поется: «Дайте мне в детство плацкартный билет...» Поется с нежной грустью, поется так, как можно петь только об ушедшем безвозвратно детстве. Ваше письмо – это билет в Страну моего детства. Отправляюсь туда с удовольствием и вас приглашаю с собой.

Летом 1941 года началась война, а в сентябре я пошла в первый класс. И все мое детство прошло с этим словом «война». В школе нам говорили: надо учиться хорошо и отлично, потому что каждая плохая отметка – это помощь фашистам, а отличная отметка и хорошие дела – это наш удар по врагу.

Мы очень серьезно воспринимали эти слова, потому что слушали их сердцем: ведь война коснулась каждого из нас. Ушли на фронт наши отцы, старшие братья, другие родственники. Многие так и не вернулись. Мы с нетерпением ждали писем с фронта и волновались, тревожились так же, как наши мамы и бабушки. А свои письма на фронт обычно заканчивали так: «Папа, бей фашистов!»

Хорошо помню плакат с такими же словами. Там были нарисованы малыш и советский боец, который колет штыком

фашистского зверя. В ту пору плакаты, газеты и журналы часто изображали фашистов в виде зверей. Однажды мы с ребятами рассматривали журнал «Крокодил», на последней обложке которого был нарисован страшный, клыкастый волк в немецкой фуражке и стояла подпись: «Гитлер». Мы выворачивали наизнанку шубу и играли «в гитлера», искренне веря, что Гитлер – это зверь, которого надо «убить в его собственном логове», самый натуральный зверь. И не сразу я поняла, почему Гитлера надо писать с большой буквы, если волк пишется с маленькой.

Вскоре в наше село приехали эвакуированные с Украины, из Белоруссии, но больше всего – из Ленинграда и Ленинградской области. Обездоленные, истощенные люди, которых война заставила покинуть родные места и уехать в глубокий тыл. В Романово окружили их вниманием и заботой: приняли в свои семьи, делились хлебом и кровом. Эвакуированные дети стали нашими друзьями: мы вместе играли, вместе учились в школе. Из их рассказов было ясно, что фашисты – действительно звери, хотя и в человеческом облике. Никогда не забуду девочку Софу, которая почти всегда молчала, не хотела с нами играть и совсем не улыбалась. Мы всячески старались ее развеселить: дурачились, кривлялись, строили рожи, по команде «замри!» останавливались в смешных позах, рассказывали что-нибудь смешное... Софа молчала, а в ее отсутствующем взгляде застыла печаль, совсем не детская печаль, будто Софа смотрела не на нас, а куда-то внутрь себя и видела совсем другое, чего не в силах забыть. Нам, жившим в тылу, даже представить было невозможно, чего же надо было пережить этой хрупкой черноволосой девочке, чтобы забыть про улыбку.

Однажды в наш дом зашли две незнакомые женщины. Поздоровались, познакомились с мамой, присели скромно у порога, разговорились. Доверительно, как лучшей подруге, рассказали, как живет и работает Серов, как люди, недосыпая и недоедая, трудятся для фронта. Потом женщины стали доставать из мешков разные вещи.

– Вот смотри, какая шубка, – сказала одна из женщин. – Как раз на тебя. Давай примерим... Нравится?..

Мне, конечно же, понравилась эта желто-рыжая шубка, каких я еще не видала.

– Нравится? – спросила мама. – Возьмем?

Я молчала. «Еще вчера городская девочка носила эту шубку, а сегодня отдают ее мне за два или три ведра картошки», – думала я, и мне было жаль незнакомую девочку.

– Возьми, Галенька, и носи, – убеждала городская тетя Нина, и по ее глазам я поняла, что сейчас для нее и ее дочери дороже и нужней картошка, чем шубка. И согласилась.

Это называлось «менять». Городские жители ехали в деревни, чтобы обменять вещи на продукты питания, с которыми в городе было гораздо трудней, чем в колхозе. Мама накормила женщин чем могла.

– Будете в Серове – обязательно заходите, – сказала тетя Нина на прощание.

Но не принесла мне радости рыженькая шубка. «Как, должно быть, любила ее городская девочка!» – думала я, и мне становилось стыдно. Так и не стала носить я эту обновку и горевала до тех пор, пока мама не увезла шубку обратно в Серов. Вернула как подарок. Кстати, потом мама долгие годы общалась с тетей Ниной.

Время было нелегкое, но люди тогда были очень добрыми. Атмосфера доброжелательства и взаимной выручки, в которой мы росли, учила нас быть добрыми и справедливыми. Этому учила нас и школа.

Моей первой учительницей была Антонина Ивановна Еремеева. Помню, как она встречала нас у дверей класса и усаживала за парты. Правда, потом до конца учебного года нас учила Шишкина. К сожалению, не помню ее имени и отчества и не знаю, откуда они приехали (может быть, тоже были из эвакуированных). Ее муж в 1941-1942 учебном году был директором нашей школы, а с их сыном Вовкой Шишкиным, который очень красиво писал, я сидела за одной партой.

В начальных классах меня учили также Елизавета Петровна Рагозина и Наталья Ивановна Романова, а в пятом-седьмом по русскому языку и литературе была у нас Варвара Ивановна Молвинских, по географии – Галина Николаевна Кулешова. Уроки физкультуры вел Андрей Архипович Стецюк, молодой, красивый, хотя и с обожженным лицом: говорят, он горел в танке и рано был возвращен в тыл. Потом нашим физкультурником был также фронтовик Петр Гаврилович Кулешов. А Киприян Павлович Рагозин, вернувшийся после войны в родное село, стал директором Романовской семилетней

школы. Все наши учителя были тогда совсем молодыми. Такими и остались они навсегда в моей памяти: молодыми, энергичными, не согнувшимися под ударами судьбы и щедро отдающими знания и тепло своей души нам, детям военного времени.

Первой пионервожатой была у нас Фира Шумайлова, простая, скромная и очень боевая девушка. Хорошо помню первый пионерский костер, который Фира проводила с нами в кедровнике. С пионерами в то время работала также Зоя Абрамовна.

А еще у нас была Наташа-маленькая. На лице этой женщины уже проступали морщинки, а ростом она была не выше второклассницы. «Наверно, лилипутка», – рассуждали мы между собой. Откуда в наше село занесли ее ветры войны, мы не знали, как не знали ее имени и отчества – называли ее просто Наташей и очень любили. Она была акробаткой, умела петь и танцевать и даже показывать фокусы. Наташа-маленькая готовила с нами различные номера художественной самодеятельности, и мы выступали с концертами в клубе и на колхозных полях. Частенько аккомпанировала нам на баяне Маша Голодок. Невысокая, коренастая, белокурая девушка с мужской стрижкой, в гимнастерке с ремнем, военных брюках и сапогах, она была неунывающей, боевой и умела всем поднять настроение.

Концерты помогали готовить и все учителя, и каждый праздник выступали мы на клубной сцене. Зрительный зал был всегда полон.

– Ой, туманы мои, растуманы,

Ой, родные поля и луга.

Уходили в поход партизаны,

Уходили в поход на врага...

Звучали детские голоса, и на глазах многих женщин выступали слезы. Нас любили слушать не потому, что мы уж очень хорошо пели, а скорее потому, что песни рассказывали о войне, о большом горе и великом подвиге советского народа. И было много песен о Сталине: ведь

Сталин – наша слава боевая,

Сталин – нашей юности полет.

С песнями, борясь и побеждая,

Наш народ за Сталиным идет.

Чем еще мы занимались? Вместе со взрослыми собирали и отправляли посылки на фронт, помогали колхозникам на ферме. Летом в поле собирали колоски, помогали на току молотить хлеб. Собирали сосновые почки, ромашку и другие лекарственные растения и сдавали в аптеку.

А еще расскажу вам о том, как по весне, лишь только сойдет снег, мы отправлялись на колхозное картофельное поле. Полуголодные, полубосые, словно грачи на пашне, ходили по холодной, едва оттаявшей земле в поисках гнилой картошки. Перезимовавший клубень – это сморщенная, грязная оболочка, под которой тоже грязь да воздух, а внутри маленький, твердый крахмальный комочек – главная ценность. С полными посудинами этой ценности возвращались мы домой. Ох, сколько же нужно было принести колодезной воды, чтобы не один раз перемыть эти гнилушки и добраться, наконец, до белой серединки! Зато какими вкусными казались лепешки из гнилой картошки!..

Расскажу еще об одной поездке. Это было уже после войны. Летом мы с вожатой Фирой и Елизаветой Петровной ездили на экскурсию, и для нас, сельских ребятишек, это было великим событием. Многие из нас впервые ехали на поезде, впервые жили в гостинице города Серова. Совершили экскурсию по городу, впервые побывали на металлургическом заводе. А из Серова поехали в Марсята («Станция Марсята – вылезайте, поросята!»). Познакомились с этим шахтерским поселком в Ивдельском районе, спускались в штольню. Очень интересно!..

Спрашиваете, как я училась и какую вела общественную работу. Училась хорошо. Семилетнюю школу окончила на круглые пятерки и с похвальной грамотой. А потому в Серовское педагогическое училище поступила без экзаменов. Окончила его тоже успешно и была в числе пяти процентов выпуска направлена в институт. Учиться мне было интересно, и все предметы для меня были любимыми. В пионерской организации была и звеньевой, и председателем совета отряда, и председателем совета дружины. Кроме того, каждый год меня выбирали в редколлегию школьно стенной газеты. Да так и повелось с детства: и в педучилище, и в институте – тоже в стенгазете. А когда работала учителем русского языка и литературы в Сосьвинской средней школе – отвечала за работу школьной ученической стенгазеты. Да и теперь работаю в

газете, только не стенной, а настоящей, городской, которая печатается в типографии. Называется моя газета «Качканарский рабочий».

Вы пишете, ребята, что создаете летопись пионерской организации села Романово. Это очень хорошее и нужное дело. Ваша работа, как всякая летопись, станет страницами нашей истории. Через много лет романовские школьники будут с интересом узнавать о нашем времени, которое для них является прошлым. А, прикоснувшись к прошлому, они станут духовно богаче и будут благодарны вам.

Из истории школы. В 1734 году в селе Романово было открыто двухклассное училище. Позднее (год неизвестен) оно было реорганизовано в четырехклассную школу. В 1927 году открыта семилетняя школа, реорганизованная в восьмилетнюю в 1961 году. Новая, средняя школа построена и открыта в 1984 году.

Получается, что нынче, в 2009-м, можно поздравить педагогический коллектив с 275-летием образования в селе Романово.

А в далеком 1972 году я была благодарна ребятам, которые вернули меня в Страну моего детства. И до сих пор как светлая память о военном и послевоенном времени живет во мне чувство единой семьи, какой в те годы было мое село: доброта, взаимовыручка и помощь, и полное доверие всем и каждому. Да, полное доверие. «Здесь держать можно двери открытыми, что надежней любого замка», – пелось в кинофильме «Дело было в Пенькове». И у нас было так: ни ворота, ни двери не закрывались. Ни старики в избах, ни гуляющая до ночи молодежь никого не боялись: воров и грабителей не было. Жили спокойно.

Между тем нас окружали колонии. В 15 километрах от села, по Верхотурскому тракту, заключенные валили лес. Об этом узнала я через много лет, когда там, на Пятнадцатом, мы косили траву: наши заливные луга в то лето долго находились под водой. Огромное, свободное от леса пространство. О том, что здесь была колония, напоминали редкие остатки покосившегося забора с колючей проволокой, полусгнивший и тоже покосившийся скелет наблюдательной вышки да дощатый барак, вернее – огромный сарай с земляным полом и длинными нарами. Этот сарай в сенокосную пору укрывал нас от дождя и служил ночлегом.

А в другой стороне, в 12 километрах от Романово, проходила железная дорога. Там, на станции Новая Заря, тоже была колония. Ее колючий забор и бдительные вышки я видела всякий раз, когда на паровозе ездил в Серов, где училась после окончания семилетней школы. По избитой телегами дороге в осеннюю непогоду или в зимнюю стужу, днем или ночью (поезд из Серова приходил поздно), мы с Валею Романовой топали пешком эти двенадцать километров – и не было у нас ни страха, ни опасения за свою жизнь, хотя колония – вот она тут, рядом.

В 20 километрах от Романово – рабочий поселок Сосьва, где я после института работала в средней школе. В Сосьве была не только большая-пребольшая колония, но и находилось управление СевУралЛага, разместившееся в самом большом и красивом здании этого деревянного поселка, который, впрочем, тоже жил спокойно: о кражах, убийствах или изнасилованиях мы даже не слышали. Потому что преступники находились по ту сторону колючей проволоки. Так что могу сказать: мы выросли в зоне, но об этом не знали. Такие были времена.

А что сейчас? Что в наши дни «надежней любого замка»? Железные двери на квартирах и подъездах? Металлические решетки на окнах? Закодировались, забаррикадировались – и сидим за этими решетками, будто в тюрьме. От кого отгородились? Да от преступников, которые гуляют на свободе. А мы каждый день видим на домашних экранах, читаем в газетах и просто слышим о страшных преступлениях – и ужасаемся. И не спасают нас наши решетки. А для преступников нет ни высоких заборов, ни колючей проволоки... Вот такие времена...

Дочки-матери

Мы с Виктором приехали в Романово, где проводили летние каникулы наши мальчишки. Узнали, что у своих родителей гостит Валя Романова (по мужу – Азаренко). Вернее, не гостит, а хозяйничает. Ее вызвали телеграммой: мать, Александра Ивановна, в тяжелом состоянии, у ней рак. На другой же день я побежала к Романовым.

Валя неторопливо шла навстречу, вытирая руки о передник.

– Проходи, – сказала она. – А я все хозяйством занимаюсь. Скоро мужики с покоса придут, надо ужин готовить.

Она говорила так спокойно, так буднично, словно мы и не расставались вовсе. И сама была какая-то очень домашняя. Мне почему-то представилось, как она, полная, пышногрудая шахтерская жена, неторопливо ходит в своем украинском саду под Горловкой, бережно трогает каждую веточку.

Валентина мало изменилась. На полном, как и прежде, лице почти незаметно морщинок, а короткая стрижка делала его совсем моложавым. Пожалуй, единственный «возрастной» признак – это второй подбородок. От всей ее фигуры исходило ощущение молодости, силы, здоровья и еще чего-то мягкого, уютного. Она говорила о своей семье, о школе-интернате, где работает, о беспокойном хозяйстве, которым занимается здесь, в Романово. Была Валентина серьезна, озабочена. Но временами смеялась негромко и так беспечно, словно и впрямь не было ни лет, ни расстояний, разделявших нас, а было и есть одно беспечное детство.

Из спальни вышла Александра Ивановна. Медленно, осторожно опустилась на стул, скрестив на коленях свои желтые руки.

– Здравствуйте, Галя, – сказала протяжно, еле слышно и приветливо улыбнулась. Улыбка была едва заметной, грустной; лицо восковое, глаза усталые. Глянули на меня эти добрые глаза – и я физически ощутила время, все эти годы и расстояния, о которых забываешь рядом с Валентиной.

Я вспомнила прежнюю Александру Ивановну, ту, из нашего детства. Была она полная, краснощекая, как и все в их роду. Боевая, крикливая, работающая. На таких вот бабах и держалось в войну наше село. Весной они пахали и сеяли, а осенью вручную, серпами выжинали десятки гектаров хлеба. Колхоз-

ные доярки, как и Александра Ивановна, вставали ни свет ни заря и спешили на ферму. И все-то им было под силу: по-женски лелеять большое рогатое стадо, по-мужски ловко управляться с пилой и топором, заготавливая дрова на всю зиму; по-богатырски орудовать тяжелой пешней, делая проруби во льду озера Гаревского (водопровода-то на ферме, да и в селе не было). А сколько они выкосили травы, сколько вырыли и утрамбовали силосных ям, обеспечивая коровам сытую зимовку. Сами же недоедали и недосыпали. И при этом не утратили они материнской нежности и ласки. И, казалось, не будет износа этим тридцатилетним мадоннам.

А теперь передо мной сидела слабая, очень худая женщина. Она по-прежнему приветливо улыбалась, а в потухших глазах стояли слезы. Нет, она не оплакивала свою судьбу. Ее глаза будто пели: «Ой, как нам хочется, взрослые дочери, видеть счастливыми вас». В какой-то миг показалось, что я отчетливо слышу нежную мелодию этой песни о них, матерях наших.

Разговаривали мы недолго: Александра Ивановна была очень слаба. Потом Валя пошла провожать меня.

– Завтра Егоровы приезжают, – сказала она при расставании.

Я увидела Егоровых, когда они шли со станции. Леонид такой же высокий, худой и рыжий. Младший сын, похожий на отца. И наша Ирка. Поравнялись, поздоровались. А Ирка вместо приветствия схватила меня в охапку и закружила на глазах у всей улицы. Потом осторожно, как ребенка, поставила на землю. И с нежной улыбкой осмотрела с головы до ног.

– Ой, Галка. Ты такая же маленькая, тоненькая и совсем молодая! Сколько лет мы не виделись: десять, двенадцать?.. А я, погляди, совсем бегемотом стала. Говорят, и Валя Романова здесь? Вот здорово! – вопросы и восклицания так и сыпались из Ирки.

Леонид с сынишкой давно ушли вперед, а Ирка все тараторила. Наверное, незнакомому человеку показалось бы странным несолидное поведение немолодой тучной женщины. Незнакомый увидел бы только ее нездоровую полноту, морщины да коварную седину. Откуда знать ему, незнакомому, что этой женщине, которая выглядит на все пятьдесят, нет еще и сорока лет? Что он знает об ее морщинах?

Ах, эти морщины!.. Они приходят к нам очень рано, с первой

детской обидой, с первой печалью. Но их не видно, потому что, кроме горя, существуют еще детский смех и детский сон, детские необыкновенные радости. Их боятся морщинки и прячутся. Не уходят совсем, а прячутся. Невидимые, они скачут на одной ножке рядом с нами, резвятся, водят вокруг нас хороводы. И чем печальнее мы, тем веселей морщинки. А когда в их хороводе становится тесно, морщинки одна за другой прыгают к нам на лицо, поудобней там располагаются и остаются с нами навсегда. И никуда ты от них не денешься, потому что все эти морщинки – твои. Тут самое главное – не пустить их в душу. И счастлив тот человек, кому это удается. Лицо такого человека морщинки делают ласковым, добрым, мудрым.

Иркины морщинки улыбались, а глаза оставались печальными. Ирка казалась старухой: ведь душа ее плакала, а значит, находилась во власти морщин. У Ирки горе: умерла ее бабушка, Устинья Симоновна, и Егоровы приехали на похороны.

– Не могу представить, что ее больше нет... Вот придем сейчас домой, а она... – Иркин голос срывался, глаза делались красными, морщинки – скорбными. – Надо идти, – она виновато улыбнулась, торопливо смахнула слезу и пошла вдоль села, сопровождаемая хороводом невидимых морщинок, которым еще предстоит переселиться на ее лицо.

На похоронах не было человека безутешнее Ираиды. Ведь Устинья Симоновна была для нее не только бабушкой, а и матерью, и отцом, и няней, она вырастила и Иркиных детей.

Матери у Ираиды не было. Была женщина, родившая ее. Помню Лидию Ивановну в пору нашего детства. Молодая, красивая, с точеными ножками и фигуркой. Мне запомнился ее ровный учительский почерк. Она хорошо рисовала, умела аккуратно, со вкусом написать плакат или лозунг для школы, начертить схему или таблицу. Она хорошо танцевала и прекрасно пела (мы ходили к ней в школьный хор). Для сельской школы такой учитель был просто клад. Да не сберегла Лидия Ивановна этого клада ни для учеников, ни для собственной дочери. Все сокровища унес бурный пьяный поток. Семейные неудачи, личное горе оказались сильнее этой красивой, интересной женщины. И Ирка, которая была Федоровской, а по отчеству Павловной, вдруг стала Толмачевой Ираидой Леонидовной, а года через два – опять Федоровской. Не тогда ли вокруг Ирки заплясали первые морщинки?

Ираида росла у бабушки, а Лидия Ивановна скиталась где-то. Однажды я встретила ее в Сосьве, где я работала после института. Увидела ее в столовой. Грязная и жалкая, с выбившимися из-под платка волосами, она сидела на краешке стула, облокотившись на стол и опустив на колени тяжелую, пьяную голову. Бессмысленный, отсутствующий взгляд ее оживился, когда из рваной сумки, стоящей на полу, она достала недопитую бутылку и дрожащими руками поднесла ее к бледным губам своим. Трудно было узнать в этой пьяной старухе прежнюю красавицу Лидию Ивановну.

Так и мотается по белу свету. И нет для нее ни дочери, ни внуков, ни прочих родственников. Забыла родное село, забыла свою мать, даже на похороны не приехала. Ирке вдвойне было больно и стыдно. Вечный позор и вечную боль – вот что оставила пьяница-мать в наследство единственной дочери.

Мы не утешали Ирку, просто старались быть рядом. Словоохотливая наша Ирка онемела от горя. Лишь взгляд, обращенный на нас с Валентиной, говорил, как она благодарна нам и судьбе, которой было угодно, чтобы в этот тяжелый для Ирки час рядом с ней оказались те, которые родом из детства.

2000 год

К истокам

Летом 2006 года братья Игорь и Олег Ситниковы, их мама Лидия Ивановна, их двоюродный брат Андрей и их тетя Людмила Ивановна Пластинина отправились к своим истокам, на родину предков. А предки их жили в тех самых местах, где река Ляля впадает в Сосьву.

На берегу Ляли ютились небольшие деревеньки Панышино и Лубянка, ближе к устью – Якимово, а дальше, уже на берегу Сосьвы – Соломоновка. Леса были богаты грибами и ягодами, дичью, реки – рыбой; щедро кормила людей матушка-земля, на которой они работали от зари до зари. Пахали и сеяли, растили хлеба, держали скот, косили траву (на заливных лугах она отменная). Каждое утро вставало солнце, согревая землю, освещая крестьянские избы, из труб которых спозаранку поднимался дым.

В одной из таких изб в деревне Соломоновке жили Пластинины: Иван Алексеевич и Марина Мартыновна. Работали в колхозе, вели свое крестьянское хозяйство, растили детей. Достаток в семье был невелик, как, впрочем, у всех колхозников. Жизнь сопровождали редкие радости и повседневные тягости. В беде помогали взаимовыручка и поддержка. Когда у Пластининых один за другим умерли их первенцы: сынок и дочка, – вряд ли Марина пережила бы такое горе, если бы не Иван. Хорошо, когда муж рядом!

А когда через несколько лет над страной громыхнула военная гроза, Иван покинул родной кров. Мужики из Соломоновки и соседних деревень стали солдатами. На фронт Иван ушел в августе 1941 года, а в декабре уже сложил свою голову в боях под Москвой. И осталась Марина одна. Тридцатилетняя вдова. Не верила: может, живой, может, еще вернется? Долго теплилась в ней эта наивная надежда. Но спасла молодую женщину работа, работа до седьмого пота. Да дочки-малолетки, которых надо было поднимать без отца: Надя, Лида, Люся и Рая. Девочки рано привыкли к труду. Старались помогать маме и прилично учиться. Начальная школа была в деревне Якимово, семилетняя – в селе Романово, что сразу за устьем Ляли, вниз по течению Сосьвы. А из Романовской семилетки школьная тропа вела в поселок Сосьву. Но Сосьвинскую среднюю школу из Пластининых окончила только Люся. По-разному сложились

судьбы сестер. Надя и Рая поселились в Карпинске, Люся – в Первоуральске, а судьбою Лиды стал Качканар.

В 1962 году впервые ступила она на качканарскую землю, где уже полным ходом шла ударная стройка. Тресту «Качканар-рудстрой» и городу юности Лидия Ивановна Ситникова посвятила свою жизнь. Здесь вырастила сыновей Игоря и Олега, здесь впервые порадовалась внучке Кате. В 1965-м, выйдя на пенсию, рассталась с Соломоновкой Марина Мартыновна и приехала к дочери в Качканар. Эта добрая и мудрая старушка душой приросла к молодому городу: ведь здесь ее дочь, внуки и правнучка. Но по Соломоновке тосковала и часто в мечтах своих возвращалась в родные края. Да и Лидия Ивановна с сестрами при встречах постоянно вспоминали свою малую родину, с которой расстались более сорока лет назад. Очень хотелось побывать там не в мечтах, а наяву и показать Соломоновку детям.

А время шло. В 2002 году, на 93-м году жизни, покинула этот мир Марина Мартыновна. В 2005-м умерла старшая из сестер – Надя. Да и младшие, давно уже пенсионерки, не в лучшей форме. Но родина зовет и придает им силы. И вот собрались. Из Первоуральска в Качканар приехали Люся и сын Нади – Андрей. К ним присоединилась Лида с сыновьями. Ну и я – в качестве проводника по гладкой дороге.

От Качканара до места назначения – почти 300 километров. Выехали в пятницу. Легко бегут по асфальту две легковые машины. Миновали Серов, дальше пошли деревни Поспелково, Морозково, Маслово, Пасынок, Монастырка. Незнакомые братьям, эти названия напомнили Лиде и Люсе их детство. А вот и река Сосьва, на другом берегу которой раскинулось село Романово. Раньше, чтобы попасть туда, переправлялись на пароме. А сейчас машины плавно въезжают на металлический мост, широкий и длинный, способный выдержать любой транспорт и самую тяжелую технику. Глядя на это уникальное сооружение, сестры понимают, как много изменилось в жизни и как далеко осталось их детство.

Высокий мост выводит прямо на улицу села. Едем дальше. Слева – вид на реку и озеро Гаревое. Справа – несколько деревянных зданий под высокими тополями. В пору нашего детства это был больничный городок: амбулатория, стационар, родильное и инфекционное отделения, кухня, прачечная, дом

для врача... Сейчас подгнившая и покосившаяся амбулатория печально взирает на мир пустыми глазницами окон. Почернели, присели и другие больничные здания. С медицинским обслуживанием на селе проблема.

Проехали еще немного и остановились. Двухэтажный деревянный дом с большими окнами в красивых резных наличниках приветливо улыбается нам, как в детстве. Это была семилетняя школа. Сейчас здесь расположилась администрация села. А рядом – большое каменное здание с широким крыльцом и просторными окнами – Романовская средняя школа, которой раньше не было. Школьную площадь немного потеснил новоявленный магазинчик частных сельских предпринимателей.

А через дорогу – мой отчий дом, который уже целый век славится своим гостеприимством. Здесь мы переночевали, отдохнули. А утром мои путешественники направились к заветной цели, которая, казалось им, так близка: стоит лишь пройти до Ляли-реки, переправиться на пароме, а там – по торной дороге через Якимово в Соломоновку. Но нет теперь парома, и деревень давно нет. Не колосятся больше поля, поросшие мелколесьем. А дорога давно и надежно спряталась в густых зарослях. И не добраться бы путешественникам до родимой земли без надежного проводника, каким оказался Адольф Романов, муж моей покойной сестры Алевтины. Заядлый охотник и рыболов, дитя природы, хорошо знающий все окрестности, он и в пенсионном возрасте легок на ногу, бодр телом и душой.

Вместе с ним, в полной экипировке дошли мои туристы до устья Ляли (отсюда до Соломоновки ближе), накачали-надули привезенную с собой резиновую лодку, переправились на другой берег. В пору нашего детства тут был раздольный, пахнувший разнотравьем луг, на котором во время сенокоса поднимались десятки стогов. А теперь, выйдя на крутой берег, путешественники наткнулись на непроходимую стену: густая трава в человеческий рост и чащоба, дебри... Но они все-таки прошли сквозь эту непроходимую стену в несколько километров. Промокли с головы до ног от пота и сырости, натерли ноги, устали до изнеможения – но дошли.

Здравствуй, родная Соломоновка! Ау, где ты?.. Ни домика, ни столбика – лес и трава. Лишь шеренга постаревших черемух

напоминает: здесь была улица. Вот рядышком две липы, подальше еще одна. Между ними и стоял дом Пластининых. Спасибо, липы! Живите долго! Расположились на отдых у речки Соломоновки. Эта маленькая светлая речушка, которая поила всю деревню, по-прежнему бойко бежит в направлении Сосьвы. Какая чистая и вкусная вода! Какой чистый и вкусный воздух! Как легко дышится! И усталость уходит. Поистине целительна родная земля!.. Братьям: Игорю, Олегу и Андрею – трудно представить, что здесь когда-то кипела жизнь. А Лиде и Люсе очень жаль, что бывшее быльем поросло! На этой земле они родились. Здесь появилась на свет и их мама Марина Мартыновна, которая, однако, говаривала порой: «Мы витебские».

Дело в том, что ее отец Мартын Маркович Быстрецкий с братьями Григорием, Титом и Петром приехали в уральскую тайгу из Белоруссии в самом начале двадцатого века, когда начиналась столыпинская реформа. Приехали с семьями. У Мартына и Акулины был уже маленький Сергей, а в 1910 году здесь родилась Марина.

А многодетная семья Пластининых приехала из центральной России. Из разных мест собрались здесь люди, чтобы начать новую жизнь. И только они знали, каких трудов это стоило. Рубили и корчевали лес, строили дома, вдохнули в землю жизнь – все преодолели и стали жить безбедно. И никак не мог понять дед Мартын, для чего понадобилась революция. Не мог принять он насилия и беспорядков ни сердцем, ни умом – в глубоком помешательстве увезли Мартына в Пермь и там расправились со смутьяном.

Пережила Соломоновка революцию, пережила коллективизацию. В войну крестьянские парни сражались с фашистами и отдавали жизнь за Родину, за советскую власть. Максим, Александр и Иван Пластинины погибли на фронте; Прокопий умер на операционном столе; Тимофей, младший из братьев, сгинул в плену. Зачем погибли? Затем, чтобы впоследствии Советы сами, без всякой войны, стерли с лица земли сотни маленьких деревень?..

Разные мысли и воспоминания волнуют тебя, когда почти через полвека возвращаешься ты в страну своего детства... Сколько воды утекло с тех пор! Все так же несут свои воды Ляля и Сосьва, широко разливаясь весной. Все так же встает по

утрам солнце, но не поднимаются ему навстречу дымки деревенских изб...

Взяли мои странники родимой землицы, чтобы увезти в Качканар и Карпинск, на могилы Марины Мартыновны и Нади. И – в обратный путь. Устали страшно. Но какое-то светлое и великое чувство заставляло забыть об усталости. Нет, не зря пили они воду из речки Соломоновки – целительного источника их детства.

На другой день, прощаясь с селом Романово, они снова ехали по уже знакомому мосту, который связал их с прошлым. И очень хотелось верить, что станет он мостом в то светлое будущее, о котором нам говорили всю жизнь.

2006 год

О счастье, дружбе и любви

Письмо подруге, или Рассказ про нас

Здравствуй, Лиля! Пишу тебе из Гаревского, где мы с Максимом и детьми проводим отпуск и где я снова встретила Романом Васильковым. Ромка просил передать тебе «пламенный, персональный». Так что принимай привет! Правда, Ромкино пламя не растопит твой лед: мы с ним хорошо понимаем это.

Как-то получилось, Лиля, что мы с Романом с раннего детства самые верные друзья и самые лучшие подружки. Ромка же со школьных лет влюблен в тебя, безответно, безнадежно. Да ты это прекрасно знаешь, хотя никогда не принимала Романа всерьез. И о своей любви к тебе он рассказывал мне, застенчиво, немногословно. Начнет говорить – покраснеет, засмущается.

– Н-ну, да ты ве-е-дь сама все знаешь, – скажет, заикаясь сильнее обычного, и замолчит.

Ему казалось, что я понимаю его с полуслова, чувствую малейшее движение его души. Мы часто бывали вместе: читали книги, играли в шашки или отправлялись с поле, в лес. О чем только ни переговорим! Начнем с какой-нибудь травинки или букашки, а окончим звездами, космосом, хотя в ту пору еще и спутники не летали. И нам было хорошо: Ромке – оттого, что мое существование напоминало о тебе; мне – оттого, что я нужна ему. А кроме того, мне было обидно за Ромку. Ведь он был лучше других, но наши девчонки, в том числе и Вы, прекрасная Лилия Алексеевна, совершенно не чувствовали, что этот скромный мальчишка, который стесняется своего заикания, достоин большого счастья и может подарить настоящее счастье, особенно тебе, Лилька! Да, видно, твое счастье ходило по другим дорогам.

Кончилось детство, и дороги юности увели нас из Гаревского – в техникумы, потом в вузы, Романа – в армию. И начались письма, письма, фотокарточки. Так это было или не так, но мне всегда казалось, что мои письма дороги Роману потому, что в каждом из них было хоть словечко о тебе. Сам он о тебе спрашивал редко, неназойливо и как-то косвенно: «Ну, как там поживают в Верхотурье?» (это когда ваша семья переселилась

туда), «Что слышно о железнодорожно-кондитерском?» (помнишь, так он шутил в пору твоих «идейных шатаний?»), «Что нового в Свердловске?» (когда ты поступила в УПИ) – и все в этом роде. Он вообще редко произносил твое имя. Наверно, потому, что не хотел бросать на ветер самое дорогое слово, как не разбрасывал и своих чувств. А однажды в письме выразился так: «Лилька – это же благородная лилия, а я всего лишь ромашка-василек – словом, полевой цветок, совсем не из того букета». И между строк я увидела печальные глаза Ромашки Василькова. И захотелось в этот грустный для него миг оказаться рядом.

«Письма, письма... Хорошо, что они есть, – писал Роман. – Но нам с тобою, Женьшень, обязательно надо встретиться, наговориться вдоволь, взяться за руки, как в детстве, посмотреть друг другу в глаза – чтобы можно было жить дальше. Правда, Женька?» Это была правда. Ни годы, ни расстояния, ни мое замужество не мешали нашей дружбе. Роман появлялся неожиданно, вырастал передо мною, будто из-под земли.

– Здравствуйте, Евгения Петровна! Я не видел вас целую вечность! – и улыбался, счастливый.

– Здравствуйте, Роман Петрович! Я не видела вас ровно столько же. Проходите!..

Как-то весной из Орджоникидзе, где Роман работал после института, он приехал ко мне в Кривой Рог, где начиналась моя семейная жизнь.

– Здравствуй, сестрица Алenuшка!

– Здравствуй, братец Иванушка! Проходи. Попей вот из этого копытца – и побежишь за мной козленочком. Торopплюсь на работу.

Я налила ему холодного квасу, и минут через пять мы шли по улицам города, направляясь в вечернюю школу. Потом он сидел у меня на уроках, слушал внимательно, как самый прилежный ученик. А после уроков, взявшись за руки, не спеша, шли мы обратно. И было странно, что под ногами асфальт, а не тропинка луговая, что мы не в селе Гаревом, а в большом промышленном городе, к которому я так и не привыкла.

А через час-другой мы сидели за столом, пили за встречу, ждали моего Максима, который в тот день работал с 16 часов и пришел домой после двенадцати. И, конечно, говорили о тебе. Роман никогда не жаловался на судьбу и в этот раз – тоже. Но я

чувствовала: твое, Лилька, замужество – это та грань, та полоса, за которой для него начиналась пустота. «Ромочка! – хотелось сказать ему, – Где же ты был? Почему не звонил во все колокола? Может, она услышала бы. Надо было постучать – может быть, тебе открыли...» Но я не сказала этих слов, потому что знала: не станет Ромка стучать и рваться в ту дверь, которая закрыта наглухо, куда ему вход запрещен... А постучать, наверно, стоило. Ведь сколько хороших людей в пору юности упускают свое счастье, а когда приходит жизненный опыт и появляется смелость, стучать бывает уже поздно: за дверью поселилось чужое счастье, и его нельзя спугнуть.

Так и Ромашка. Долго жил он в одиночестве и смятении, пока не встретил свою Лилию. Нет, это была не ты, Ковалева, и все-таки Лилия. Видно, кому-то, может быть, себе, Васильков решил доказать, что полевые цветы и лилии – это все-таки прекрасный букет.

Его жену я ни разу не видела. Видела только ее дочь, которая прошлым летом гостила в Гаревом у бабушки Капитолины Яковлевны. Девочка лет тринадцати, светленькая, с длинными косичками, скромная. Видела и Капитолину Яковлевну. Она всегда радовалась нашей встрече и всегда говорила о Романе, о его неустроенной жизни. «Ну, почему вы, Женечка, не поженились? Я так мечтала!..» Ей всегда казалось, что мы с Ромкой созданы друг для друга... В этот раз в ее материнских глазах не было прежней тревоги и боли. «Хорошо живут. Расписались. Роман девочку удочерил. А Лилия в каждом письме пишет: «Спасибо тебе, мама, за Романа!»

С Ромкой в прошлом году мы не виделись. Встретились нынче и, как всегда, не могли наговориться. О Лиле. С ней он встретился на курорте. Как видишь, у Василькова все на полном серьезе, даже курортный роман. Лилия из Карелии, учительница, но в школе не работает, а занимается городским музеем в Междуреченске, где они живут. Года через два из Сибири собираются переехать на Урал или в Карелию. Сейчас пока нельзя. Почему? Лилия беременна. Об этом Ромка сказал так осторожно, даже не сказал, а намекнул. И я поняла: он очень ждет и сам не верит в это. И я тоже осторожно, полупшепотом сказала:

– Не волнуйся, братец Иванушка. Все будет хорошо. Появится и у тебя своя кровинушка, своя капелька... Ты, может, так и назовешь ее: Капелька, Капа, Капитолина... Как бабушку.

– Ты чудо, Женька! Столько лет прошло, так редко мы теперь видимся, а ты по-прежнему знаешь наперед все мои мысли, – он порывисто сжал мои руки, потом крепко обнял и, встретив мой взгляд, виновато сказал: – Прости меня, Женьшень...

Мы помолчали.

– Да, Женечка, если будет девочка, то Капитолина. Да, Женечка, не сбылась мамина мечта. А ведь мы с тобой могли бы быть счастливы. Ведь ты моя Женьшень, мой корень жизни... М-мы бы лю-ю-били друг друга, – сказал он, заикаясь от волнения. Наши взгляды встретились, и мы опять замолчали.

Нет, Лилька, Ромкины слова не были признанием в любви. Это было признание в том, что его счастье так и не состоялось. У него хорошая семья, но любви нет – вот что звучало в подтексте. И так было жаль этого хорошего и дорогого мне человека, что на какой-то миг я приняла эту жалость за любовь

– Н-ну, а как там в Новосибирске? – спросил Роман после паузы. Спросил как-то торопливо, словно боялся, что кто-нибудь прервет наш разговор, и он не успеет узнать о тебе.

Я рассказала все, что знала по твоим скупым и редким письмам.

– Как жаль, что ее сейчас нет в Гаревом, – сказали мы почти одновременно и дружно рассмеялись, удивляясь, что думаем одинаково...

Вот тогда-то Ромка и попросил меня написать тебе большое письмо о нашей встрече, о Гаревом, обо всем. И передать тебе пламенный, персональный. Так что привет тебе, Ковалева!

2000 год

Поселок ВАЛЕРИААНОВСК

Сидоровы

Они росли в одном селе и были однофамильцами. В семь лет считались взрослыми, привыкли рано вставать, дышать утренней прохладой, чувствовать острый запах скошенных трав или живительное тепло вспаханной земли. Рано познали крестьянский труд.

Маруся умело доила коров, пилила и колола дрова, носила воду на коромысле, цепами молотила хлеб, работала в поле. А поле, большое, бескрайное, раскинулось вдоль полотна железной дороги. Сколько раз, прижав серп к груди, глядела Маруся вслед уходящему поезду и думала: «И куда все идут и идут поезда? Куда едут люди? Где начинается и где кончается эта дорога?..» Хотелось побежать за составом, увидеть, что же там дальше, за этим полем и лесом, узнать, везде ли жизнь одинакова.

— Собирайтесь, пойдём на железную дорогу, — сказал однажды ей и сестре старший брат Тимофей.

Сердце Маруси почему-то сжалось, в мечтах она уже видела дальние края — и не шла, а летела на станцию. Там ждал их длинный товарняк. Зашли в вагон, осмотрелись: большая, узкая коробка.

— Будете грузить, — сказал Тимофей.

И сестры грузили. Таскали дрова на носилках и складывали в вагон, аккуратно и осторожно, неумело.

— Так дело не пойдёт, — сказал Тимофей и начал работать руками и ногами, быстро, ловко, энергично. — Понятно? — спросил и, не дожидаясь ответа, вышел из вагона.

И девчонки работали. Поленница, носилки, вагон; поленница, носилки, вагон... Болели руки, ноги и спина, кружилась голова от усталости, но к закату солнца они успевали загрузить два вагона, и десятник Санников ставил сестер Сидоровых в при-

мер другим. Проходило несколько дней, и груженный состав отправлялся, увозя их труд и мечты.

... Федотка бежал по росе и чувствовал, как мокрая трава прогоняет сон. Сейчас Федот поймает коня и будет возить копы; на покосе он первый помощник. Впрочем, и в поле – тоже. Сначала помогал боронить, потом научился пахать, а немного подрос – и стал сеять, вручную, умело, как старики. И очень гордился этим. Земля и люди растили его, давали силы, учили работать. И задумываться над жизнью.

Однажды Федотка видел, как бежал по шпалам стрелочник и призывно махал рукою мужикам. Он что-то громко кричал, а когда поравнялся с крестьянами, перешел на шепот.

– Говорят, царя скинули, – выдохнул он и почему-то оглянулся.

Вопросы и восклицания слились в сплошной гул, и мужики гурьбой направились в село. Федотка едва поспевал за ними, потом отстал. Он думал: «Кто царя скинул и как?»

Ему, как и Марусе, хочется знать обо всем: и куда идут поезда, и отчего восходит солнце, и о чем шумят деревья, и почему царя скинули...

Недаром Федот и Маруся с замиранием сердца проходят мимо школы, а в свободное время часами сидят на ее ступеньках, заглядывают в окна. Учитель кажется им волшебником, знающим все тайны мира. Они завидуют мальчишкам и девчонкам, которые умеют писать и читать. Взять бы книжку да тетрадь и шагать вместе с ними к этому заветному зданию.

Но Марусе дома сказали:

– Хоть бы парней-то выучить. На всех разве хватит денег?.. А вам замуж идти – приданое надо готовить. Были бы руки умные...

А Федот от отца, вернувшегося с войны, услышал:

– Я тоже неученый был, когда ушел на фронт в 1914-м, а письма домой писать научился – и ладно. Придет пора, и ты научишься. А теперь работать надо...

Так вот и вышло, что ни Маруся, ни Федот ни одного дня, ни одного урока не просидели за школьной партой.

А время шло, и работы действительно хватало. Федот Сидоров рубил лес, плотничал, в коллективизацию был трактористом. За работой не заметили, как выросли, и не знают, на каком перекрестке слились их дороги в одну. Может быть, еще тогда, в детстве, на ступеньках школы?..

В 1937 году Федот Яковлевич учился на курсах ликбеза и, глядя на своих бородатых и юных соседей, старательно выводящих первые буквы, сердцем чувствовал: это и есть новая жизнь, это и есть счастье.

А потом они с Марусей качали своего первенца, дочку Любу, и были уверены: она будет учиться. И эта мысль тоже делала их счастливыми.

В победном 1945 году пошла Люба Сидорова в первый класс. Прибежит из школы – и за уроки. «Поела бы сначала», – думает мать, но ничего не говорит, только смотрит, как старательно пишет дочь, помогая себе языком, – и что-то теплое сжимает материнское сердце.

А следующей осенью вместе с Любой пошагал и Толя, она – во второй, а брат, с тетрадкой и карандашом, сел за парту в первом классе и с серьезным видом приготовился слушать урок. Было очень интересно!.. Но через несколько дней ему сказали:

– Ты еще мал, трудно тебе будет. Приходи через год.

Он не спорил и даже не плакал, но каждый день приходил к небольшому деревянному дому, на котором написано: «Школа». Сидел на завалинке или в тишине коридора слушал, как звучит за дверью класса уверенный голос учителя... Шли осенние дожди, ударили первые заморозки, потом выпал первый снег, а Толя Сидоров все ходил возле школы или стоял в коридоре.

Иногда в каком-нибудь из классов (нет, не в первом) открывалась дверь, и учительница говорила:

– Ну, заходи...

Он знал, что это «просто так», но проходил за учительницей к столу. Она открывала перед ним учебник:

– Читай...

Он смотрел на нее недоверчиво, потом начинал:

– «Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать...»

Он читал, а ребята слушали. Потом учительница, положив на плечо ему руку, говорила: «Молодец», что означало: «А теперь у нас свои дела». И Толя отправлялся в коридор.

А Федот Яковлевич и Мария Лукинична смотрели на своего шестилетнего «ученика» и только вздыхали, вспоминая собственное детство.

Была середина декабря, когда пришли к ним из школы и сказали:

– Пишите заявление, пусть учится ваш «инженер»...

Там, в маленьком поселке Троицкий Исовского района, сделал свои первые шаги будущий инженер Анатолий Сидоров.

И вот позади средняя школа, служба в рядах Советской Армии, позади три курса Свердловского горного института.

– Сдал сопромат – жениться можно, – смеясь, сказал как-то родителям. И в самом деле женился. И продолжали учиться оба с женой.

Был горд Федот Яковлевич, когда на Западном карьере Качканарского горно-обогатительного комбината, где он работал, появился в 1967 году горный инженер Анатолий Федотович Сидоров, а еще через два года сюда же пришел работать инженер-маркшейдер Николай Федотович Сидоров.

– А нынче летом, – рассказывает Сидоров-отец, – поехали мы с Николаем в Свердловск, чтобы послушать, как будет защищать диплом наш младший, Юрий... И вот сидим в аудитории, волнуемся. Юра говорит спокойно, уверенно, объясняет что-то по своим чертежам. Мне бы смотреть на него надо, а я голову опустил: подкатился комок к горлу, и не мог я его удержать: сию, вытираю слезы. И сердце стучит, словно я к финишу подбегаю... – он задумался, потом продолжал: – Да так оно и есть: для Юрия эта защита – старт. А для меня и вправду финиш. Долго я шел к нему. С того 1945 года, когда Люба пошла в первый класс. Это сколько же получается? Двадцать шесть лет непрерывной учебы. А можно считать и по-другому: трое моих детей учились по пятнадцать лет, а четвертый – шестнадцать, в общей сложности шестьдесят один год, ровно столько, сколько я прожил на свете. Интересная арифметика?.. Так как же мне не волноваться, когда выходит на широкую дорогу мой последний сын!..

А когда защита закончилась, подошел я прямо к комиссии и говорю: «Третий мой сын выходит сегодня из стен Свердловского горного института. Низкий поклон вам и большое отцовское спасибо!».. Я что-то еще говорил, сбивчиво и нескладно, но это была искренняя благодарность людям и всей жизни нашей...

Не пришлось Марии Лукиничне и Федоту Яковлевичу

краснеть за своих детей: отлично учились в школе, успешно закончили вузы. То благоговейное чувство, с каким всегда относились к школе Сидоровы-старшие, передалось младшим.

Не случайно Люба Сидорова, получив аттестат зрелости, встала за учительский стол и, работая в Валериановской средней школе, заочно окончила Нижнетагильский педагогический институт.

Однажды на традиционном вечере выпускников Исовской средней школы Анатолий Сидоров встретил свою первую учительницу Руфину Васильевну Долгих, которую не видел двадцать пять лет. И не случайно встреча эта явилась для него зарядом бодрости.

Не забывает Николай Сидоров своих первых учителей Татьяну Михайловну Кандалину и Александру Ивановну Архангельскую и всякий раз, поздравляя их с Днем учителя, волнуется, как школьник.

Братьев Сидоровых нередко можно видеть в Валериановской средней школе, над которой шефствует коллектив Западного карьера. Провести беседу о профессиях, организовать экскурсию на производство, сделать стенд для кабинета или рамку для стенгазеты, побывать у ребят дома, посетить вместе с ними кинотеатр или Дворец культуры – работы много, но она не тяготит, а приносит истинное удовлетворение. С детьми интересно. О чем шепчутся листья на деревьях, как называется последний роман Юлиана Семенова, когда человек полетит на Венеру – обо всем хотят знать ребята, этот пылкий, грамотный народ...

1972 год

Ее поглощенная мечта

В Валериановске, на улице Вайнера, стоит дом Калашниковых. По-деревенски простой и скромный, по-праздничному нарядный, голубой, как весеннее небушко. В этом доме, где выросли две дочки и сынок, долгие годы звенели детские голоса; дом, полный забот и хлопот, делил с хозяевами все их радости и горести. Со временем в доме поселилась степенная тишина; степенными стали и хлопоты, без которых не могут обойтись пенсионеры, привыкшие к земле и своему хозяйству.

В один из мартовских дней этот дом, где теперь живут только двое, вдруг стал многолюдным, наполнился торжественными и веселыми речами, музыкой и цветами. Чествовали хозяйку дома Любовь Федотовну по поводу ее 70-летия. Поздравляли друзья и родные и, конечно, учителя Валериановской средней школы, в которой проявился и расцвел ее педагогический дар, где воплотилась в жизнь ее заветная мечта.

Семьдесят лет. Круглая дата, еще одна веха на жизненном пути, еще один повод оглянуться назад. В такие моменты помогает нам благодарная память. И унесла она нашу юбиляршу в далекую пору ее детства, к добрым и мудрым родителям.

Федот Яковлевич и Мария Лукинична Сидоровы – из репрессированных. Высланные на Урал в 30-х годах прошлого века, они мотались по леспромхозам и лесоучасткам, пока в 1949-м не осели в Валериановске. Сидоровы вырастили дочь и троих сыновей. Простые, глубоко порядочные люди, пережившие унижения и несправедливость, они сумели воспитать в детях веру в жизнь, любовь к труду, тягу к знаниям и глубокое уважение к школе. И счастлива Любовь Федотовна, что вся ее жизнь оказалась связанной со школой.

Раннее детство Любы прошло в Лобве, в спецпоселке с домами барачного типа. Потом была Борисовка. А в школу Люба пошла в 1945 году в поселке Троицком, где училась два года. Третий и четвертый классы закончила в Федино, а в пятый класс пришла уже в Валериановске. Сюда, в деревянный одноэтажный дом с небольшим пристроем, где размещалась семилетняя школа, девочка ходила как в храм науки. Все предметы были для нее одинаково интересны и любимы, а каждый учитель казался волшебником, знающим все на свете. Училась легко – и вот уже закончена семилетняя школа. А

потом за знаниями надо было идти на Ис. И они ходили: Люба, ее брат Толя, другие валериановские ученики.

Фуфаечки надели, котомочки за плечи – и в путь-дорожку дальнюю, двенадцать километров. Полдороги прошли – у речушки Шумихи недолгий привал на лежащем дереве, и снова в путь. И так – каждую неделю. Неблизко, нелегко. Но эта дорога казалась бы еще длиннее и трудней, если бы Люба не несла в своем сердце мечту стать учителем. Шли годы, наматывая на спидометр пешие километры – выросла Люба Сидорова и крепла ее детская мечта.

Исовскую среднюю школу Любовь закончила в 1955 году. А в 1959-м предстояло войти в класс учителем. Очень волновалась. Педагогического образования у нее еще не было, хотя она уже поработала воспитателем в детском саду, школьным лаборантом и пионервожатой. И вот ей дали пятый класс. Сумеет ли она достойно заменить ушедшую в декрет учительницу математики Валентину Прокопьевну Псаломщикову?

– Люба, прими их как своих детей, – вдохновляла и успокаивала директор школы Клавдия Константиновна Ситченко. – Я надеюсь на тебя, Любовь Федотовна.

Любовь Федотовна. Как странно и непривычно. И как ответственно!.. С чувством ответственности и вошла она в пятый класс, где в то время уже учился второй ее брат, Коля. Этот день стал самым памятным в ее жизни. А в новом учебном году ей доверили и классное руководство. Учила ребят и училась сама – на заочном отделении Нижнетагильского пединститута.

Между тем поселок, давший жизнь Качканару, и сам преобразился. И вскоре Валериановская средняя школа, занимавшая три деревянных дома, получила каменное трехэтажное здание. Кстати, в 1966 году выпускником этой школы стал младший из Сидоровых – Юрий, которого математике учила тоже Любовь Федотовна.

Математика для нее – лучшая из наук, а Валериановская школа – единственная, неповторимая, родная. До сих пор вспоминает Любовь Федотовна по-домашнему теплую школьную атмосферу и такие же теплые отношения школы с жителями поселка.

– Наши ребята умели делать все. Этому их учили не только уроки общественно полезного труда, но и сама деревенская жизнь. Они пилили и кололи дрова для всех школьных печек,

которых было немало в трех деревянных домах. Школьники помогали и пенсионерам: складывали в поленницы дрова, носили воду из колодца, садили и копали картошку – да мало ли дел в домашнем хозяйстве!..

Любовь Федотовна вспоминает смотры строя и песни, пионерские костры, игру «Зарница», школьную художественную самодеятельность, в которой активно участвовали и учителя.

– Музыкальным руководителем у нас была Полина Израилевна Штерман, танцы готовила Софья Михайловна Ляпустина (коронным номером был у нас танец «Лотос»), а костюмы мы брали в клубе «Строитель» у Миры Михайловны Мальцевой. С концертами наши учителя выступали в своем поселке, в Нижней Туре, в Свердловске и не раз занимали первые места в областных смотрах художественной самодеятельности.

Есть о чем вспомнить ветерану педагогического труда. Ведь школа – это целый мир, где каждый день полон открытий и находок; где каждый ребенок – интересная, загадочная книга; где каждый учебный год бывают первый звонок и звонок последний. И выходят в жизнь твои ученики. И гордится Любовь Федотовна, что ее выпускники успешно сдавали вступительные экзамены в вузы, стали хорошими специалистами и руководителями. Среди них Герман Дудоров, Лев Раткевич, Владимир Назаров, Лариса Штерман и другие. Многие стали учителями. Вот и сегодня преподают математику в Валериановской школе ее ученицы Светлана Веснина и Любовь Трусова, в начальных классах работают Светлана Тагильцева и Ирина Инишева, которая тоже закончила физико-математический факультет, как и Любовь Худякова.

По стопам матери пошла и Виктория Калашникова. В начальных классах Вика училась у Александры Ивановны Архангельской, а в старших – у ее дочери Татьяны Михайловны Кандалиной, преподавателя русского языка и литературы. И когда в восьмом классе писали сочинение «Кем я хочу быть?», Вика рассказала об этих учителях, ставшими для нее примером. И на вопрос, поставленный в сочинении, ответила: «Хочу быть как мама!» Как и Любовь Федотовна, она закончила Нижнетагильский пединститут и более 20 лет преподавала математику в качканарской школе №2. Сейчас Виктория Анатольевна Мандрыгина работает в спортивной школе.

Вторая дочь Калашниковых, Ирина, выпускница Уральского политехнического института, живет и работает в Москве. Сын Эдуард изучал финансы и кредит в Ижевском университете, работает в Качканарском ГОКе.

Хороших детей вырастили Анатолий Алексеевич и Любовь Федотовна Калашниковы, которые живут вместе уже 46 лет. В детстве они вместе учились в семилетней школе. Потом в биографии Анатолия были курсы киномехаников, служба в армии, курсы шоферов и курсы машинистов железнодорожных кранов. Анатолий Алексеевич, первостроитель Качканара, работал в «Уралспецстрое», в автобазе, в карьерах горно-обогатительного комбината. Из карьера ушел и на заслуженный отдых.

Сейчас пенсионеры Калашниковы занимаются хозяйством и своим домом по улице Вайнера, который они купили весной 1962 года, сразу после свадьбы. Оба уже разменяли восьмой десяток, но годам не поддаются – живут, хлопчут, радуются внукам. «Любовь Федотовна» – странно и непривычно было услышать впервые такое обращение. Теперь ей говорят: «Баба Люба». Тоже сначала было непривычно. А сейчас она гордится этим званием, как всю жизнь гордилась званием учителя.

2008 год

Поезд шел на восток...

Анц

Поезд шел на восток. Длинный, холодный состав, то ли товарный, то ли пассажирский. Вагоны-то явно предназначались для товара, в лучшем случае парнокопытного, но ехали в них люди; точнее же будет сказать – везли людей. А куда везли – люди о том не ведали. Знали только, что не взорвется состав, не взлетит на воздух: войны больше нет. Был декабрь 1945-го, но надрывно-тревожно выль-ревел паровоз, а колеса вагонов упрямо выстукивали: война, война, война!.. И в такт им, громко и надсадно билось сердце Анца.

Он сидел, молчаливый, угрюмый, пытаюсь унять свою дрожь. Иль от стужи она, иль от тех кошмаров, что зловещей тенью бежали за составом. Все вместила эта тень: и Германию с фашистской тюрьмой, и всю Европу, от Дании до Италии, где носили Анца колючие ветры войны. Вот и сейчас мчатся они за поездом – и хочется Анцу подгонять колеса: быстрее! Быстрее от этого страшного прошлого!

Да как же быстрее, если надо остановиться и вернуться назад? Ведь в том прошлом не только мрак – там ясный свет детства, там родимая земля, там его семья, его родная Эстония! Теплая волна приливает к сердцу, размягчает его, делает слабым. Домой, скорей домой!.. Но поезд идет на восток, и ничего не значат ни твои желания, ни твои страдания. Ибо ты теперь спецпереселенец. И тень прошлого преследует тебя. Неужели ж так будет всю жизнь?

Поезд идет на восток. Куда он везет тебя? В будущее? Нет, в неизвестность... А какая большая Россия! Как сурова здесь зима! Как долго тянется дорога!..

Наконец, приехали. Те, кто хоть что-то знал по-русски, читали по слогам, глядя на заснеженную станцию: «Ке-ме-ро-во...»

Так впервые ступил на сибирскую землю Анц Хансович. Здесь вместе с другими переселенцами предстояло ему работать в угольных шахтах, осваивать чужой язык и обычаи, тосковать по родине. Сюда однажды придет ему весточка из Эстонии: «Жену свою не ищите, она взяла развод».

Дуся

Есть в Алтайском крае село Баево. По мнению Дуси Захаровой, самое красивое. Как река Кулунда, как Кулундинская степь. В этом селе и выросла Дуся – с открытой, как степь, душой; свободолюбивая, как степная птица; легкая и быстрая, как река. Под стать своему отцу, независимому одиноличнику, который так и не признал колхоз, хотя корову у них забрали и увели на общий двор.

Жили Захаровы дружно. Кормились и одевались трудом своим. Дуся, ловкая да справная, успевала везде: и по заборам с мальчишками полазить, и помочь по хозяйству дома и в лесопитомнике, где работала мама. По-мальчишески бойкая и резкая, Дуся с нежностью относилась к каждой травинке, ко всякой букашке, умела защитить слабого. И очень любила детей.

В 1939 году кончила она среднюю школу и поехала в педучилище, в город Камень-на-Оби.

– И было у меня ума, как у старого пима: Обь на спор переплывала. Ведь ширь-то какая – другого берега не видать...

Но она переплывала. Отчаянная была и здоровая. А в доказательство неверующим привозила лук полевой, которого на том берегу тьма тьмушая.

Но вволюшку поплавать в Оби, как и окончить педучилище, не довелось: в 1942 году вызвали в горком комсомола. Сказали: «Пишите заявления, что идете добровольцами на фронт». И они написали, и пошли воевать – и учителя, и ученики, окончившие 10 классов. С месяц училась Дуся делать перевязки, ползать попластунски – и готово, на фронт!

Три года была она на передовой. Служила в отдельном автобатальоне. На передовую возили они снаряды и продовольствие, а оттуда – раненых. Постоянная опасность, каждодневный риск. Сколько крови, сколько смертей кругом!.. А Дусю звезда хранила. Да, видно, перед войной и звезды бессильны. Однажды во время бомбежки девушку засыпало в траншее землей – лишилась Дуся зрения.

– Никуда не повезем, в своем лазарете выходим! – решительно сказала врач Ревека Абрамовна.

И впрямь недели через две-три Дуся отходить стала. Правда, стопроцентного зрения уже нет, но жить можно. И воевать. Псков, Новгород, Старая Русса... Войну Евдокия Захарова закончила в Латвии.

Ее оставляли в Ленинграде, предлагали учиться, давали квартиру. Но нет – домой, в Сибирь!.. И вот август 1945-го. Поезд идет на восток. Длинный, веселый состав. Торжественно гудит паровоз: едут победители.

Не думала Дуся, что дома тоже повоевать придется. Оказывается, у мамы огород отобрали и отдали колхозному счетоводу. Явилась Евдокия к счетоводу, возмущенная и решительная:

– Пахать будем!

– Это как же? – опешила та. – А как же я?

– Меня это не интересует. Вы кого обижаете? Беззащитную женщину, сестренку-малолетку да слепую бабушку? Значит, мы с отцом на фронте, а вы тут сирот грабите?... Посторонись, голубочка моя: пахать будем! Видишь: мне уже и лошадь, и пахаря дали...

Это была б не Дуся, если б она поступила иначе. Да и кто вступится за слабых женщин, если хозяин еще домой не вернулся?.. Отец, познавший ужас плена, пришел в 1947-м, израненный, изможденный, с осколками в легких. Но несломленный.

Алласте

Если б Дусе Захаровой сказали, что ей суждено жить под эстонской фамилией, она бы не поверила. А уж эстонец Анц Алласте и предположить не мог, что когда-нибудь женится на сибирячке. Но вот в суровой Сибири в суровые послевоенные годы их пути-дороги пересеклись и стали одной судьбой. Это была встреча навсегда.

Разные характеры. Ну и что? Они прекрасно дополняют друг друга. Говорят на разных языках. Так разве это преграда, если все понимаешь сердцем? Бытовая неустроенность всякие послевоенные лишения. Да могут ли они испугать их, переживших войну-лихоманку?

Словом, вместе им было ничего не страшно, все невзгоды нипочем, любое дело по плечу.

25 лет в любви и согласии прожили они в Сибири. Потом приехали в Качканар, в город, который строила Надя – младшая Дусина сестренка.

Уже много лет Евдокия Николаевна и Анц Хансович Алласте живут в Валериановске. Мы побывали у них нынешним летом.

Хозяйка встретила нас во дворе. Приветливо. Но знакомиться не спешила: первым делом ей надо было накормить всех собак и кошек: своих, чужих, пришлых, которые, видать, хорошо знают дорогу к этому доброму порогу.

– Все живые, все есть хотят, все ласки ждут, – прокомментировала Евдокия Николаевна.

А в доме звенели ребячьи голоса: внучат у бабушки пятеро, и летом тут бывает весело. Мы сидели на «солнечной лавочке», и Евдокия Николаевна рассказывала о своих дочерях Антонине и Татьяне, о сестре Наде, которая ей тоже за дочь; говорила о внуках и прочих радостях жизни, об Урале и Сибири; возмущалась несправедливостью и недостатками – несжигаемыми, непотопляемыми.

– За твой язык тебя скоро посадят, – с приятным акцентом и легкой улыбкой сказал подошедший Анц Хансович. Сдержанный в словах и чувствах, он был полной противоположностью своей говорливой и эмоциональной жене.

А потом они с нескрываемой радостью показывали нам свое хозяйство: огород, теплицу и массу всевозможных приспособлений, придуманных и сделанных Анцем Хансовичем, чтобы облегчить, механизировать домашний труд, в первую очередь женский.

Что касается отношения к женщине, то оно у него уважительное, почтительное, по-джентльменски снисходительное. Отношением к женщине Анц Хансович измеряет достоинство человека. «Кто обижает женщину, тот не мужчина», – убежден он. Не потому ли супруги Алласте живут достойно? Трудностей и лишений у них было немало, но оскорблений и взаимных обид – никогда. «За всю жизнь мы ни разу не поссорились», – говорит Евдокия Николаевна.

Зачем вообще люди ссорятся, дерутся, воют? Этого Анц Хансович и Евдокия Николаевна понять не могут. Чего людям не хватает? Почему им становится тесно? Почему до сих пор не исчезают изгои, переселенцы, беженцы? Вопросы, вопросы...

А не хочется ли Анцу Хансовичу переселиться и Эстонию? Не жалеет ли он, что не вернулся на родину?

Анц Хансович подумал и сказал:

– Нет, на судьбу свою не жалею. Из Сибири тогда многие вернулись в Эстонию, да не все нашли там счастье: многих из них снова отправили – на север. Жизнь ведь переменчива:

сегодня ты прав, а завтра тебя повесят.

Нет, А.Х.Алласте не уехал домой. Теперь его дом здесь: эстонец Анц и сибирячка Дуся стали нашими земляками, уральцами.

Недавно у них в Валериановске побывал гость из Эстонии. Ведь там у Анца Хансовича живут два сына от первого брака: тоже Анц и Арнэ. Есть и три эстонских внука.

Евдокия Николаевна, Анц Хансович и подключившиеся к разговору внучки вспоминали о том, как приезжал к ним дядя Анц. А я старалась представить себе его, 50-летнего мужчину. Что чувствовал он, отправляясь из Эстонии? О чем думал под стук вагонных колес?

Наверное, о войне-разлучнице, искалечившей людские судьбы, отнявшей у него родного отца. И о том, должно быть, что родственные чувства сильнее всякой войны. Это она, родная кровь, позвала Анца-младшего в дальнюю дорогу. А еще, вероятно, он думал о том, что каждый человек и все люди должны быть сильнее любой войны, выше всяких раздоров: больших и малых, семейных и гражданских, национальных — каких угодно. Ведь все мы живем на одной планете, все мы — земляне, земляки.

Немало, наверное, передумал Анц, глядя из окна вагона. А навстречу ему бежала Россия. Поезд шел на восток.

1983 год

Валериановск – ее большая семья

Каждый ли человек может сказать, что его семья – это целый поселок? Каждый ли в такой большой семье чувствует себя родным и нужным? Такое чувство родства, обостренное заботой и ответственностью, несет в себе долгие годы Тамара Халимовна Никишина.

14 марта ей исполнится 75 лет. Почти полвека живет в Валериановске. Как же получилось, что он стал для нее семьей? Как и когда возникло у ней чувство близкого родства с поселком?

Давайте поговорим об этом с Тамарой Халимовной. И для начала спросим о семье, в которой она родилась, о ее кровных узах.

– Родилась я в поселке Глубокая Исовского района, в большой семье Хасановых, где было восемь детей. Папа, Халим Халимович, работал конюхом; мама, Анна Федоровна – домохозяйка. В 1941 году отец и старший брат Николай ушли на фронт. А в сорок третьем пришла похоронка: Николай погиб под Сталинградом. Там, на Мамаевом кургане, и остался он навсегда: его фамилию вместе с тысячами других защитников города-героя хранят мраморные стены мемориала. Имя Николая Хасанова высечено также на памятниках в Нижней Туре и поселке Ис.

– *Гордитесь своим героическим братом?*

– Конечно. Вся семья гордится.

– *А Юрий Хасанов, известный в Качканаре спортсмен-марафонец, тоже ваш брат?*

– Да. Он тоже наша гордость. Юрию уже семьдесят, а он по-прежнему бодр душой и телом, ратует за здоровый образ жизни... А Колю, погибшего в 21 год, очень жаль. Впрочем, война принесла горе не только в нашу семью, не в один наш поселок. А отец в 1944-м вернулся домой совсем больным. Работал на мелком старании. Жили мы бедно. Спасали нас огород да корова. Но больше всего выручали труд, работа с раннего детства да крепкая дружба и взаимопомощь в семье. Навсегда благодарна я родителям, научившим нас не пасовать перед трудностями, верить в себя и помогать людям, учиться у добрых людей, у жизни.

– *И как вы учились, Тамара Халимовна?*

– Получилось, что училась я больше у добрых людей и у жиз-

ни. В Глубоковской средней школе получила среднее образование и стала работать в продснабе: торговала хлебом и мороженым. Потом сдала экзамены в Исовской техникум, училась на геофизика. Но доучиться помешала бедность: у нас с сестрой были одни валенки на двоих. Да что жаловаться-то?.. Не доучилась...

– *И что дальше?*

– А дальше мне помогла советская власть.

– *В каком смысле?*

– В самом прямом: меня взяли в Глубоковский поселковый Совет. Счетоводом. Очень помогали мне председатели Касым Зигнатович Галиакберов, потом Зоя Ильинична Головчак и секретарь Зинаида Михайловна Бессонова, помогали также учеба на курсах и семинарах да моя личная дотошность, стремление дойти до сути и делать все «со знаком качества». Работа мне нравилась, мною были довольны. Но с Глубокой пришлось расстаться.

– *По семейным обстоятельствам?*

– Да. И не только. Ведь в 1957 году на всю страну протрубил Качканар. И мой муж Евгений Никишин уехал на стройку. Поселился в Валериановске. Перевезли туда баню, в ней он поначалу и жил. А с детками-малолетками (их у нас было двое: Вася и Таня) в баню не поедешь, да и строители они никакие. Поэтому я до 1960 года еще жила и работала на Глубокой.

– *Дом, в котором мы сейчас беседуем, тоже переехал отсюда?*

– Да, это наш отчий дом. Видите, какой просторный? Всем хватало места: и детям нашим, и родителям. Вот так и связала я жизнь с Валериановском.

– *И с советской властью?*

– Вот именно. В 1960-м стала я секретарем поселкового Совета и проработала до 2000 года.

– *Сорок лет! Позавидовать можно. Много изменилось за эти годы?*

– Время ведь не стоит на месте, и жизнь меняется. Менялись председатели Совета, менялись условия работы. Наши старожилы еще помнят первое здание поссовета. Ветхий, покосившийся на бок, продуваемый всеми ветрами домик на площади. Отопление печное. Вода из колонки. Стол на трех ногах. Чернила зимой замерзают. А писанины, документов очень много:

ведь в поселке в 60-х годах было свыше шести тысяч жителей. Справки, извещения, любую бумажку приходилось писать от руки. Пишущую машинку, и то списанную, мы получим лишь в 1970 году.

Вот в такой избушке-развалюшке и встретила меня председатель поссовета Анфиса Петровна Пушкарева. И я очень скоро почувствовала, что все тепло в нашем уютном домишке исходит от этой женщины. Анфиса Петровна была моим первым валериановским наставником. Вскоре поссовет переехал в другое здание. Теперь в этом деревянном доме располагается клуб «Ветеран», а поселковая администрация находится в современном каменном здании.

– *Теперь, Тамара Халимовна, расскажите о председателях поселкового Совета.*

– Их у меня за сорок-то лет было семь. Кунгурова Нина Леонтьевна, Ведякин Николай Степанович, Чайников Иван Петрович, Вараксина Нина Григорьевна. С Узловым Виктором Аркадьевичем, который теперь зовется главой, я работала последние десять лет. Всех помню и уважаю, все старались для поселка. Но дольше всех, 27 лет, я проработала с Клавдией Степановной Селезневой, которая сменила Пушкареву в 1963 году.

– *Тамара Халимовна, очень тепло отзывается о вас Владимир Федорович Миронов, бывший председатель Качканарского городского Совета. Он говорит, что вы многостаночница, секретарь-универсал.*

– Согласна с ним. Ведь что такое поселок? Это большая семья. А что надо семье для нормальной жизни? Чтобы в доме было тепло, светло, чисто. Родятся дети – надо радостно их встретить. Устроить в ясли, детсад, выучить в школе. Придет время – проводить в армию, женить. А лечить в семье надо всех, от мала до велика. Заботиться о стариках, достойно проводить их в последний путь, хранить о них память. Многогранна жизнь семейная. Забот у главы семьи хватает. А если семья – целый поселок, то все заботы и вся ответственность в первую очередь на председателе поселкового Совета. А у секретаря вся жизнь поселка отражается и сохраняется в документах, в бумагах. Вот я вам и ЗАГС, и нотариус, и паспортный стол, и архивариус. На мне были также профсоюзные дела, ведение кассы и кассовых операций. Получала в госбанке зарплату и выдавала ее средней школе, амбулатории, библиотеке, ветеринарно-

му пункту, Совету. А уж протоколы всех собраний, заседаний исполкома, сессий поселкового Совета, все делопроизводство – моя прямая обязанность. И много что еще. Вот и получается, что я многостаночница, секретарь широкого профиля.

– *Справлялись?*

– Справлялась, и неплохо. Хотя было нелегко и непросто и мне как секретарю, и Клавдии Степановне как председателю Совета. Ведь мы тогда, в начале 60-х, были еще молоды и по возрасту, и по опыту работы. И старожилы поселка относились к нам, как к дочерям, старались поддержать в любом хорошем начинании. Именно тогда я ощутила поселок как мою большую семью, где старшие и мудрые верят тебе и умеют вселить в тебя веру. И хотелось оправдать доверие людей.

– *Тамара Халимовна, известно, что в Совете очень важной является депутатская работа. Что вы об этом скажете?*

– Самое хорошее скажу. Наш депутатский корпус – полсотни человек, которые для поселка не жалели ни сил, ни времени. На сессиях, заседаниях исполкома (которые, кстати, всегда проводились после работы) и на деле они решали вопросы торговли и общественного питания, санитарного состояния поселка и охраны общественного порядка, медицинского обслуживания, подготовки школы к учебному году и многие другие вопросы, важные для большой поселковой семьи.

Работали две депутатские группы, которые не один год возглавляли депутаты Качканарского городского Совета Вараксина и Соколов. Группа во главе с директором школы Ниной Григорьевной Вараксиной работала с избирателями по месту жительства. Депутаты хорошо знали каждую семью, особое внимание уделяли неблагополучным семьям и «трудным» подросткам. Некоторые ребята бросали учебу в ГПТУ или пропускали занятия – депутаты связывались с мастерами, преподавателями, родителями, делали все, чтобы подросток закончил учебу, получил профессию. Не одного «трудного» поставили на правильный путь, а то и от тюрьмы уберегли... Я вас утомила?

– *Нет, Тамара Халимовна. Приятно вместе с вами вспомнить то время, когда не отгораживались от людей бездушным и модным ныне шаблоном «Это ваши проблемы».*

– Да, отношение было другое. Взять хотя бы Анатолия Михайловича Соколова. Он, начальник Главного карьера, душой

болел за поселок и много сделал по выполнению наказов избирателей. Силами цехов карьера был построен стадион, оборудовано четыре автобусных остановки (одна с паровым отоплением), подведена теплотрасса к средней школе, заасфальтирована объездная дорога, проведены водопровод и центральное отопление в частный сектор – не перечислить всего, что сделано этой депутатской группой для благоустройства Валериановска. Скажу еще, что к Клавдии Степановне Анатолий Михайлович относился с отцовской заботой, помогал во всем и поддерживал.

– Да и как же в большой семье без отцовской заботы, без постоянной помощи всем и каждому.

– Кстати, о постоянно действующих депутатских комиссиях. Они тоже были ответственны и активны. Хорошо работали опорный пункт правопорядка, добровольная народная дружина, товарищеский суд, комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, женсовет и совет пенсионеров. Могу долго говорить об их конкретных делах, но это может утомить ваших читателей. Скажу лишь, что за опытом к нам приезжали из других поселковых Советов: Исовского, Косьинского, Елкинского, Глубоковского.

– У валериановцев и впрямь многому можно поучиться. Одни только праздники, массовые мероприятия чего стоят!

– А в этом заслуга наших уличных комитетов. Работающие на общественных началах, они были самыми надежными и активными помощниками Совета. И дело не только в праздниках – субботники, благоустройство и озеленение улиц, помощь горфинотделу по налоговому обложению. Члены уличных комитетов хорошо знали каждую семью, помогали в решении проблем. Традиционными у нас были не только праздники поселка, но и праздники улиц, к которым с большим интересом готовились взрослые и дети. На праздниках подводились итоги соревнования между улицами, награждались победители. Было много сюрпризов. Председатели уличных комитетов отчитывались о работе за год. Выступали работники поселковой библиотеки, милиции. Проводились интересные игры, конкурсы на лучший букет, торт и пирог, на изделия ручной работы, на лучшую песню и другие. А какие гармонисты – заслушаешься!.. Потом всей улицей пили чай из старинных самоваров... В быт поселка входили новые гражданские обряды и праздники.

– Расскажите кратко хотя бы об одном.

– Ну вот, например, торжественная регистрация новорожденных. Над зданием кинотеатра «Горняк» вывешивались голубые и розовые флажки – по числу мальчиков и девочек. С поздравлениями выступали депутаты, представители предприятий, где работают родители новорожденных. Давал напутствие детский врач. Многодетные родители, поздравляя новичков в семейной жизни, давали им добрые советы. Дошколята показывали концерт.

На таких вот праздниках, массовых гуляниях на природе особенно остро ощущалось, что валериановцы – одна большая и дружная семья. Эта семья (к месту будет сказано) с радостью встречает впервые входящих в мир и искренне скорбит о тех, кто его покинул. Валериановцы ухаживают за кладбищем. Есть в поселке и поклонное место, наш мемориал, куда приходят взрослые и дети, чтобы почтить святую память земляков, погибших в войне с фашизмом.

– *Тамара Халимовна, вы славно жили и живете. Как вам «век нынешний и век минувший»?*

Ну, сначала о минувшем. Вся моя жизнь была связана с поссоветом. В нашей области 536 сельских и поселковых Советов. Горжусь, что на областных семинарах наш Совет часто ставили в пример и награждали. Ведь мы четырнадцать раз были победителями и призерами. И я за свою работу награждена тремя медалями, двумя нагрудными знаками, именными часами, почетными грамотами городского и областного Советов. Счастлива, что пришлось работать с хорошими людьми. Горжусь валериановцами, простыми, бескорыстными и дружными людьми. Много хорошего было в минувшем... А «век нынешний» – это уже не Совет (доброе, между прочим, слово, с верным смыслом), а администрация (слово холодное, официальное). «Век нынешний» – это не ручка с чернилами, не пишущая машинка, а компьютеры. Хорошо! Печально, что не стало трех скверов, посаженных когда-то жителями. Выросло много красивых домов, коттеджей. Бараков, которые были в начале 60-х, нет и в помине. Поселок хорошеет, преобразается. Если люди работают и зарабатывают – пусть строятся и живут достойно! Рада за них. Я любила и люблю Валериановск – мою большую и славную семью. Желаю всем добра и верю в лучшее.

Девочка из прифронтового села

Какая большая эта лопата! Какая тяжелая земля! Какой глубокий окоп! Как трудно поднимать лопату и выкидывать землю из окопа!.. И как хочется отдохнуть!..

Клава выпрямляется и долго стоит в обнимку с лопатой. Справа и слева от нее, во всю длину окопа – женщины, женщины, женщины. Рядом две ее родные тети. Мама сегодня пойти не смогла, и вместо нее отправилась Клава – за восемь километров от дома сюда, под рязанское село Бычки, где вместе с ними, бабами рязанскими, роют окопы и бабы из соседней Тамбовской области. Работают с упорством, даже с ожесточением. Да и как тут не ожесточиться, если родимую землю, на которую ступил враг, приходится уродовать глубокими шрамами-окопами!.. Клава снова берется за лопату и глубоко вздыхает. Неужели и сюда придет фашист? И спасут ли тогда эти окопы?.. Тревожные мысли настойчиво возвращают ее в прежнюю жизнь, небогатую, но такую прекрасную – довоенную.

Их село Ново-Бокино небольшое. Река, на которую Клава любит смотреть из окна, тоже небольшая. А изба и вовсе маленькая. Русская печь – главная радость и основное убранство; деревянная сколоченная мебель, соломенные матрацы. К праздникам избу белят, в Троицу украшают цветами, молодой травой.

Лесов в их краю нет. Луга и поля, бескрайние поля, засеянные просом. Клава часто ходила с мамой на прополку проса, на уборку картофеля, которого в колхозе выращивали также немало. Деревенская девчонка привыкла к работе на земле и не тяготилась ею. И уж, конечно, знала цену хлебу. Их семья имела 25 соток земли. На половине этой площади они выращивали пшеницу. Весной вскапывали, сеяли, осенью жали серпами, молотили цепом, веяли. Потом мололи на жерновах. Правда, в селе была ветряная мельница, и те, у кого зерна много, ходили на мельницу. Другие мололи жерновами: так меньше потерь. Нелегкий это круг – жернова, но крутит его Клава – и зерно становится мукой. И ей приятно. А когда это зернышко, брошенное тобою в землю, выходит из русской печки круглой буханкой, запашистой и пышной, Клава знает: это не только большой труд, это великое чудо!

А разве не чудо, что болото, обыкновенное болото тебя греет? Правда, для этого тоже надо приложить немало труда. В их краю, где нет лесов и нет дров, печи топили торфом. Его много,

но он прячется в болоте, под крепкой толщей дерна. И вот мужики снимают дерн, а остальное под силу и подросткам. Вручают им лопату и резец – и работа началась. Вырезаются торфяные пластины-кубики, накладываются аккуратной горкой для просушки. Много надо было накопать и посушить торфа, чтобы он грел тебя всю зиму, да и круглый год. А еще на том же болоте, поросшем кустарником, надо заготовить хворост, который вместе с соломой шел на растопку. Собирали подростки хворост и на тачках (с одним колесом и двумя ручками) возили домой.

Эта тачка и резец с лопатой, словно милое видение, вспомнились Клаве, когда она снова взялась за большую лопату, чтобы опять бросать тяжелую землю из глубокого окопа. Уж лучше бы копать болото, чем этот окоп!.. Но надо! Война приближалась. «И до нас добираются!» – говорили женщины, и это звучало не как жалоба-сетование, а как призыв собраться с силами и выстоять. И в бабьем царстве делали все для этого. Полуголодные, уставшие на рытье окопов, женщины вели домашнее и колхозное хозяйство, опираясь на стариков да подростков. Высушенное на току зерно увозили в районный центр, на элеватор. Дети собирали в поле колоски, чтоб ни единое зернышко не пропало, и сдавали в колхоз. И не приведи Господь утаить хоть один колосок! Хлеб нужен фронту!

А фронт был уже где-то рядом. По большаку Воронеж-Москва то и дело шли военные колонны; днем они проходили мимо, а вечером останавливались в селе, размещаясь на ночлег по избам. Мама варила солдатам картошку, поила их молоком, а они угощали Клаву консервированной гречневой кашей. Пшеничная-то каша уж приелась, а гречневая была в диковинку и казалась такой вкусной! Девочка надолго запомнила и эту кашу, и добрые лица солдат, которые шли на войну, чтобы защитить Клаву. Все ли они вернутся обратно?..

Вести с фронтов приходили тревожные. Радио в селе не было, и все с нетерпением ждали почту. А придет газета – Клава разворачивает ее и вслух читает сообщения «От советского информбюро», а слушает весь околоток, сопровождая чтение тяжелыми вздохами, сдержанными всхлипываниями или громким плачем. Ведь даже успешное наступление наших войск и освобождение городов, о чем сообщала газета, было связано с большими человеческими потерями. Так же дружно читали и скупые весточки с фронта. Письма дяди Миши Клаве особенно нравились.

Балагур и весельчак, деревенский гармонист, он и на фронте не терял силы духа. И все его письма заканчивались одинаково: «Наше дело – правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» И ему верили. Верили и плакали. А вот от дяди Гриши писем не было: он погиб в первые дни войны. Ох, сколько похоронок было омыто горячими слезами! А уж если возвращался раненый солдат, в его избе собиралось все село. Обнимались, расспрашивали – и плакали. Клава тогда еще не знала, что за всю послевоенную жизнь ей не придется видеть столько горя и слез, сколько довелось увидеть в детстве в маленьком прифронтовом селе. Ново-Бокино так и осталось прифронтовым. Советские войска не пустили оккупантов на эту землю и с боями гнали их на запад, до самого Берлина.

Весть о Победе односельчане тоже встретили со слезами – и Клава их понимала. Понимала не столько разумом, сколько сердцем. Чутким сердцем, которое с детства училось состраданию и любви к людям. Училось и закалялось. Такое вот сердце и добрую душу пронесет эта девушка через всю свою жизнь.

После войны Клава закончила семилетнюю школу. Куда податься деревенской девчонке? Особого призвания не чувствовала. Знала только, что всякую работу надо выполнять честно, любому делу отдавать всю душу. С таким убеждением училась она на швею в районной мастерской. Именно так, старательно и добросовестно, работала санитаркой в женской консультации и очень гордилась белым халатом. Уж не пойти ли в медицину? И она успешно сдала экзамены в медицинский техникум, прошла по конкурсу. Но из их четвертой, последней, группы многих отсеяли, чтобы освободить места для бывших фронтовиков, которых принимали вне конкурса. И Клава тоже попала в отсев.

В городе Моршанске Тамбовской области (поблизости от их рязанского села) были еще строительный, текстильный, педагогический и библиотечный техникумы. Книги Клава очень любила. В коридоре их сельской школы стоял шкаф с книгами, старыми, зачитанными до дыр, – вот и вся библиотека. А о том, что существует библиотечный техникум, деревенская девчонка и понятия не имела. Удивилась, подумала – и поступила в Моршанский библиотечный техникум. Три года училась старательно и увлеченно. Оказывается, какой интересный и богатый этот книжный мир! Сколько тонкостей в библиотечном деле! Какие необъятные горизонты открываются перед тобой в книжном море! Ка-

кой неожиданной стороной поворачивается к тебе жизнь в каждой новой книге!.. И вот в 1951 году с дипломом библиотекаря вышла Клавдия из техникума, обогащенная новыми знаниями о мире и людях, о своей профессии. Девять человек распределялись в Приморский край, шестнадцать – на Урал, остальные выпускники – в Тамбовскую область. Клава выбрала Урал.

В Свердловском областном отделе культуры ее направили в поселок Ис, бывший тогда районным центром. И вот этот поселок, вот Урал, о котором она знала только по книгам. Все здесь непривычно и необычно. Во-первых, лес, кругом лес. Никогда прежде Клава не видела столько деревьев. Во-вторых, горы, горы, тоже почти все покрытые лесом. Они казались и суровыми, и надежными защитниками небольшого деревянного поселка. И, наконец, люди, немногословные, но приветливые и светлые, как небо над поселком в тот теплый августовский день. Ей предстояло жить и работать здесь, породниться с этим краем. А через два года, когда она вышла замуж за рабочего механического завода Алексея Селезнева, Урал и впрямь стал родным. Исовская детская районная библиотека, где Клавдия Степановна была заведующей, стала центром притяжения не только для юных читателей. А вскоре Клавдии Селезневой предложили принять библиотеку в Валериановске, встреча с которым оказалась уж совсем необычной.

После районного семинара библиотекарей, проходившего на Ису, Клавдия Степановна отправилась в Валериановск. Двенадцать километров. Пешком. В те времена это было нормальным явлением. Шли с заведующим валериановской библиотекой Петром Николаевичем Бурдаковым и молодой работницей Ниной Пономаревой. В Валериановске Клаву встретили радушно, тепло, даже очень тепло: после дальней дороги отправили в баньку. После баньки отдых – какое блаженство!.. Только длилось оно недолго: начались роды. Валериановцы не растерялись – и заботливые руки молодого фельдшера Лилии Глазуновой приняли новоявленного первенца Валерия Селезнева. Вот так: шла принимать библиотеку, а получила сына. 13 сентября – необычный, радостный, запоминающийся день! После родов их увезли на Ис, а уже через месяц Клавдия Степановна вернулась в Валериановск – на родину сына и новое место работы. Надо было принимать библиотеку, куда поступили новые книги. Надо было работать. Хорошо, что рядом мама, которая тогда же, в

1951-м, вслед за единственной дочерью приехала на Урал.

Валериановск. Такой же деревянный поселок. Тот же лес, те же горы. И такие же люди, суровые и добрые. Дали Селезневым комнатку в бараке, в той части поселка, где сейчас стоит мемориал. Там же, в старом клубе, тоже в небольшой комнате, располагалась библиотека. Несколько книжных стеллажей, барьер, отделяющий читателей, – вот и все. Но как велика была тяга людей к книгам! В наш компьютерный век этому приходится только удивляться. В библиотеку валериановцы шли и за книгами, и за общением с Клавдией Степановной – эрудированным человеком, интересным собеседником, добрым советчиком. Книжный фонд пополнялся. И вскоре читательская тропа пролегла по другому адресу: поселковая библиотека разместилась в доме, где теперь клуб «Ветеран». И хотя там же находился медицинский пункт, но читателям и книгам было здесь намного просторней. А когда медпункт перевели в другое здание, библиотека с читальным залом стала подлинным очагом культуры поселка. Здесь проходили тематические книжные выставки, интересные встречи, читательские конференции. В библиотеке также был агитпункт. Как агитатор Клавдия Степановна бывала в домах валериановцев и не переставала поражаться, как бедно живут эти люди. Люди опорного края державы, пережившие войну и отдавшие ей многих своих земляков. Люди, умеющие забыть о себе и подставить стране свои трудовые плечи. Да, с такими людьми, сродни уральскому металлу, этот край не зря зовут опорным. Думала так К.С.Селезнева и еще не знала, что ей вместе с валериановцами предстоит сделать жизнь поселка более достойной.

1959 году ее избрали заместителем председателя исполкома, а в 1963-м – председателем поселкового Совета. 23 года на этом посту показали, что не зря старинный уральский поселок вручил свою судьбу этой девочке из прифронтового рязанского села, которая навсегда посвятила себя Уралу, окончательно сформировавшему и отшлифовавшему ее характер.

Правда, на первых порах молодая женщина почувствовала растерянность, даже некую робость: такими трудными и необъятными казались задачи, которые предстояло решать. И вместе с тем трудности помогли ей сосредоточиться, собраться с силами. И, конечно же, помогли поверившие в нее люди. А также Качканар, одно лишь упоминание о котором сразу же в 1957-м оживило поселок. Клавдия Степановна верила, что с такими людьми

ми все получится. И действительно за четверть века сделано немало.

Изменился внешний вид поселка. На улицах появился асфальт. Высадили деревья и кустарники, разбили два сквера, построили стадион. Старались все, от пионеров до пенсионеров. А вдохновляющим был начальник Главного карьера А.М.Соколов – руководитель депутатской группы по благоустройству. По его же инициативе была построена объездная автодорога – и в поселке стало меньше пыли и шума.

За техникой Клавдия Степановна часто обращалась к начальнику автотракторного цеха Н.Ф.Плахову. «А давайте сделаем пруд!» – предложил как-то Николай Федорович. И вот на месте ям, котлованов, оставленных драгой, уже работают бульдозеры, равняется будущее дно, отсыпается плотина – и река Гусевка рождает пруд. «А давайте зимой на пруду поставим елку!» И вот автогрейдер чистит лед – будет каток. А вот и красавица елка, и гирлянды огней! А сколько на пруду народу! А как весело детям!

Немало хлопот было с теплоснабжением, но зато сколько радости людям и какое удобство: тут тебе и холодная, и горячая вода! Когда на областных совещаниях председателей поселковых и сельских Советов слышали, что в Валериановске теплоснабжение, то удивлялись и искренне завидовали поселку, у которого такие заботливые хозяева и шефы. Клавдия Степановна говорит об этом не без гордости и с благодарностью называет М.Л.Шелепова, В.В.Гаркачева, В.Ф.Миронова и многих других. Ну куда бы она без таких руководителей, неравнодушных, чутких к нуждам людей! И если бы не участие депутатов поссовета и первого председателя Качканарского горисполкома К.П.Сухенко – разве вместо старого клуба появился бы в поселке кинотеатр «Горняк»?

А памятник погибшим землякам! Его сооружение стало общегородским и поистине святым делом. Городской отдел архитектуры, разработавший общий план; завод ЖБИ, изготовивший стелу и плиты; автобаза №5 во главе с Д.В.Тарарухиным, обеспечившая транспортом; ветераны войны Н.Семенов и Е.Галышев, кропотливо восстановившие фамилии героев-земляков; начальник Северного карьера В.И.Завгороднев и другие депутаты, а также заместитель председателя поселкового Совета В.М.Прокошев – да разве перечислишь всех участников этой тру-

доемкой работы, которая успешно завершилась в 1985 году, к 40-летию Победы! И стал памятник поклонным местом и прекрасным средством патриотического воспитания молодежи. Валериановские школьники заботливо ухаживали за этим святым местом. А директор школы, М.Г.Вараксина, руководитель депутатской группы по воспитательной работе, была главным вдохновителем многих ребячьих инициатив.

С чувством гордости говорит Клавдия Степановна о своих уральских земляках, а валериановцы всегда тепло отзываются о ней. Т.Х.Никишина, бессменный секретарь поселкового Совета, четверть века проработавшая с К.С.Селезневой, называет ее Человеком с большой буквы, талантливым руководителем, умеющим наладить контакты с руководителями предприятий и организаций, с общественностью, с депутатами, с населением поселка – и всю их добрую энергию поставить на службу Валериановску. Тамара Халимовна вспоминает, как активно работали депутатские группы, опорный пункт правопорядка, народная дружина, товарищеский суд, комиссия по борьбе с пьянством и алкоголизмом, уличные и домовые комитеты, совет пенсионеров, как весело проходили праздники, какой содержательной и насыщенной была жизнь поселка. И не зря в соревновании сельских и поселковых Советов Свердловской области Валериановский поссовет всегда занимал призовые места. А в поселковый Совет люди приходили, как домой, со своими радостями и горестями, с интересными предложениями и всегда находили понимание. И недаром недавно земляки так тепло поздравили Клавдию Степановну с юбилеем: ведь ей 1 января исполнилось 75 лет.

Да, годы идут. И многое меняется. Вся жизнь К.С.Селезневой прошла при социализме, которому она служила верой и правдой и не жалеет об этом. Сейчас дуют ветры перемен, такие ветры, что порой сбивают с ног. В такие минуты Клавдия Степановна думает о своих земляках и верит, что они, как и прежде, устоят против любых ветров. И пускай эти ветры несут только хорошие перемены. Чтобы тот солдат на мемориале и героиземляки, вернувшиеся домой фамилиями на бетонных плитах, смотрели на родной поселок и радовались, что валериановцы живут достойно. Как и подобает победителям.

Родительский дом - начало начал

Вы знаете, сколько человек в семье Евдокии Ивановны Шулятниковой? Восемьдесят! Только единокровных – пятьдесят четыре: 9 детей, 22 внука, 19 правнуков и 4 праправнука; да еще зятя и снохи, мужья и жены внуков и правнуков – вот такая арифметика. Счастливая арифметика, в которой главным действием является сложение, прибавление.

Живет Евдокия Ивановна в Валериановске. К ней пришла я с Агриппиной (или просто Грушей) Павловой, одной из дочерей. И вот сидим мы в большой комнате, рассматриваем фотокарточки, письма и другие документы – вместе с Евдокией Ивановной осторожно прикасаемся к ее героическому прошлому. Только у героя может быть столько орденов и медалей! 1954 год – «Медаль материнства» четвертой степени. Такая награда вручается матери, родившей и воспитавшей пять и шесть детей. Год 1955-й – «Медаль материнства» второй степени. 1959-й – орден «Материнская слава» второй степени. 1960 год – орден «Материнская слава» первой степени. А в 1964 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Евдокии Ивановне было присвоено почетное звание и вручен орден «Мать-героиня». Этим орденом награждается женщина, родившая и воспитавшая десять детей. Вот еще медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». А вот в красивом, совсем свежем конверте от президента В.Путина – поздравление с 60-летием Победы, благодарность за беспримерный подвиг и пожелание доброго здоровья, счастья, благополучия.

Из красных коробочек достает мать-героиня удостоверения к наградам, ордена и медали, бережно гладит их старческой рукой. И поднимает взгляд на портрет в деревянной рамке, который висит над столом, в простенке между окнами. Красивый мужчина с умными глазами – это Николай, первенец Шулятниковых.

– Вот он, вот он... – волнуясь и плача, произносит мать и протягивает руки то ли к портрету, то ли к небу. И я понимаю, что в семейной арифметике Шулятниковых есть и вычитания, а это вычитание самое страшное – непонятное, необъяснимое, роковое.

Тогда, в середине 70-х, Николай с семьей приехал из Хаба-

ровского края в гости. Приехал с распухшей щекой: сильно болел зуб. Оказался в хирургическом отделении качканарской городской больницы и вскоре там умер. Молодой, крепкий мужчина погиб из-за какого-то зуба – это в голове не укладывалось!.. Похоронили Николая в Валериановске, и остался он с мамой навсегда – портретом в деревянной рамке.

Кстати, только Николай оказался дальневосточным. Другие дети Шулятниковых живут ближе: Наталья – в Екатеринбурге, Татьяна – в Лесном, а остальные и вовсе рядом: в Качканаре и Валериановске. Разный возраст: младшие начинают трудовой путь, а самые старшие уже пенсионеры. Разные специальности, разные адреса. Но один адрес – общий для всех, постоянный и родной: поселок Валериановск, улица Энгельса, 61. Здесь прописаны их сердца. Скромный деревенский дом никогда не пустует, а по праздникам бывает особенно многолюдным: дни рождения, свадьбы, круглые даты – семейные торжества круглый год.

– Всегда собираемся у мамы. Есть там у нас свои столы и лавки, всем места хватает. Малышей раньше усаживали на кухне, а теперь они выросли и сидят за общим столом, – рассказывает Груша.

Она говорит, что даже Наташа, юная пенсионерка, недавно приезжала с мужем и детьми из Екатеринбурга, чтобы отметить 55-летие вместе с большой родней, что и сыновья Николая каждый год приезжают к бабушке. И я понимаю, насколько святы и прочны эти семейные узы.

– Мы отдыхаем только в мае, – улыбается Груша, – ни у кого из нас нет в этом месяце ни дней рождения, ни юбилеев.

Вот такой притягательный этот родительский дом, куда в 1962 году Шулятниковы переехали с Арбата. Нет, не с московской улицы. Был в уральской глубинке, недалеко от Верхней Туры, такой поселок с московским именем, который еще звали Кабаны – по названию ближайшей горы. Производство к тому времени сворачивалось, и люди стали покидать Арбат.

– Сначала уехали отец с сыновьями, – рассказывает Агрипина. – Купили в Валериановске сруб, стали строить дальше. Потом перевезли и нас с мамой.

И вот под новой родительской крышей все десять детей: старшему, Николаю, 24 года, а младшая, Люба, рожденная в том же 1962-м, приехала сюда в пеленках, на материнских руках... Стали дом достраивать, стали жить-поживать, добра наживать.

А главное добро, главное богатство Шулятниковых – это, конечно, дети. Золотые дети, как отзывается о них В.И.Хафизулина, учительница начальных классов. Вера Ивановна вспоминает, как в 1966 году в первый класс пришел Сережа Шулятников.

– В том году мне дали только «неорганизованных» детей, то есть тех, которые в детский сад не ходили, а воспитывались дома. И вот тридцать семь «неорганизованных». Не скажу, что работать с ними труднее: ведь большинство домашних детей ласковые, послушные, недрачливые, – рассказывает учительница, а о Сереже и других Шулятниковых говорит с восхищением: – Всегда чистые, аккуратные, добрые и спокойные, дружные и очень трудолюбивые – словом, домашняя школа.

Домашняя школа Шулятниковых – это строгость и требовательность отца, уравновешенность и доброта матери; это большое хозяйство, без которого в деревне не живут. Корова и поросята, овцы и куры. И огород. Воды надо много, а колонка в то время была одна и неблизко, у школы. Ведрами на коромыслах с вечера носили девочки воду. Носили и носили... А потом в хозяйстве появилась лошадь: ее получил отец, Виктор Александрович, как лесничий.

– С лошадью стало полегче: братья запрягают, ставят на телегу большие фляги, бачки – и едем за водой, – рассказывает Агриппина. – Работы много и во дворе, и в огороде, и на покосе. Хорошо, что нас тоже много – везде успевали. А на покосе (он у нас большой, в трех километрах от поселка) доставалось и зятям, и снохам: косили-то тогда вручную.

От работы не отлынивали, все делали дружно и весело. Нароботаются летним днем, а вечером еще и на танцы бегут. Груша вспоминает то время, когда почти все дети «спали на полу, вповалку»:

– Кто первым с танцев придет, тот лучшее место занимает, а последний – уж где приткнется...

Время шло. Стали выходить замуж, жениться – семья увеличивалась, а в доме родителей становилось все свободней. Потом заболел папа – лошадь продали. После его смерти стало постепенно умирать и домашнее хозяйство. Сейчас в доме совсем просторно, хотя семья Евдокии Ивановны, прирастая внуками и правнуками, стала большая-пребольшая.

– Мама не могла представить себя баз хозяйства, долго

горевала и немного успокоилась, когда у ней появились козы. С ними она прожила десять лет... Наши дома: мамин и мой через дорогу – в конце улицы Энгельса, у самого леса. И вот с утра мама отправлялась с козами в лес, брала с собой будильник. В 12 часов он звенел – и гнала она козочек домой. И рогатые скотинки привыкли. «Теперь они и без будильника время знают, – рассказывала мама. – Смотрю: зашевелились – значит, домой пора»... А мы видим: козы из леса идут – значит, скоро и мама появится, по ней можно было часы сверять. Мы знали: с 12 до 16 часов мама всегда дома, отдыхает, а потом в огород, – рассказывает Агриппина Викторовна.

А еще она говорит, что до пенсии мама работала техничкой в магазине. Старый магазин был с печным отоплением. Привезут дрова – сыновья их расколют, вот и топятся печки всю зиму. Потом Евдокия Ивановна работала в новом магазине, а в 55 лет ушла из орска на заслуженный отдых и с тех пор работала только в семье.

Сейчас в ее хозяйстве даже козочек нет. Возраст, конечно, сказывается. Но Евдокия Ивановна неплохо слышит и видит (даже вяжет без очков), сама моется в бане. «Тебя попарить?» – спросит дочь. – «А как же! Буду в бане – и не попарюсь?» На здоровье не жалуется.

Правда, несколько лет назад оказалась она в хирургическом отделении, где ей сделали сложную операцию.

– Кто из вас к Шулятниковой? – спросил доктор, увидев столпотворение у дверей палаты, и очень удивился, узнав, что все эти люди, заполнившие коридор, пришли к Евдокии Ивановне. Хотелось ему возмутиться: ведь это все-таки хирургия! Но, сраженный наповал такой массовой любовью, разрешил родственникам навещать больную. И нет сомнения, что эта любовь помогла Евдокии Ивановне быстрее встать на ноги.

Она окружена постоянным вниманием родных.

– Каждое утро перед работой захожу я к маме, – говорит Агриппина Викторовна, работающая на Главном карьере Качканарского ГОКа. – С работы иду – тоже сначала к маме.

Маму, бабушку, прабабушку навещают и другие члены ее большой семьи: и те, что живут в Валериановске, и качканарцы. А она признается:

– Когда дети были малые, мечтала только об одном: выспаться бы!.. А теперь спи да спи – но не спится...

И порой бессонными ночами память возвращает ее в прошлое, и воспоминания сменяют друг друга, словно в калейдоскопе. Вот деревня Пеструха в Кировской области, где весной 1919 года появилась на свет она, темноволосая, кареглазая девчонка. Вот, будто живые, родители: Анна Михайловна и Иван Михайлович Старковы, сестра и братья. Ветряная мельница и тяжелые мешки с хлебом, которые она на лошади возила на склад, и там разгружала – и трещала ее девичья спина от этой драгоценной ноши. А со склада, как говорили, мешки отправляли на пристань – и плыл хлеб по реке куда-то дальше. А вот Красноуральск, куда Евдокия приехала к брату и где встретила Виктора Шулятникова. Энергичный, кудрявый красавец, мечта всех местных девушек, выбрал ее, Евдокию, юную незнакомку, которая была на десять лет моложе его... Потом война и опять родная деревня, куда вернулся с победой и Виктор... И вот снова Урал, Арбат, Кабаны. Мирная жизнь, работа, семья. И дети, дети, дети один за другим. Материнское счастье и хлопоты, хлопоты, хлопоты: не успеет подрасти один – уже родился другой. Счастливая усталость – и единственная мечта: прилечь бы, поспать, выспаться! Так и не сбывшаяся мечта...

А теперь детки выросли, сами уж бабушки и дедушки, радуются внукам и правнукам. Главным действием в семейной арифметике Шулятниковых по-прежнему остается сложение; прибавляется семья – прибавляются праздники.

А скоро в скромном деревенском доме будет самый большой праздник. 14 марта по православному календарю – Евдокия. Ей, Евдокии Ивановне Шулятниковой, исполняется 90 лет! Мать-героиню поздравят юные и совсем еще маленькие, зрелые и солидные, начинавшие когда-то обживать этот дом ныне почтенные дети Арбата.

С днем рождения, Евдокия Ивановна! Живите долго! И пускай горит еще «много лет в родительских окнах добрый свет»!

Город КАЧКАНАР

Марфин куст

Крепостная

Быстро спустились зимние сумерки. Похолодало. Поднялся ветер. Идти становилось труднее. Но Марфа шла и шла, все убыстряя шаг: надеялась согреться да и торопилась домой, в деревню Блюмскую. Там ждут ее восемь детей – мал мала меньше – и больной муж. Она несет им подарок к Рождеству: десятка два хлебных кусков, выпрошенных Христа ради в соседних деревнях...

Ах ты, господи, как метет, как кружит! Руки коченеют, скудная одежонка не греет, надо идти быстрее, да не получается. Ну, ничего, тут недалеко, версты четыре; главное – с дороги не сбиться. Только бы не сбиться. Только бы не задохнуться в этой белой колючей пыли, устоять против ветра... Да дороги-то уж и нет: замело все. И бредет Марфа наугад.

Вот, кажется, дымком потянуло – значит, Блюмская совсем близко. Туда, на этот запах, и надо держать. Только бы хватило сил, только бы не упасть... А ноги-то уже не слушаются. И женщина упала бы, если бы в снежном море не замаячил какой-то темный предмет. Шаг, еще шаг... Что же это там чернеется? Вот уж совсем близко.

Как же она забыла о нем? Это огромный куст тальника, знакомый всей округе. На высоком склоне за деревней растет он с незапамятных времен. И ливни льют, и метели метут, и зной палит, а куст все стоит, каждой весной дает новую поросль, крепко пустил корни в приволжскую землю.

Ну все, теперь уж и дом рядом. Только отдохнуть немного. Спрятаться за кустом от шального ветра, присесть на минутку... Вот и хорошо... Марфа представила, как обрадуются ее приходу детишки, как будет она дарить им этот хлеб – милость

людскую. И улыбнулась... Надо идти. А глаза смыкаются. Метель завывает. Но Марфе не холодно. Усталость теплой волной разлилась по всему телу. Марфа задремала.

Ей снился барин. Сколько унижений, сколько обид терпела она, самая красивая из всех его крепостных!.. Ей снился помещик Блюмский, которому потом барин продал Марфу. Как не хотелось идти замуж за Кузьму Никифорова, да воля помещика – закон. Ведь ты всего лишь крепостная девка, а потому роптать не смей. Любовь? Свобода? Это не для тебя... Ей снились дети. Их плач, их смех сливался с воем вьюги...

Таловый куст, под которым нашли замерзшую Марфу, вот уже больше века люди называют Марфиным кустом.

Дети

Они так и не дождались матери... За окном трещал рождественский мороз и плакала вьюга. В ветхой избенке было темно, холодно и голодно, сиротливо...

Вскоре умер отец Кузьма Егорович Никифоров. И ветры судьбы разбросали сирот по людям. Это уже не были ветры крепостничества, но желанной свободы они не принесли.

Ермолай, третий сын Марфы, пошел в пастухи. Пас поповских коров, терпел издевательства попа и попадьи, гнул на них спину от зари до зари, но ни единого дня не был сыт. Сколько слез пролил подросток, сколько дум передумал, лежа на сеновале, где отведено ему было место для сна. От полного отчаяния мальчишку спасали доставшиеся от матери трудолюбие и упорство, доброта и веселый нрав.

В душе парнишки рос какой-то неосознанный протест, росло желание стать хозяином своей судьбы. В шестнадцать лет ушел Ермолай в Нижний Новгород. Работал грузчиком на Волге. Тут познакомился с новыми людьми, и был среди них Алексей Пешков (будущий писатель Максим Горький). Почти одногодки с Ермолаем, они вместе проходили университеты жизни. Волга была для них не только «рекою рабства и тоски», она звала вдаль, сулила иную, вольную жизнь.

Да где та воля, где свобода? Как добыть ее? Ответы на эти вопросы нашел Ермолай Никифоров в Сормове. Здесь, среди рабочего люда, в его сознание, в его жизнь прочно вошли слова: «партия», «революция», «Ленин». На деле, в труде и

борьбе, понял Ермолай, что такое пролетарская солидарность. Ветры революции закалили Ермолая Кузьмича. В этой буре он впервые почувствовал себя счастливым. Радостью и каким-то особым светом загорались его глаза, когда вместе с другими он пел: «Добьемся мы освобожденья своею собственной рукой».

Убежденный, что счастье человека в его руках, Ермолай Кузьмич вскоре после революции перебрался с семьей в деревню – делать новую жизнь. Работал весело, увлеченно, с молодым задором и упорством. И хотя годы уже катились под уклон, Ермолай Кузьмич словно не чувствовал возраста, его душа была постоянно на взлете.

В Качканар Ермолай Кузьмич приехал в 1958 году, когда ему было девяносто лет. Многие первостроители города юности помнят этого веселого старика с пышной белой бородой и добрыми глазами. Он любил носить бескозырку своего внука.

– Дед, ты на каком море служил? – спросит бывало какой-нибудь шутник.

– Да мои-то моря все уже высохли, а вот у вас впереди большое плавание.

Ермолай Кузьмич верил в молодых и искренне желал, чтобы всегда светил им в жизни яркий маяк мечты. Умер Е.К.Никифоров 25 мая 1968 года. Шел ему сто первый год, а город юности встречал свою одиннадцатую весну.

Внуки

Их было девять, детей Ермолая Кузьмича и Акилины Федоровны. Внуки крепостной крестьянки, они построили, они отстояли в сраженьях новую жизнь, какая не могла присниться Марфе даже в самом светлом, сказочном сне.

Все они очень любили землю, все были колхозниками. И радовался, глядя на них, Ермолай Кузьмич. Жили дружно, работали весело, довольные судьбой, спокойные за свой завтрашний день.

Но вдруг тревожные ветры с Запада принесли страшное слово: война! Ермолай Кузьмич потерял покой. Ты что же это задумал, вражина? Повернуть вспять? Опять рабство? Нет, шалишь!.. Конечно, старого Ермолая на фронт не возьмут: уж семьдесят три годочка!. Но есть у Ермолая сыновья, они не позволят!..

И пошли сыновья Александр, Николай и Владимир защищать родную землю, бороться за правое дело. *«Вы в поле бейтесь за хлеб, а мы здесь будем бить врага, – писал Николай. – Вернемся с победой»*. Да не пришлось ему снова сесть за колхозный трактор: убили сыночка фашисты. Горе-то какое – не высказать, не выплакаты!.. Знать, не хватило матери слез – ослепла Акилина Федоровна.

Но надо было жить, надо держаться. Над ними не свистели пули, не рвались снаряды – но рвалась на части душа. Тут ведь тоже был фронт, трудовой. И сражались на этом фронте старые да малые, а главной силой были женщины..

Вот, к примеру, Анна, младшая из дочерей Ермолая. И невелика вроде (в 1941-м ей было семнадцать), а какую ношу на себя взвалила! Уходил на фронт ее брат Александр – печалился: незадолго до войны похоронил он свою молодую жену, остались малыши-ребятишки, старшенькому три года.

– О ребятах не горюй, – сказала Анна. – Вырастим. Себя береги.

И вырастили. Заботилась Анна о племянниках. За ослепшей матерью ухаживала. И не хватало Анне суток. Да разве хватит времени: столько работы кругом! Встанешь ни свет ни заря – и на колхозное поле. Впрягаешься с бабами в соху – и пашешь, пока силы есть. А кончатся силы – добредешь до кромки поля, упадешь на пригретую солнцем землю, отлежишься – да снова вперед. Ты и пахарь, и сеятель, ты и жнец. Жали серпами, не разгибая спины.

Трудно?.. А кому легко-то? Время такое: война. Нужен хлеб, много хлеба. Уставать некогда. Придешь с поля – дома работа ждет. Управишься по хозяйству – лопату в руки да на свой огород (хорошо, что ночь лунная). А потом придешь в избу, присядешь на лавку – и местечку рада; так, бывало, не снимая лаптей, и уснешь...

В самые тревожные дни ходили рыть окопы: Горьковскому автозаводу угрожала опасность. А зимними вечерами вязали перчатки да носки, отправляли на фронт посылки.

И горевать было некогда. И жаловаться некому. Да они и не жаловались: работали для фронта, для победы и выстояли!

Ну, а дальше что рассказывать? После войны тоже нелегко приходилось, только все трудности казались теперь вдвое легче. Над страной веял мирный ветер, вливая в людей бод-

рость и силу. Перед Никифоровыми, как и перед всем народом нашим, открывались новые горизонты, новые, мирные пути.

Один из таких путей привел Анну Ермолаевну в Качканар. В 1958 году вместе с родителями и мужем Леонидом Георгиевичем Тагильцевым приехала она на эту землю.

Леонид Георгиевич был монтажником в комплексной бригаде Германа Глоя, возводил корпуса горно-обогатительного комбината. Сейчас работает в железнодорожном цехе. Как благодарна ему Анна Ермолаевна за чуткость и постоянное внимание к ее старикам: Акилина Федоровна в последние годы была прикована к постели, и Леонид Георгиевич терпеливо и заботливо ухаживал за ней.

Благодарна Анна Ермолаевна и директору комбината Е.А.Канделю, начальнику железнодорожного цеха В.Н.Самойлову, всем качканарцам за то, что ее престарелые родители не чувствовали себя в городе юности лишними, жили, как в родной семье.

Анна Ермолаевна работала каменщицей. Незнакомое вроде бы дело. Но оказалось, что ее привыкшие к труду руки умеют все и ничего не боятся. Позднее, когда она работала в железнодорожном цехе, а потом в шламовом хозяйстве, ее тоже выручали руки, ловкие и умелые, умные. И теперь, когда подошло время заслуженного отдыха, Анне Ермолаевне не сидится дома. Она работает контролером во Дворце культуры.

В Качканаре работал и ее брат, Александр Ермолаевич Никифоров, да вот уж четвертый год пошел, как умер он. В городе юности живет и сестра, Валентина Ермолаевна Нагаткина, дворник ЖЭУ №5. Здесь живут и их дети.

Правнуки

Спешит на Качканарскую ТЭЦ простой рабочий человек токарь Виктор Александрович Никифоров. Это тот самый внук, служивший когда-то на флоте, чью бескозырку так любил дед Ермолай.

Мчит по городу машина «Скорой помощи». За рулем Петр Александрович Никифоров. Сюда, на качканарскую землю, приехал он после службы в армии. Здесь строит свою жизнь, свое семейное счастье.

Каждое утро приходит на завод по ремонту горного оборудования приветливая русоволосая женщина. Это Антонина Александровна Тиунова. За свою жизнь где только не пришлось ей поработать: и в колхозе, и на кирпичном заводе, и на стройке. Работы она не боится. Эта «привычка к труду благородная» у ней, как и у ее братьев, от отца, от деда Ермолая, от прабабушки Марфы. Сейчас Антонина Александровна – начальник административно-хозяйственного отдела завода. Хозяйство большое, беспокойное. Да ведь для людей с беспокойной душой спокойной работы вообще не бывает. И на заводе, и дома, где у нее уже подрастают внуки, забот хватает. Но какими светлыми и радостными кажутся они Антонине Александровне в сравнении с тревожными, взрослыми заботами ее военного детства.

Дом, в котором она сейчас живет, стоит на склоне горы Долгой, недалеко от телевышки. И когда Антонина Александровна выходит из подъезда, она видит гору Качканар и «море» у ее подножья, лесные дали и юный город в тайге, построенный в наследство потомкам.

Наследники

*Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц...*

Когда Оля Тиунова была школьницей и учила эти некрасовские стихи, она не особенно вникала в их смысл. А теперь, когда выросла, стала женой, матерью двоих детей, понимает, что история простой крестьянки Дарьи, рассказанная в поэме Некрасова «Мороз Красный нос», имеет самое прямое отношение к ней, Оле. Ведь судьба Дарьи, которая «проехала в лес по дрова» и замерзла там, очень похожа на судьбу Марфы, Олиной прапрабабушки. Обе эти женщины были одинаково бесправны. Замерзая, они думали о своих детях, мечтали видеть их сытыми, счастливыми.

Теперь Оля понимает, что история – это не просто сухие страницы школьных учебников, это судьбы живых людей: и крепостной крестьянки Марфы Никифоровой, и ее, советской женщины Ольги Варнаковой. История – это судьбы народа. И

надо ее знать, надо помнить. Не потому ли уж сколько лет прошло, а Марфиному кусту, что растет на горьковской земле, до сих пор низко кланяется каждый прохожий!

Разросся Марфин куст. Каждой весной тянутся к солнцу его новые побеги. Сколько их, молодых, зеленых веточек! Это и она, Оля Варнакова, и ее сыновья, ее двоюродные братья и сестры, ее племянники и племянницы. Только здесь, на качканарской земле, у Оли более двадцати родственников. Есть они в Горьком и Москве, в Челябинске и Чебоксарах.

Почему, думает Оля, погибла Марфа? Бессильной, беззащитной оказалась она перед лютым морозом и вьюгой. Неуютно и одиноко жилось ей в том холодном, жестоком мире. Думает Оля и своих сыновьях. Они еще совсем маленькие: Алеше два года, а Роме – один. Крепкие бутузы делают свои первые шаги, удивленно и доверчиво смотрят на этот большой мир. Когда сыновья вырастут, Оля обязательно расскажет им о Марфе: пусть сравнивают и размышляют...

Подняться бы сейчас Марфе да поглядеть, как разросся ее куст, как наливаются силой и тянутся вверх его новые побеги, как идут по жизни ее потомки. Подняться бы и поглядеть...

1982 год

Бабий век

Как вы думаете: есть ли в нашем юном городе люди, которые помнят первую мировую войну?.. А русско-японскую?.. Не спешите говорить: «Не может быть!» Познакомьтесь с Марией Гавриловной Митьковской. В 1904 году, когда началась война с Японией, ей было шестнадцать лет – человек вполне взрослый, сознательный.

– Японская, финская, две германских, гражданская, – неторопливо и грустно отсчитывает Мария Гавриловна мрачные вехи. – Да неужто опять воевать станут?..

Думать об этом тревожно и больно, особенно когда смотришь на правнуков своих: да неужто и им в пекло?.. Нет, не надо про войну... Вот хорошая, мирная книжка «Как рубашка в поле выросла». Давай почитаем.

Плавню лется бабушкина речь, правнук внимательно слушает; вместе рассматривают картинки, и обоим интересно: ребенку потому, что постигает новое; старушке потому, что обращается к давнему и очень знакомому. Книжка уводит ее далеко, в детство.

С детства знает Мария Гавриловна, «как рубашка в поле выросла», не по книжкам знает, а по жизни.

– Учиться довелось мало: долюшка-то выпала бабья. А девке грамота зачем? Письма парням писать?.. Нет, пускай дома сидит: где ребятишкам соску толкнет, где простенок напрядет. А в ученье какой прок?.. В школу я ходила два года, а в третий класс не отпустили: хватит... Носила обутки. Теперь уж и не знают, что это такое. Удобные были обуточки: положишь стельки соломенные, затянешь оборочки – мягко ступать, хорошо...

Как самую яркую радость вспоминает Мария Гавриловна первые ботинки, не самодельные, а магазинные, которые купили ей в шестнадцать годков... Закончилось детство, и полетели взрослые годки. Что о них рассказать? Постоянная нужда, работа до седьмого пота в избе и в поле.

Глубокими бороздами пролегли в ее судьбе 1913-1914 годы. Вспаханные радостью, политые светлыми и горькими слезами, они дали разные всходы. В 1913-м Мария вышла замуж.

– Не молоденькая была, 25 годов, уж старой девой звали... Николай оказался серьезным и добрым – живи да радуйся. В

1914-м родился сын Иван, какое счастье!.. А тут война...

Не хочется Марии Гавриловне говорить про войну, да из песни слова не выкинешь. Ушел Николай воевать с германцем и сгинул в том же четырнадцатом. И осталась Мария вдовой. Горевала и радовалась над подрастающим сыном, работала. А время шло, а годы летели: военные, грозовые, вихревые...

И вот в ее вдовью жизнь вместе с революцией, словно вихрь, ворвался Никандр Федорович. Коммунист, он был одним из тех, кто устанавливал в Ирбитском уезде советскую власть. Жил смело, и пули его не брали. А подкосил тиф.

– Страшный был 1921 год, голодный и тифозный... Похоронила я Никандра. А Митьковский Иван Филиппович жену свою похоронил: тоже от тифа умерла... Погоревали-помаялись вдовыми, а потом он сватать меня стал. У него дочка Лиза на руках, а у меня Ваня-сыночек, уж немаленький. Как им жить без отца и без матери?.. Согласилась я...

И суждено было Ивану да Марье пройти рядом больше трех десятков лет. Радовались рождению детей (а их было еще четверо), умели поддержать друг друга в горе (трое детей умерли от болезней). Добрые, душевно щедрые, в трудные минуты они забывали о себе и помогали людям. На их глазах, при их участии утверждалась в стране новая жизнь, и Митьковские были счастливы. Их радовали дочери Лиза и Мария, старательные в труде и учебе, веселые и добрые.

А о сыне Иване и говорить нечего. Красивый, скромный, работающий – завидный жених. Да долго не женился. И вот на двадцать седьмом году жизни надумал – еще одна радость для родителей... В доме Митьковских готовились к свадьбе, которая была назначена на воскресенье, 29 июня. Но не состоялась свадьба: год-то был 1941-й. 22 июня жениху вручили повестку на фронт... В поселок Ис, где тогда жили Митьковские, последнее письмо от Ивана пришло из-под Волхова. Там и сложил он голову в сорок первом.

Матери тогда казалось: не вынести! Столько было в жизни утрат – кончились силушки; где их взять? И ведь не молода уже: шестой десяток. Ох, Ваня-Ванюшка, первенец-кровинушка! Кто похоронит тебя?..

Что помогло ей тогда? Конечно, муж, взрослые дочери. И горе, вселенское горе: война-то только началась, люди гибли, похоронки в поселок шли и шли. И надо было думать о тех, кто ря-

дом, надо помочь, поддержать. И откуда-то брались силы, и оживала Мария Гавриловна... Тогда она еще не знала, что через несколько лет ей предстоит похоронить мужа.

– Всех пережила... Уж тридцать три года муж в земле сырой, а я все живу. Вот какой долгий мой бабий век... Говорят, о живом думать надо. Правда это, да как мертвых-то забыть?..

Не забывает их Мария Гавриловна. Все они прошли через ее сердце и там остались. Согревают его, помогают жить. А рядом родные люди. Выросли внуки, растут правнуки, заботы требуют. Горевать и о болезнях думать некогда.

– Да и не хворала я сроду. За все сто лет только раз в больнице лежала: простудилась шибко на кладбище у мужа. И всех ребятшек дома рожала... И сейчас ничего не болит, только видеть и слышать худо стала: вот этот глаз после операции, очки надевать приходится. А так на здоровье не жалуюсь...

После смерти мужа Мария Гавриловна жила с Лизой на Ису, помогала ей поднимать детей и внуков. Потом перебралась в Валериановск, вела там свое хозяйство: сама топила печь и носила воду, держала кур, козу, косила для нее сено. Позднее поселилась в Качканаре, у дочери Марии. Зимой хлопотала с правнуками, а на лето снова в Валериановск – к земле, к природе, к привычному труду.

– Лишь года четыре совсем туда не ездит, – говорит дочь Мария Ивановна Подчиненова. – Видно, возраст свое берет.

Да, возраст у М.Г.Митьковской завидный: вчера, 19 февраля, ей исполнилось сто лет. Но старой ее никак не назовешь: бодрая и веселая, с ясным умом и прекрасной памятью.

– Спокойная, рассудительная, – продолжает Мария Ивановна. – Для меня она как подружка: внимательно выслушает, потолковому посоветует. Очень опрятная, как и в молодые годы. Ни на что не жалуется и все старается сделать сама: моется в ванне, гладит белье, моет посуду, иногда и пол подотрет. По-прежнему добрая и для нас, конечно, всегда красивая. Кстати, голова ее поседела недавно, лет пять назад... Интересуется всем, что происходит в мире. Приходим, бывало, с работы, а она: «Вот это обязательно прочитайте!» Сейчас, правда, редко газеты берет: видно, глаза устают.

Конечно, устают. Сколько видели эти глаза, сколько выплакали слез, горьких и радостных – обыкновенных человеческих слез, без которых нет ни одной судьбы, нет счастья. Как много

вместила эта женская судьба: от лучины и керосиновой коптилки до лампочки Ильича и цветного телевизора; от русско-японской войны до Октябрьской революции и полетов в космос.

За спиной Марии Гавриловны целый век, началось ее новое столетие. Когда она говорит о нем, то думает не о себе: «Да неужто опять воевать станут?» Она хочет мира. Для правнуков своих, для всей Земли.

1988 год

Переселенцы

«Что поделаешь, дорогая Груша. Нам выпала нелегкая судьба. Мы с тобой родились на пороге революции. Нам с раннего детства пришлось наблюдать, как разрушали старый мир до основанья, камня на камне не осталось... А новый мир строим 70 лет...»

Письмо двоюродного брата Дмитрия было длинным и тревожным, полным воспоминаний, в основном печальных. Но странно: к Агриппине Ивановне из прошлого приходили в первую очередь самые светлые картины. Что это: свойство женской памяти или инстинкт самосохранения? Об этом она не думала. Ей вспомнилось детство.

*Не успеет утро свой огонь разжечь –
Звоном сковородки отзовется печь.
Мать, поднявшись рано, нам блины печет.
Вот уж первый с жара солнышком плывет.
Мы нетерпеливы: все труднее ждать.
Новое светило выпекает мать.
Мы глотаем слюнки: до каких же пор?
Мать зовет: «Садитесь, милые, за стол!»
Долго звать не надо, мы бегом, бегом...
Посидеть бы снова за ее столом!..*

Почувствовать бы вновь и жар русской печки, и тепло материнских рук; пробежать бы босиком по той земле, которую почему-то звали сибирский угол.

Жили они в Курганской области. Село Чимеево находилось вдали от больших дорог и городов, зато была там красивая река, которая казалась Груше большой, полноводной. У самой реки стоял их дом. Он был уже старый, но под его крышей жилось уютно и спокойно.

Кто же тут хозяин: отец, мать или дед Филипп? Тогдашняя Груша об этом не думала, а теперешняя Агриппина Ивановна знает: главным хозяином в их большой и дружной семье был труд. Он, словно талисман, передавался от поколения к поколению и, как талисман, сохранил их души добрыми, помыслы чистыми. А земля, на которой они работали от зари до зари, делала их мудрыми и щедрыми. От поколения к поколению передавались ремесло и мастерство, многие предметы и вещи, которые ценились как семейные реликвии.

– Жили в достатке и с достоинством, – говорит Агриппина Ивановна. – Пьянство, курение, лень презирали как грех великий. Грешить вера не позволяла... Мы ведь из староверов. За веру свою еще при Иване Грозном были высланы из Москвы. И по фамилии-то мы Москвины...

Этот «сибирский угол», явившийся для предков Груши местом ссылки, стал родным для многих поколений Москвиных.

Отсюда был призван в царскую армию отец Груши – Иван Филиппович Москвин. Домой он вернулся бойцом Красной Армии, в рядах которой защищал революцию. На родине вновь принялся крестьянствовать. Вместе с земляками, избравшими его председателем сельского Совета, налаживал в Чимееве новую жизнь.

Ох, и нелегко это было! Все перемешалось: кто прав, а кто виноват? Кого любить, а кого ненавидеть? Родной дядька Александр Москвин, державший до революции стекольный завод, разорился: растащили завод по винтику, по кирпичику, остался дядя бос и наг. Другого дядю, офицера в отставке, доброго, интеллигентного старичка-фельдшера Нифатия Москвина, убили красные: сбросили со второго этажа, увезли в другую деревню и там изрубили шашками, как котлету... Жизнь бурлила и пенилась, словно река в половодье – пойдй и отыщи ее русло, попробуй не утонуть в этом потоке! Иван Москвин не утонул, нашел свое русло и тем был счастлив. Люди верили Ивану, ценили его сметливый ум, уважали за широту души и верность слову.

– А мы его просто любили, – говорит дочь Груша. – За то, что он отец. Мы гордились его талантом. Может, это и громко сказано: талант, мол. Но у папы был очень красивый голос, он пел на сельской сцене, играл в спектаклях.

Старался везде успеть: на работе, в клубе, в семье, где подрастали шестеро детей. Жил, как велели сердце и совесть. Шли годы, трудные и радостные, урожайные и голодные – разные. Но жизнь не останавливалась. Она, словно река, текла все вперед и вперед, суля надежду на лучшее.

И вдруг случилось такое, что впору было подумать: уж не вспять ли пошла река жизни? Москвины еще не знали, что потом это время назовут годами Великого перелома, но уже почувствовали это на себе.

– Все произошло быстро. Сначала отца сняли с председателем сельсовета, – рассказывает Агриппина Ивановна. – А потом на собрании нас объявили кулаками. Нанимали работника – значит, кулаки. А раз кулаки – значит, раскулачить. Все отобрали. И не оправдывайся: все равно ничего не докажешь... Да уж что про нас-то говорить (мы не бедствовали), если даже Кичиговых в кулаки записали. Оба всю жизнь коров пасли, как говорят, ноги на пеньке грели. Потом съездили на заработки, вернулись с деньгами. Радости своей ни от кого не скрывали, выручали всех деньгами в трудную минуту. Оказалось: на свою беду. В общем, надо было из Чимеева три семьи – три и выселили. Такая, говорили мужики, разнарядка была...

И вот всех выселенцев согнали в один дом, и ютились они там в ожидании дальнейшей участи. Ждать пришлось недолго. Однажды ночью подъехали подводы. Погрузились. Да и что грузить-то было? У Москвиных все богатство – немощные старики да шестеро детей, старшей из которых четырнадцать лет, а младшей – полтора года. Да сундук и мешок с самым необходимым. У других «кулаков» и того меньше.

Навсегда запомнила Груша эту ночь 3 марта 1930 года. Жалобно стонал под полозьями снег, с плачем налетал порывистый ветер, Грушина душа беззвучно рыдала, а сверху взирала равнодушная луна. Молчаливо-спокойно шли рядом с повозками сопровождавшие сельские активисты. Интересно: о чем они думают?.. Папа ведь тоже был активистом, уважаемым человеком, а оказался ненужным, врагом. Может, завтра и их вот так же повезут в неизвестность – и никто не защитит. Наверно, тревожно конвоирам и страшно, и спокойны они только внешне, как эта река, спрятавшая свои чувства и характер под ледяной и снежной коркой.

Так размышляла Груша и тихо плакала от горькой обиды. Ей было жаль родной дом, в котором, едва их выселили, устроили конный двор. Было жаль всю живность, все добро, отобранное вместе с домом. Но больше всего она жалела домашнее убранство. Ведь все в избе: шторы и полотенца, покрывала и половики – сделано мамиными руками; уж такая она была мастерица-кудесница, ни один лоскуток у ней не пропадал, все в дело шло... Груша ежилась – от холода и страха, от своих печальных дум. А думы были длинные, угнетающие, как эта дорога. Когда же она кончится?..

Приехали в Курган. Тут поместили всех в большой вагон, где еще не было убрано после лошадей, но для людей уже были сделаны нары. Посередине – железная печка. Она спасала в дороге от холода и от голода: многие пекли на ней лепешки. Ела Груша этот колючий, с отрубями хлеб, замешанный на одной воде, и вспоминала домашние блины-солнышки.

В Челябинске их покормили похлебкой из чечевицы – всем по одной поварешке. В Надеждинске (ныне Серов) всех выгрузили из вагонов, дальше повезли на лошадях. Куда? И будет ли конец этой дороге?

Остановились на Волчанке. Холодно, темно, мрачно. Ветер воет, как волк голодный. И страшно Груше за себя, за сестер своих младших и братьев. А ехать, оказывается, еще десять километров. На какие-то угольные печи.

Наконец, приехали. Лес, бескрайний лес. И один барак. В нем когда-то жили зыряне; они рубили дрова, жгли их на уголь, который возили на лошадях в Надеждинск, на завод. Теперь барак пустовал.

- Вот вам и жилье, – сказали переселенцам.
- Да как же тут разместятся все сорок семей?
- Жить хотите – стройте!

И они строили. Работали все: и такие старики, как дед Филипп, и такие подростки, как Груша.

– Построят барак, сделают в нем нары с обеих сторон, посередине печь железную поставят – и за другой барак принимаются. В каждый селили по четыре семьи, а в наш – только три, так как семья у нас была большая... Радовались жилью, хотя уют в бараке не было. Стены сырые, к тому же в сере. Пока печка топится, с них течет, а перестали топить – в бараке холод.

Так начиналась их жизнь на уральском севере, где нелегкая судьба свела русских и украинцев, татар и немцев. Рядом с ними Груша выросла, вместе с ними узнала, что такое холод и голод, цинга и куриная слепота, и вши. Узнала, что такое изнуряющий труд в лесу, на лесоповале, на стройке. Вместе с ними испытала она унижительную участь переселенцев; среди них встретила образцы бескорыстия и доброты.

Воочию, как и они, видела Груша голодную смерть, которая косила в первую очередь стариков и детей. Зимой 1932 года умер ее дедушка Филипп Николаевич Москвин. Одним из первых умер и дед Коврига.

– Были они с Украины. Два брата учились со мной в школе. Их мать работала, как и все. А дед в лесу работать не мог, но без дела не сидел: то кастрюлю кому запаяет, то валенки подошьет. Чистенький такой старичок с большой, красивой бородой... А как голодно стало, никто к нему с просьбами и заказами больше не приходил. Умер дед Коврига с голода. А вскоре умерли мальчишки и долго лежали мертвыми на нарах: не знали люди об их смерти; ведь к Ковригам давно никто не заходил... Первой увидела их наша мама; она носила почту с Волчанки и в тот день принесла им письмо. Мать этих мальчиков была еще жива, а когда пришли люди, то и ее нашли мертвой... Их отец, высланный в Мурманскую область, приехал за семьей, а семьи-то нет... Высокий, красивый мужчина, хотя лицо в корявинках...

Люди страдали, умирали. Но по-прежнему вращалась Земля, каждый день вставало солнце, каждый год приходила весна, а в душе были мрак и холод. Случались там редкие оттепели – и опять на душе морозило, метелило, вьюжило... И думала Груша: как незащищен, как мал человек в сравнении с вселенной и вечностью и еще с чем-то жестоким, всемогущим...

Но пришла пора, и сквозь тучи пробился к девушке светлый лучик счастья. Было это в 1934 году в поселке Ауэрбах, куда приехала работать Груша Москвина, получившая специальность слесаря-инструментальщика. Там познакомилась она с Иваном Желтухиным, рабочим парнем, тоже из переселенцев. Через год они поженились, а еще через год Груша стала матерью. И засияло для нее солнце во весь горизонт.

Трудностей в жизни не убавилось, забот прибавилось, но душевный свет, который теперь несла в себе Агриппина, помогал переносить все лишения и невзгоды. Девять детей родилось у Желтухиных. Трех, в том числе и первенца Юру, они потеряли. Как не сломиться под тяжестью утрат? Как не погасить в себе солнце? В этом Груше помогли живые дети, которым нужно было ее материнское тепло. Так и жила она с любовью в сердце, с искрой в глазах.

Эта северная, неуютная земля, принявшая в могилы родителей Агриппины, стала родиной ее детей. И Груша уже любила эту землю.

*Паровоз считает шпалы
и стучит колесами,
За окошком пробегают
все места таежные.
Кедрачи, сосенки, ели,
мелколесье впереворот...
Удивительные песни
Мне поет уральский бор...*

Суровый край встретил девочку-подростка волчьим завыванием метели – теперь Груше слышатся удивительные песни. В этом лесном краю выросли новые города: Волчанск, Краснотурьинск, Североуральск, ставшие бессмертной песней человеческому труду, рабочим рукам переселенцев. В этом краю выросли и дети Желтухиных.

– Богатства мы не нажили, хвалиться нечем. Вот наша единственная ценность, – говорит Агриппина Ивановна и показывает фотокарточки детей.

Римма – медик. Живет на Байкале. Она самая старшая, ей уже 53 года.

Тамара – педагог. С отличием окончила Шадринский пединститут. Работает на Кавказе.

Женя – конструктор. Сейчас она свердловчанка. Инвалид второй группы, но не отчаивается, ведет интересную, полноценную жизнь. Сильная духом женщина.

Тоня живет здесь, в Качканаре, работает на заводе по ремонту горного оборудования. С тонкой и чуткой, как у мамы, душой. Как и мама, Тоня пишет стихи.

Саша закончил летное училище. Был штурманом-инструктором в Тамбове. Недавно умер. Было ему 39 лет.

Наташа – самая младшая. Выпускница Краснотурьинского технического училища №3, она была направлена в Качканар и вот уже двадцать лет работает на дробильной фабрике горнообогатительного комбината. Качканар – это ее юность, родина ее детей.

В трехкомнатной Наташиной квартире живет и Агриппина Ивановна.

– Это моя последняя земная пристань. Иван мой уже ушел... на вечное поселение. А детки разлетелись, как птицы из гнезда. Ноженьки мои теперь не ходят. Молодость ушла – не попрощалась, старость пришла – не поздоровалась. А умру – унесу в душе

своей и широкие просторы, и лесные тропочки...

Так говорит, так мыслит эта женщина, которая, невзирая на лишения и невзгоды, не ожесточилась, а сохранила поэтическую душу, как ее отец и дед, и осталась такой же мастерицей-искусницей, как ее мать. И по сей день самыми дорогими украшениями в городской Наташиной квартире являются изделия Агриппины Ивановны. И сейчас она нередко обращается к рукоделию. А также к дневнику, где записывает свои мысли и свои стихи.

*Вы не дивитесь, мои детки,
Что иногда печалюсь я.
Меня уже не солнце греет,
Как в былые времена.
Меня теперь согреть сумеют
Лишь ваши добрые слова...*

Волосы ее – короткие седые волны, лицо в бороздках добрых морщин, а глаза – лучистые, молодые, как у одиннадцатилетней внучки Алены. А у Алены руки такие же искусные и терпеливые, как у бабушки. И в характере внучки, к радости Агриппины Ивановны, уже вырисовываются знакомые черты Москвиных.

Алене Семакиной жить в двадцать первом веке. Пускай, как эстафету из прошлого, принесет она туда свои умелые руки, доброе сердце и высокие идеалы. Пусть будет верна своим идеалам, как это умели ее далекие предки, готовые за убеждения и веру пойти в Сибирь, на крест, на плаху.

1989 год.

Шашины

Родина зовет

Счастье пришло неожиданно. Оно явилось к нему в образе курносой смешливой девушки. Девушка только что окончила двухгодичные курсы медицинских сестер и приехала работать на Косью. Невысокая, с прямыми русыми волосами, обыкновенная для других, для него она была самой лучшей, самой нужной. Встреча с ней наполнила жизнь новым смыслом. Он чувствовал: встреча эта – навсегда. Они решили пожениться.

Несчастье пришло неожиданно. Оно налетело, как вихрь, и коротким словом «война!» разразилось над поселком. Как гром среди ясного воскресного неба. Еще вчера Анатолий Шамин провожал любимую девушку домой, а сегодня она провожает его на фронт.

Небольшая поселковая площадь словно расширилась. Она не могла вместить всех людей и разрывалась, как их сердца от боли. Площадь дышала единой грудью, жила единой мыслью, хлопотала любовью и ненавистью. Играл оркестр, говорили речи. Речи были кратки, как приказ. Анатолию Шамину тоже дали слово. Он увидел огромное людское море, и его захлестнула бурная волна чувств. Анатолий знал, что такое война. Прошло только полгода, как вернулся он с финского фронта. Что сказать односельчанам? И зачем говорить? Надо действовать, надо спешить туда, где уже в течение двух суток идут бои, где гибнут люди. Остановить врага! Или умереть... И простой рабочий парень с драги №27 сказал то, что считал в эту минуту самым важным.

– Или грудь в крестах, иль голова в кустах. Так сражались русские солдаты. Не отдадим врагу и мы землю нашу!

Снова грянул оркестр, заглушая тревожный говор и женский плач. Подошли грузовые машины. И вот уже Анатолий наклоняется через высокий борт, чтобы еще раз попрощаться с родными, обнять любимую девушку. А она не может дотянуться. Ее приподнимают чьи-то заботливые руки. Валя смотрит на Анатолия, пытается улыбнуться, а глаза полны слез. Маленькая, хрупкая, она кажется ему похожей на обиженного ребенка, у которого отняли радость, которого надо защитить.

Машины тронулись. Комсомолец Анатолий Шамин уезжал на фронт – защищать свое счастье, свою Родину.

Трудными дорогами

Монотонно, тревожно стучали колеса. Поезд шел по белорусской земле. Скоро Витебск. А пока состав остановился на какой-то небольшой станции. Тут скопилось несколько эшелонов. Тысячи людей – с Урала, из Сибири, из республик Кавказа и Средней Азии. Пожилые и молодые, женатые и холостые, с разными характерами и привычками – все сейчас жили одной мыслью: скорее на фронт!

«Почему остановились? – думал Анатолий. – Надо ехать».

Вдруг тишину прорезал шум моторов. Это на бреющем полете пронеслись над станцией немецкие самолеты. Взрывы гремели то тут, то там. Горели здания, горели вагоны. В огне и дыму метались санитары, оказывая помощь раненым. Слышались четкие слова команды. Через несколько часов эшелоны двинулись дальше.

Анатолий недосчитался нескольких своих земляков: одни были отправлены в передвижной госпиталь, другие убиты. Больно терять друзей!

А фронт, должно быть, совсем рядом. До Витебска они так и не доехали: вновь началась бомбежка. Вновь гибли люди, прорваться вперед было невозможно. Назад – тоже. Их окружил немецкий десант. Выходили из окружения небольшими группами. Что стало с другими, Анатолий не знает. А они, около десятка человек во главе с командиром взвода, укрылись в лесистой низине. Усталые, голодные, с риском для жизни пробрались через болото и вышли к своим.

И начались для Анатолия Шамина самые тяжелые дни. Отступление. Нет для бойца страшнее этого слова. Нет больнее той боли, какую при этом испытываешь. «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим». Да, не хотим. И не отдадим, конечно! Победим. Но пока-то отступаем. Бьемся за каждую пядь земли, а идем на восток, на восток, отдавая врагу село за селом, город за городом. На тебя смотрят как на защитника, от тебя ждут победы, а ты... Ни с чем не сравнить это горькое чувство, никакой не измерить мерой!

А какая она большая, необъятная, наша страна! Израненная, политая кровью и потом, родная земля стала еще дороже. Анатолий знал: скоро враг покатится назад. Но сейчас... Как об этом написать домой? Что сказать Вале?

Сестра милосердия

Валя проводила на фронт Анатолия, а через два дня и сама получила повестку.

Эвакогоспиталь в небольшом уральском городке. Он расположен в двух зданиях: в музыкальной школе и школе-десятилетке. Не звучат здесь больше ребячьи голоса, все переоборудовано, все готово к приему больных. А через неделю сюда уже поступило 900 раненых. Несмотря на глубокий тыл, несмотря на то, что война только началась.

За полтора года повзрослела курносая девчонка: тверже и упрямее стали губы, сурово хмурились брови, сердце стало мужественным. Только взгляд был по-прежнему ласковым, добрым. Боль других людей Валя чувствовала всем своим существом, каждой своей клеточкой и страдания раненых старалась облегчить ласковой улыбкой, добрым словом. Она понимала, что нужна им. Это наполняло ее жизнь большим и высоким смыслом.

Эвакогоспиталь в Черниговской области. 130 медицинских работников с Урала: врачи, сестры, санитарки – прибыли сюда сразу после освобождения этого района от фашистских захватчиков. Больно было смотреть на разрушенный город. И Валя поняла: раны на теле земли кровоточат и ноют не меньше, чем на теле человека. Медицинские сотрудники трудились день и ночь, наводя порядок в здании бывшего немецкого госпиталя. И вот все готово.

Каждый день в эвакогоспиталь поступали раненые: фронт был близко. Но рев немецких самолетов в небе слышался все реже и реже, война уходила на запад. Госпиталь находился в пяти километрах от вокзала. Доставить раненых было делом нелегким. Одни без сознания и без движения, другие стонут от страшной боли, третьи ругаются, четвертые молча проклинают войну. Привезут их в госпиталь, сделают санобработку, накормят, уложат в чистую постель – и раненые спят, бывало, по двое суток кряду. Встревожится Валя: уж живой ли? Подойдет, послушает – спит. Устал человек, пускай отдохнет, война еще не закончилась.

В карманах Валиного белого халата чего только нет: карандаш и бумага, папиросы, табак и газеты на самокрутки. Зайдет в палату, улыбнется:

– Ну, ребятки, кому дать чайку? Кто покурить хочет?.. А для вас, может быть, письмо написать? Подиктуете?

Сколько тепла и света, сколько внутренней силы в этой маленькой сестричке! С ней быстрее заживают душевные и телесные раны, снова хочется жить и бороться.

А она в каждом из этих бойцов видит своего Анатолия. Все они похожи на него: Один – цветом волос, другой – открытой улыбкой, третий – манерой речи, а самое главное – тем, что все они оттуда, из пекла войны... Где он сейчас, Анатолий Шамин? Не ранен ли?

Под Сталинградом

Он был ранен под Сталинградом.

Шли оборонительные бои. Храбро сражался командир артиллерийского орудия Анатолий Шамин. Потом началось наступление. Как опытный артиллерист-разведчик, Шамин получил задание занять наблюдательный пункт. Вместе с ним пошли его ребята-разведчики и радисты.

Эту высоту они облюбовали еще с вечера. С наступлением темноты бесшумно и быстро пробрались туда, окопались, установили стереотрубу, буссоль. А когда начался рассвет, огляделись: вражеские орудия, пехота как на ладони. Подготовили данные, чтобы передать их на батарею.

– Батарея, внимание! Прицел – двадцать, уровень – ноль три... Первое орудие, огонь!

И заговорила батарея. Ее горячий говорок радовал сердце. Анатолий подавал новые команды.

«Не удалось! Не вышло?!» – то ли восклицал, то ли спрашивал он, с радостью наблюдая расстройство и замешательство в рядах противника. Ему вспомнился сейчас жаркий июньский день, уральский поселок, тревожная, охваченная горем площадь и печальные девичьи глаза. – Не вышло?»

Вдруг сильная боль передернула все его тело, и Анатолий резко схватился за свою руку. Она была в крови. Его ранило разрывной пулей. Бойцы перевязали командира.

– Надо бы в госпиталь, – говорят.

– Какой тут госпиталь? Вы посмотрите, что творится. Душа радуется! – восторженно говорил Шамин.

И снова спокойный и четкий раздавался его голос:

– Батарея, внимание!

Бой продолжался до вечера.

А потом был госпиталь. Три месяца чьи-то заботливые руки осторожно перевязывали раны, готовя бойца к новым сражениям. А путь предстоял немалый: от Волги до Берлина. И как вехи на этом пути – боевые награды артиллериста: орден Красной Звезды, ордена Славы третьей и второй степени, несколько медалей.

СЫН

Вагонные колеса весело стучали: впе-ред, впе-ред, впе-ред! Комсомолец Виктор Шамин ехал на Дальний Восток, служить в рядах Советской Армии. «Впе-ред, впе-ред, впе-ред!» – стучало сердце. Оно билось тревожно и радостно, как на экзамене.

Вспомнились выпускные экзамены в средней школе №4. Вот он, десятиклассник, внимательно смотрит на доску, где написаны темы сочинений. Выбрал свободную: «Готовься к великой цели, а слава тебя найдет». Пишет откровенно, искренне, подводя первые итоги своей семнадцатилетней жизни:

«До сих пор я только брал от людей все хорошее, учился у них жить. Как я понимаю великую цель? Через трудности, через все преграды идти вперед и делать для людей хорошие дела. А слава? Это вовсе необязательно. Можно прожить и без нее. Разве обязательно, чтобы за хорошие дела тебя хвалили? Внутреннее сознание выполненного долга должно быть высшей наградой за твой труд».

Вспомнилось комсомольское собрание в профтехучилище №87. Отчетно-выборное. С отчетом выступал он, Виктор Шамин. А после собрания его, призывника, поздравляло все училище. Говорили хорошие слова, преподнесли подарок, пожелали счастливой службы. Вспомнились ребята из дворцовской агитбригады, которые проводили его до вокзала.

Вспомнились отец и мать: Анатолий Захарович и Валентина Филипповна. На душе стало тепло, а вагонные колеса застучали спокойно и нежно. Сын гордился родителями и по-хорошему им завидовал. Сквозь огонь войны, через всю жизнь пронесли они свою любовь и верность. Живут радостно, работают вдохновенно, не стареют душой. Вместе с молодежью пришли они в тайгу и построили город Качканар. Здесь они стали

ударниками коммунистического труда, а Анатолий Захарович кавалером ордена Октябрьской революции.

Виктор думал об отце и матери, а за окнами вагона проплывали степи, поля и леса, озера и реки, села и города – все, что зовется Родиной. Четырнадцать суток езды – и вот вся страна у тебя за спиной, и ты за нее в ответе. Чувство ответственности перед Родиной, осознанное, может быть, впервые, осталось в нем навсегда. Это чувство было с ним тогда, когда качканарец Виктор Шамин служил в Советской Армии и был, как его отец, артиллеристом. Оно живет в нем и сейчас, когда помощник машиниста экскаватора В. Шамин начинает рабочую смену, когда проходит по улицам родного города, когда думает о будущем.

1974 год

А в 2009-м добавлю: Виктор Шамин женился на однокласснице Галине Огибениной. Верны друг другу, родному городу, Качканарскому горно-обогатительному комбинату, откуда они ушли на заслуженный отдых. У них взрослые дети: Виталий, Анатолий, Валентина; растут внук и внучка.

Как один день прошли 55 лет их супружеской жизни

Долго думала, с чего начать рассказ о супругах Штерман. И решила начать с конца.

В конце нашей беседы я спросила:

– Для чего человек приходит в этот мир?

И Виктор Ефремович, не задумываясь, ответил:

– Чтобы сказку сделать былью.

Сказал и улыбнулся. Должно быть, эта песенная строка из времени романтиков показалась ему неуместной в наш неромантический век. Между тем для него это не просто красивые слова, а жизненный принцип.

«Жили они долго и счастливо...» Если это сказка, то Штерманы сделали ее былью. Живут долго: им по 77. Вместе уже 55 лет.

– А как один день! Как один день! – говорят они, улыбаются и смотрят друг на друга так нежно, словно это их первая встреча.

Встретились они в Свердловске в 1952 году. Галина тогда уже работала медсестрой в центральной клинической больнице, а Виктор учился в лесотехническом институте. Каждый шел своей дорогой. А однажды осенним вечером их дороги пересеклись. Нет, не пересеклись, а слились в одну. Слились под звуки оркестра, который играл в клубе по улице Большакова. С первого танца, с первого взгляда, сразу – и навсегда. И это не сказка. Через месяц, 14 ноября 1952 года, в ЗАГСе Октябрьского района города Свердловска был зарегистрирован брак Галины Королевой и Виктора Штермана.

Вышли из ЗАГСа счастливые и направились к бабушке. Она дала им денег, и они купили Виктору бобриковое пальто за 46 рублей. Скажете, смешная цена? Да, теперь, с расстояния в полвека, многое кажется смешным, странным, удивительным в том времени. Все дальше уходила страшная, разрушительная война; все крепче вставала на ноги страна; все уверенней смотрели люди в завтрашний день. Верили в него и наши молодожены.

Свадьба была студенческой – на четырнадцати квадратных метрах, которые занимала семья Королевых в двухэтажном 12-квартирном доме, каких в ту пору в Свердловске было великое множество. В этой скромной квартире собрались родные да

десять полтора студентов. Не было пышного убранства, не было у молодых обручальных колец, но было весело, искренне, по-настоящему.

«Смешная свадьба», – должно быть, подумает нынешняя молодежь. Да, мы знаем современные бракосочетания: богатство и роскошь, лимузины и блеск – всем на удивление! Не свадьба, а сказка!.. Сказка, которая, к сожалению, очень скоро заканчивается, не найдя продолжения в совместной супружеской жизни. И выясняется, что магическая, сказочная сила заключена не в роскоши и не в обручальных кольцах. У Галины Ивановны и Виктора Ефремовича в 1952 году не было ни возможности, ни желания удивить мир своей свадьбой. Зато в 2007 году люди удивляются их семейному союзу, по-хорошему завидуют им и поздравляют так же искренне и тепло, как когда-то на студенческой свадьбе.

Тот же скромный дом по Сибирскому тракту, та же квартира с комнатой в четырнадцать квадратных метров приютила молодых супругов. Кроме них, там жили родители Галины, ее сестра Аля и два брата. Вот такой сказочный теремок, вот такие семь «я»!

– Нам отдали кровать, – рассказывает Галина Ивановна. – Аля спала на диванчике, брат Борис на столе, а Сашка под столом. На кухне соорудили полати, там спали мама с папой. А когда у нас родился Володя, он спал в коляске...

И стало в теремке восемь жильцов, и все были очень дружны, совсем как в сказке. А вот медведя, который разрушил бы теремок, к счастью, не нашлось.

– Жили очень дружно, никогда не ссорились, – вспоминает Галина Ивановна. – А сейчас, как посмотришь по телевизору иные семейные истории, так страшно становится: из-за денег, из-за жилья могут убить отца и мать. Не хочется верить в такое.

Их отношения были другие. «У меня лучшая в мире теща!» – с гордостью говорил Виктор, к которому она относилась, как к сыну, а дочери говорила: «Тебе его Бог послал!» И не зря так говорила: заботливый, внимательный, трудолюбивый, Виктор Ефремович помог поднять на ноги братьев и сестру своей жены, всегда беспокоился о любимых теще и тесте.

В 1954 году он закончил институт и был направлен в Серовский район. Там, на станции Сотрино, Галина несла медицинскую службу, а муж занимался переводом узкоколейной желез-

ной дороги с мотовозной тяги на паровозную. С тех пор железные дороги станут главным делом его жизни. Через два года они снова в Свердловске, где Виктор работал начальником изыскательской партии в институте «Гипродортранс».

А в 1957 году Штерманы приехали в Качканар. Виктор Ефремович был назначен начальником производственного отдела Качканарского строительно-монтажного управления треста «Уралспецстрой». Но после двух лет верного служения этому делу, связанному в основном с проектной документацией и согласованиями в высших инстанциях, он «попросился на прямые работы». И молодому инженеру не отказали: в 1959 году он был переведен начальником участка по железнодорожному строительству. И если сейчас утверждают, что все железные дороги на Качканарском ГОКе построил Штерман, то это истинная правда: Штерман и его доблестный коллектив. Дороги эти как кровеносные артерии, без которых не могло бы уверенно биться могучее сердце комбината. Станции Комбинатская, Карьерная, Дробильная, Южная, Агломерационная, Верхняя, Породная, разъезд Проходной – эти названия для Виктора Ефремовича до сих пор звучат как музыка, суровая, прекрасная, победная.

А главная дорога Галины Ивановны – медицина. Это Валериановская амбулатория, первая больница на качканарской земле, первые здравпункты комбината. Это высокая квалификация медицинской сестры, которая, если нужно, могла быть и санитаркой, и акушеркой, и участковым фельдшером, умела делать физиопроцедуры, оказывать скорую помощь взрослым и детям. По бездорожью новостройки спешила она на помощь людям.

– В темноте помогал мне подаренный свекром фонарик. Звала я его «Жим-жим»: нажимаешь, нажимаешь, жим-жим – и горит, путь освещает. Часто выручали водители: помашешь, проголосуешь – остановится, посадит в кабину своего грузовика, знает, что спешу к больному, – рассказывает Галина Ивановна. – Люди тогда были другие: дружные, добрые, надежные.

С трепетным волнением, словно это было вчера, вспоминает она, как однажды принимала роды в лесу у молодой женщины, которой в сентябре, уже на сносях, вздумалось отправиться за брусникой. Нелегко тогда пришлось и роженице, и акушерке, да и младенцу, который, завернутый в женскую рубашку и

медицинский халат, огласил лес своим первым криком – и все муки сразу превратились в радость.

Вот так же в лесу, в муках и радостях рождался Качканар и подобно сказочному богатырю поднимался над уральской тайгой жилыми домами и корпусами комбината. И становился воплощенной мечтой романтиков-энтузиастов, которые пришли сюда, чтобы сказку сделать былью. Качканар жил и работал – и это для них стало лучшей наградой, хотя были и другие награды Родины за их самоотверженный труд. Галина Ивановна награждена юбилейной Ленинской медалью, Виктор Ефремович – орденом Трудового Красного Знамени; он ударник девятой пятилетки, ударник строительства объектов черной металлургии. А благодарностей да грамот в семье Штерманов не счесть.

Благодарна Виктору Ефремовичу и советская Кубань – «за большой вклад в строительство производственных, культурно-бытовых и жилищных объектов». Дело в том, что в 1978 году Штерманы уезжали в Краснодарский край, где им оченьгодились качканарский опыт и выучка. С гордостью супруги говорят, что на Кубани они не уронили звания качканарцев. Привлекателен и благодатен Краснодарский край, щедра кубанская земля – живи и радуйся! А для пенсионеров тут просто рай. Но оказалось, что у Штерманов и в пенсионном возрасте сердца стучат по-качканарски и какая-то неведомая сила влечет их в уральский городок, которому они отдали лучшие годы своей жизни. И даже прекрасный дом с большой урожайной усадьбой не может удержать их на юге – Штерманы возвращаются в Качканар.

Да и как же иначе, если в далеком 1957 году они начинали строить его вместе с родителями Виктора. Ефрем Ильич Штерман был главным бухгалтером качканарского управления «Уралспецстроя», а от Полины Израилевны идут истоки музыкальной культуры Качканара. Когда рождался наш юный город, у старших Штерманов юными были только сердца, а возраст – солидный (гимназию Полина Израилевна окончила в 1914 году, представляете?). Про иных можно бы сказать: возраст преклонный. Но Штерманы не умели преклоняться перед временем и перед трудностями, которых в их жизни было немало. Прошли по жизни рядом почти шесть десятков лет. «Как один день», – должно быть, сказали и они, если бы сегодня

были живы. Как добрых и светлых людей помнят их первые качканарцы.

Прекрасная музыка в глухой тайге – это ведь тоже сказка? «Нет! – скажут первостроители. – Так было!» Были прекрасные концерты Полины Израилевны в клубе «Строитель». Ни бездорожье, ни сильные морозы, даже отсутствие электричества (нотные листы освещали карманными фонариками) – ничто не могло помешать. Вот к роялю подходит элегантная пожилая женщина – и льется музыка, и уставшие после смены строители отдыхают душой, приобщаются к неведомому, прекрасному, почти сказочному миру. Полина Израилевна помогала юношам и девушкам понять красоту настоящей музыки, многих научила нелегкому искусству вокала, а иным дала путевку в новую жизнь.

На качканарской земле старшие Штерманы отпраздновали золотую свадьбу и жили еще долго. Перешагнули золотой рубеж и Виктор Ефремович с Галиной Ивановной: на их супружеском календаре – 55 лет!

Дорогие Галина Ивановна и Виктор Ефремович! Вместе с вашими детьми и внуками, вместе с вашими друзьями я поздравляю вас с этой удивительной датой! И низко кланяюсь вам за ваш жизненный подвиг, вашу мудрость, за ваше умение любить! Если бы этим умением обладали все люди – насколько больше было бы на земле счастливых семей, для которых долгая супружеская жизнь – как один прекрасный день!

2007 год

Она выбрала производство

Шел 1970 год. Качканар рос и благоустраивался, на деле подтверждая недавно присвоенный ему статус города. Уверенно работал горно-обогатительный комбинат, было уже отлажено производство концентрата и агломерата. Пусковой период переживала фабрика окатышей, готовая дать металлургам новую продукцию. Внушительно и гордо стояли корпуса комбината, начинаясь у горы Любви и далее по производственной цепочке – вниз.

Рядом с этой громадиной молодая девушка казалась такой хрупкой, маленькой, почти дюймовочкой. Звали девушку Раиса Исакова. Она приехала в Качканар с дипломом горного инженера-обогатителя и с жизненной установкой: обязательно работать на производстве. Казалось бы, откуда у девушки такое стремление? А оно оттуда, из ее детства.

Город Сибай (кстати, ровесник Качканара), выросший из небольшого поселка, был одним из крупных промышленных центров Башкирии. Там добывали медно-серный колчедан; жизнь и работа большинства сибайцев была связана с горно-обогатительным комбинатом, как и детская мечта Раисы. Эта мечта росла и крепла вместе с девочкой, выросшей в большой и дружной семье.

Ее глава, Муртаза Исаков, был человек неординарный. Участник войны, он служил в артиллерии, не раз бывал в окружении, освобождал Болгарию, Чехословакию, Венгрию. Домой пришел с наградами и ранами. Но из всех фронтовых воспоминаний он больше всего любил рассказывать детям о том, как во время боев на Дону спасали библиотеку Шолохова, говорил о том, какая это великая ценность – книга. Муртаза много читал, следил за газетами, хотел знать обо всем, что происходит в стране и в мире. С образованием четыре класса он после войны сумел поступить в техникум и успешно учился.

– Папа у нас был умным и пытливым. Он держал первенство по шахматам в городе. А когда я училась в девятом, десятом классах, помогал решать задачи по физике. По характеру добрый, мягкий, папа не допускал грубости, а сквернословов предупреждал: «Мата в моем доме не должно быть! У меня четыре девки и два парня – не учите их этому!» А мама была строгая. Она не бросала слов на ветер, не любила повторять дважды и нас учила быть хозяевами своих слов. И все в нашей семье очень любили читать, – рассказывает Раиса Муртазовна.

А еще она говорит, что отец очень любил ходить на родите-

льские собрания. Это и контроль за детьми, и связь со школой, но главное – это шестикратное удовольствие: ведь всех его детей на собраниях хвалили и ставили в пример. Простые рабочие люди, Искаковы сумели пробудить в детях интерес к книге, тягу к знаниям и всем шестерым дали высшее образование. Рая поступила на заочное отделение Магнитогорского горного института. Почему на заочное? Да потому, что в то время у нее не было даже приличной одежды. Пошла на комбинат, работала электриком, токарем. За год одела себя – и уж потом стала настоящей студенткой.

И вот дипломированный специалист в Качканаре. В отделе кадров комбината Раисе предложили работать в лаборатории. Нет, это не для нее. Другое дело – шихтоподготовка. Мастер А.Кирчанов показал ей цех. Девушка смотрела и слушала внимательно. И это было не простое любопытство экскурсанта, а глубокий интерес к тому месту, куда она пришла всерьез и надолго.

– Кем хочешь работать? – спросил начальник фабрик окускования В.Дегодя.

– Мастером. Но сначала хочу отработать.

– Что значит «отработать»?

Для Раисы это означало начать с самых низов, пройти все рабочие места, без чего, считала она, нельзя стать хорошим руководителем. И начала она с машиниста конвейера. Главным орудием труда для горного инженера Искаковой стала лопата. И нашей дюймовочке весом в 50 килограммов приходилось орудовать тяжелой лопатой, порой целую смену разгребая завалы, возвращая шихту на конвейер.

– Первые два месяца было очень тяжело, – признается Раиса Муртазовна. – Это был год запуска фабрики окатышей. Оборудование еще не отлажено, диспетчерская служба – тоже. Кругом завалы. Всем приходилось нелегко.

И вместе со всеми училась она преодолевать трудности. Работы не боялась, осваивала производство – стала дозировщиком, старшим дозировщиком, через год – мастером, а еще через год – начальником смены. И это было уникально: никогда еще женщины не работали старшими дозировщиками и уж тем более начальниками смены. А Искаковой доверили бригаду. И это не прихоть руководства комбината, а высокая надежда на нее как специалиста и человека. Искакова была первая, единственная, неповторимая.

Начальник смены – женщина. Как отнеслись к этому рабочие?

Она забрала производство

Большинство – нормально: ведь за два года все видели ее старание, знание дела, ценили ее ум и доверительные отношения с коллективом. Был, конечно, и некий скептицизм, особенно у молодых парней, даже тогда, когда Раису назначили мастером: справится ли девчонка?

Раиса Муртазовна вспоминает такой случай.

– Однажды меня, машиниста конвейера, вместе с другими женщинами послали на склад известняка и топлива разгребать завалы. Женщины взяли лопаты, пришли на склад – и сели: устроили бойкот, заявив, что не хотят убирать завалы, которые оставила предыдущая смена. Пожилой рабочий отозвал меня в сторону и сказал: «Завтра тебе придется ими руководить, а ты вместе с ними уселась». Было очень стыдно! Этот урок, который преподал мне простой рабочий, я запомнила на всю жизнь.

Уже тогда видели в ней будущего руководителя, верили в нее. Раиса Муртазовна стала хорошим мастером, а вскоре начальником смены – и легкий налет скептицизма быстро развеялся. Все почувствовали, что в рабочих она видит не подчиненных, а людей, с которыми делает одно общее дело.

– Аркадий Михайлович Кирчанов, – говорит Раиса Муртазовна, – умел передавать опыт и знания не навязчиво и очень доступно. Как технолог, он руководил всем процессом, и было стыдно перед ним что-либо не знать. Он предъявлял четкие требования ко мне, а я к бригадирам, и это помогало нам осваивать технологию.

В 70-х годах прошлого века в стране и на комбинате развернулось комсомольско-молодежное движение. И когда на шихтоподготовке решили создать комсомольско-молодежную бригаду, выбор пал на Искакову. На этом настоял начальник цеха М. Бабич, которого Раиса Муртазовна называет своим наставником.

Выбор начальника цеха был не случайным: большинство в смене Искаковой составляла молодежь. Бригада была сильна своей сплоченностью, жила и работала по принципу: один – за всех, все – за одного. А звание комсомольско-молодежного налагало на коллектив повышенную ответственность. И они старались, понимая, что от их труда зависит бесперебойное снабжение шихтой аглофабрики и фабрики окатышей. После рабочей недели часто ездили на субботники в подхоз Сигнальный, на Лайский свинооткормочный комплекс. Вечерами учились в школе рабочей молодежи. За учебой Раиса Муртазовна следила четко. Самым молодым уделяла особое внимание, как обычно и бывает в большой

и дружной семье.

– Так уж получилось, – говорит Раиса Муртазовна, – что в нашей смене чуть ли не все были друг другу родственники. Взять, к примеру, семьи Краевых, Пьянковых, Рякшиных, Кулаковых, Томахиных. Негласным лидером в коллективе был Сергей Евдокимов – спокойный, выдержанный, отличный специалист, бригадир корпуса измельчения. В смене работали его мама Клавдия Ивановна и сестра Алевтина Борисовна – чудесные женщины, великие труженицы. А женился Сергей на девушке из своей же смены Наде Рычковой – милой хохотушке с блестящими глазами. А две Надиных сестры, Лида и Валя, очень ответственные, с хорошим чувством юмора, работали у нас дозировщиками. Дробильщиком был Валялин муж Володя Вернигора – крепкий парень с хохляцкой хитринкой. Всеобщий любимец и спортсмен, комсорг смены Саша Мызников увлекал всех на лыжные прогулки или в спортзал. А его женой стала серьезная девушка Нина Махт, которая пришла в цех после училища. Профоргом смены была Ирина Исакова – жена моего брата Алексея, который был начальником смены в другой бригаде, а потом вырос до заместителя начальника по производству фабрики окускования.

Да и муж Раисы Муртазовны, Валерий Замураев, хоть и не из ее бригады, но тоже из цеха шихтоподготовки.

О своей бригаде Р.Исакова может говорить без устали – обо всех и о каждом. Вот Сережа Бурдин. После училища поработал в смене электриком и, отслужив в армии, вернулся в родной коллектив. Его напарник Андрей Никитин тоже пришел из училища. Несмотря на молодость, это были надежные работники; наставником у них был Валентин Иванович Антоновский – специалист высокого класса и светлая голова. А самым главным советчиком Р.Исаковой был неугомонный Иван Васильевич Ковязин – лучший старший дозировщик во все времена. Все в бригаде называли друг друга по имени, а к Ковязину обращались обязательно по имени-отчеству.

Удивительная это женщина Раиса Муртазовна. Сумевшая создать одну из лучших на комбинате комсомольско-молодежную бригаду, она утверждает, что «воспитывала не Исакова, а коллектив».

Полтора десятка лет отдала она любимой шихтоподготовке, а с 1986 года работает в отделе технического контроля комбината. Начинала при Г.Синцовой – строгом и принципиальном начальнике ОТК.

– У Галины Алексеевны была хорошая жесткость, умение настоять на своем. Прекрасный специалист, она отлично знала комбинат. И база качества продукции была заложена при Синцовой. Мы стараемся следовать ее традициям, – говорит Раиса Муртазовна, ныне заместитель управляющего директора по качеству. – При прежних объемах производства мы уверенно работали на качество. Сейчас объемы производства возросли, но возможности комбината, его резервы позволяют сохранить и поднимать уровень качества.

Р.Искакова понимает: кто бы ни был директором комбината (а их она знала немало), какие бы ни дули ветры перемен, – уважающее себя предприятие всегда должно давать качественную продукцию. У Качканарского ГОКа это получается. И делают это люди, каждый из которых, от рабочего до руководителя, по своему талантлив. В этом Раиса Муртазовна убедилась за долгие годы, отданные комбинату. И до сих пор, уже перешагнувшая пенсионный возраст, она верно служит родному предприятию, где ценят ее знания и опыт, умение работать с людьми.

– В работе я счастлива, – говорит она. – Сознание того, что я нужна, помогает жить, не позволяет закиснуть, отодвигает мою старость.

А еще счастливой делает ее большая родня. Когда-то у Искаковых было шестеро детей. С ранних лет усвоили они родительский наказ: любить и всегда поддерживать друг друга. Выросли братья и сестры, разрослась семья детьми и внуками. По-разному сложились их судьбы, разбежались дороги. Но каждый год 19 июля, в день рождения мамы, они встречаются в родном Сибее. А в 1993 году, тоже 19 июля, произошла автомобильная катастрофа – и большая семья Искаковых сразу потеряла маму и брата Алексея. Но встречи на родной башкирской земле и святая, светлая память придают Искаковым новые силы, чтобы жить дальше. В такие дни Раиса Муртазовна возвращается в детство, вспоминает свои юношеские мечты. И ни разу еще не пожалела о том, что на пороге в большую жизнь она выбрала производство.

2008 год

Пусть ей солнышко светит в пути!

«Мы любим весь мир! Мир любит нас! Я желаю всем счастья!» - таков девиз женского клуба «Лада», определившего своей целью спорт во имя здоровья. Физкультура и спорт - каждый день, круглый год. С самого утра круги по стадиону: ходьба и бег; занятия в манеже; волейбол и плавание; сауна и баня; коньки и лыжи, для иных даже горные лыжи – вся неделя расписана по часам. В клубе «Лада» три десятка человек. Бодрые, доброжелательные, готовые любить весь мир, они молоды душой и телом, хотя большинство женщин уже пенсионерки...Хочу познакомить вас с одной из них. Это Лидия Семеновна Хохрякова.

Начинается утро нового дня, и Лидия Семеновна на стадионе «Горняк». Беговая дорожка весело бежит навстречу, оставляя позади метры и километры. Сколько же километров прошла и пробежала Лидия Семеновна за долгие годы жизни? И всегда ли ее дорожка была ровной и гладкой, как на стадионе?.. Мысли вместе с беговой дорожкой остаются позади, уходят все дальше в прошлое. Вот ее мысли уже покинули стадион, потом и Качканар, перелетели через Уральские горы, устремились на запад и благополучно достигли Кировской области, районного центра Котельнич и маленькой деревушки Комлята.

Деревня стоит на горке. Посмотришь вверх – там еще одна горка, поросшая молодым лесочком. А внизу – шахра (так местные жители называют долину, луг) с сочной травой и редким ивняком. В Комлятах всего семь дворов. В одном из домов жили Семен Иванович Васильевых с женой Марией Моисеевной. Работали на земле. Комлята и несколько соседних деревень входили в колхоз имени Молотова, выращивали лен и рожь. Зерно, целыми обозами, сдавали государству. В личном хозяйстве Васильевых держали корову и телят, овец и ягнят. Семен и Мария жили и работали дружно, на трудности не жаловались.

В апреле 1939 года у них родился первенец – дочка Лида. Радовались, хотя отец мечтал о сыне. Девочка подрастала. Семен Иванович, вернувшийся с финской войны, работал в колхозе трактористом. В 1941-м Васильевых ждали второго ребенка. И вдруг снова война. В самый же первый день, 22

июня, Семена забрали в армию, прямо с поля, вместе с трактором. «Видно, трактор и там нужен», – размышляла Мария, горевавшая оттого, что не пришлось по-хорошему проститься с мужем. Правда, позднее она ездила к нему на сборный пункт в Котельнич, чтобы доставить самое необходимо перед отправкой на фронт. И расстались. И осталась Мария одна.

Да разве одна? А двухлетняя Лидочка? А в августе родилась еще одна помощница – Тонечка. А сколько забот и хлопот, сколько дел (без мужиков-то!) и дома, и в колхозе? Нет, не одна. Есть еще и думы-думушки, но Марии не до них: работать надо, детей растить, крутиться, как белка в колесе. В этой круговерти смешались дни и ночи, бежали недели, месяцы, годы, накапливая усталость, выматывая силы – и не было у колеса ни конца, ни края... Но через три года колесо остановилось.

Мария перевела дух, огляделась – и увидела Семена. Он вернулся. Он живой. Без левой руки: потерял ее на Ленинградском фронте. Зато принес с собой страшную память о блокаде Ленинграда. Рассказывать об этом не любил, старался тяжелые воспоминания заглушить работой, работой, работой. Шел 1944 год. Инвалид войны Семен Васильевых руководил тракторной бригадой, потом стал колхозным бригадиром. Энергичный, ответственный, он босиком исходил все поля, умел поддержать и вдохновить односельчан. Работал без выходных и жене не давал покоя. «Надо бы хлеб испечь», – заикнется она, желая с утра ненадолго задержаться дома. «А что люди скажут?» – услышит в ответ. И Мария трудилась от зари до зари, а хлеб пекла ночью. И вновь крутилось и крутилось колесо. Утешало то, что оно все-таки не как у белки, не на одном крутится месте, а катится вперед, оставляя позади годы и сомнения, вселяя надежды. Катится колесо радостно, потому что Семен рядом, а дочери подрастают. Вот уж и война осталась позади. Жизнь идет, ее не остановишь. В 1948 году в семье Васильевых появилась еще одна девочка – Любушка, а в 1952-м - Валя. Ну что поделаешь? Не дал господь мальчика.

Зато старшая, Лида, была для отца за дочку и за сына: с детства знала мужскую работу, дружила с молотком и топором, а также с лошадьми. Зорька, Вихрик, Тигра и другие колхозные трудяги навсегда остались в ее сердце. На лошадь девочку посадили рано, лет в семь-восемь. После войны она боронила колхозные поля. Сидит верхом, держится за уздечку, правит.

Зорька тащит большую борону. Случалось, что на повороте перевернется борона кверху зубьями – притормозит девчонка и плачет в ожидании случайного помощника. Подросла – стала возить навоз на поля, зерно на колхозный ток, сено на ферму. Каждый год, как только заканчивалась учеба, бригадир Иван Александрович Ивакин закреплял за Лидой лошадь на все лето. И жила лошадка во дворе Васильевых, Лида кормила и поила ее и сама, хрупкая, неокрепшая, вкалывала, как лошадь, весь сезон. Надо было заработать сто трудодней – такова была норма, определенная колхозом и школой. Да и семье помогать надо. А в сентябре снова за парту.

В школу ходила с большим желанием. В прямом смысле слова – ходила. В начальную школу – в деревню Треничи, что в трех километрах от дома. Каждый день пешочком туда и обратно, в любую погоду осенью, зимой и весной. Сколько же прошла малышка за четыре учебных года? Попыталась я прикинуть – получилось более 5000 километров! А семилетняя школа находилась в семи километрах, в деревне Чернятьевской, а в среднюю школу идти пятнадцать километров, в село Макарье. За спиной мешок с небогатыми домашними припасами – и в путь. Тоже ножками, но не каждый день, а раз в неделю. В учебном году больше сорока недель. Вот и получается, что в походе за знаниями она преодолела больше 10000 километров.

В 1957 году Лидия Васильевых получила аттестат зрелости.

– Убирайся! Сгниешь в деревне, пропадешь! Уезжай! И чтобы глаза мои тебя здесь не видели! – не сказал, а приказал отец в тревоге за будущее дочери.

А убраться из деревни было непросто: ведь колхозники в ту пору даже паспортов не имели. Помог Сергей Андреевич, двоюродный брат отца, преподаватель Свердловского пединститута. Так оказалась Лида на Урале. Успешно сдала вступительные экзамены в техникум советской торговли. Домой после экзаменов не поехала, дядя учил племянницу культуре речи: надо было избавиться от слов-сорняков, от вятского говорка.

А в сентябре в техникум. Но сначала на уборку урожая. Лиде ехать в колхоз не в чем. Физрук Иван Родионович Золотухин, он же классный руководитель, дал ей спортивный костюм и лыжные ботинки – колхозница готова! Работали в селе Сажино Красноуфимского района. Все картофельное поле заросло

коноплей. Выбирали клубни, выбрасывали коноплю, которую в то время воспринимали лишь как сорняк. И не понимали, почему к концу дня у всех болела голова. За месяц заработали по три-пять мешков пшеницы. Взвешивали зерно на току – получайте! Рассчитался колхоз щедро, чем мог. А куда студентам с этими мешками?. Набежали местные – скупили по дешевке. На другой год, в 1958-м, были на целине, работали на комбайне, пшеницу убирали. Рано привыкшая к труду, Лидия Семеновна как самое счастливое время вспоминает и студенческую работу на земле, и учебу.

– Жили мы прямо в техникуме, – рассказывает она. – Классный руководитель отвоевал для нас пустующую аудиторию, и стала она комнатой-коммуной, где разместилась вся наша группа, 28 девчат. Жили на стипендию, питались вместе: обедали в столовой техникума, а утром и вечером готовили сами. В нашей просторной комнате всегда было чисто, уютно, кровати аккумуляторные. А посередине широкий и длинный стол, который был и обеденным, и письменным.

Так в общих делах и заботах незаметно пролетели два с половиной года. И вот новоиспеченный техник-технолог общественного питания. Распределение было всесоюзным. Десять девочек выбрали Владивосток. Лиду направляли в Уржум, небольшой городок в Кировской области. Но она не поехала в родные края. Ее привлек Качканар, о котором так живописно рассказывал посланец ударной комсомольской стройки. Красноречивого агитатора слушали все выпускники, но его словам о романтиках-энтузиастах вняли только двое: Лидия Васильевых и Анна Дерябина.

Была весна 1960 года. 8 апреля молодые специалисты вышли из вагона на станции Выя. Все, кому на Качканар, устремились к грузовику, крытому брезентом. В тесном кузове с деревянными скамейками, на длинной ухабистой дороге и начиналась для девчонок романтика ударной стройки. Долго тряслись в духоте и тесноте. Наконец, машина остановилась. Тут берет начало улица Качканарская, тут, как им сказали, находится контора орска. В небольшом деревянном строении они нашли отдел кадров, где их встретила Алевтина Семеновна Новоселова. Потом молодых специалистов проводили в общежитие на улице Первомайской, 12. Комната на шесть человек на втором этаже. В первую же ночь новоселы почувствовали, что главные здесь хозяйева и первоп-

роходцы – клопы. Предстояла кровавая битва.

Трудовая биография на качканарской земле началась для Лидии в рабочей столовой №2, где она была поваром-бригадиром. Эта точка общественного питания на промбазе открылась два месяца назад, в феврале 1960-го.

– Централизованного отопления еще не было, воды тоже, – вспоминает Лидия Семеновна. – Коновозчик Паша доставлял воду в бочке с «татарского» поселка. Потом вычерпываем ее и таскаем флягами на второй этаж. Мешки с мукой и крупой тоже тащим на своих плечах: грузовой подъемник еще не работал. В столовой холодно. Тетя Тоня Пологова у электроплиты – в телогрейке. Потолок закуржевел, и капли конденсата прямо на столы, в тарелки и чашки падают. Приятного, конечно, мало, но рабочие мирились: понимали, что неудобства для них и трудности для нас – временные. А рабочие все прибывали: Качканар строился и рос. В день мы кормили больше тысячи человек. Наши лотошницы доставляли свежую выпечку и бутерброды на автобазу, завод ЖБИ, на строительные объекты.

Вот так начинался для Лидии Качканар. В этом слове слились воедино и бытовой уют, и радость созидания, и вера в светлый завтрашний день, и тяга строителей к знаниям. Лида и Аня тоже хотели учиться дальше. На танцы и вечера, которые по выходным проводились в красных уголках общежитий, подруги ходили редко, предпочитая проводить свободное время за книгой. Вечерами после работы они ходили на занятия в филиал Свердловского горного института, куда записались вольнослушателями. Подготовились и успешно сдали экзамены в Московский институт народного хозяйства имени Плеханова, филиал которого был в Свердловске. Шесть лет заочно учились на технологическом факультете.

– Закончили мы институт, и Аня в 1968 году уехала из Качканара: муж у нее был железнодорожник, непоседа. А я осталась в Качканаре. Навсегда. И где бы ни бывала – лучше нашего города нет! – говорит Лидия Семеновна. – Люблю Качканар!

Да и как не любить его, если он вырос на ее глазах и с ее участием? Как не любить его, если здесь вместе с мужем Серафимом Семеновичем Хохряковым они вырастили хороших сыновей, если вместе с Качканаром прошли они славную дорогу и сейчас уже на пути к своей золотой свадьбе! Как не любить Качканар, если с ним связана не только личная судьба,

но и активная общественная работа Лидии Семеновны.

Л.С.Хохрякова была заведующей столовой №7, потом технологом орсса, где ее избрали секретарем партийной организации. Ей нравилось работать с людьми, но угнетало бумаготворчество, которого в партийной работе было немало. И когда в 1975 году горком партии предложил ей стать директором ВСПТУ №8, Лидия Семеновна согласилась. Это училище, позднее именуемое как СПТУ №21, готовило поваров и продавцов, швей и парикмахеров. Начинать было нелегко: нет ни столовой, ни спортивного зала, ни общежития. А учащиеся в основном иногородние: с севера Тюменской области, из Пелыма, Новой Ляли, Лобвы, Нижней Туры, из Краснотурьинского детского дома. Спортом занимались в залах треста «Качканаррудстрой», обедали в столовой №7, жили в общежитии профтехучилища №92.

– Девочки были очень разные по характеру, наклонностям, привычкам, – вспоминает Лидия Семеновна. – Да и учились по-разному, некоторые – очень плохо. А отчислять было нельзя, всем надо дать профессию. Вот и возились мы с ними, как няньки. Хорошо, что педагогический коллектив был дружный и по-матерински терпеливый, умеющий к каждой ученице найти свой подход

И вспомнила Лидия Семеновна Свету Торбенко. Эта девочка из детдома, получив первые деньги (компенсацию за питание), истратила их за два дня, накупив шоколаду, красивых открыток, магнитофонных дисков и прочей мелочи, а у самой даже чулок не было и приличного нижнего белья. И перестали Свете выдавать деньги на руки; шли вместе с ней по магазинам и учили делать покупки разумно. Внимание к каждой ученице, чуткость в сочетании с требовательностью превратили этот разношерстный коллектив в дружную семью.

Двенадцать лет возглавляла училище Л.С.Хохрякова, пока в 1987 году его не расформировали, передав девочек в училища №87 и №92. И в течение многих лет, до самой пенсии, Л.С.Хохрякова преподавала в СПТУ №87 спецдисциплины: кулинарию, товароведение, санитарию, оборудование, учет и калькуляцию. Работала с душой, с чувством ответственности. По-другому она не умеет. Недаром в течение 15 лет была она депутатом городского Совета, и многие качканарцы благодарны ей за участие в их судьбах, за помощь.

– Все торопилась куда-то, старалась везде успеть, не умела отказывать... Все нормальные люди после работы домой идут, а я лечу на Первомайку, там много проблем: и жилье ветхое, и семьи неблагополучные... Домой прихожу поздно. Не знаю, как и дети мои выросли.

Сыновья у Хохряковых выросли хорошие, оба получили высшее образование, оба женаты. Старший, Сергей, живет в Подмосковье; Анатолий – в Екатеринбурге, он подарил первого внука.

– Ванечкой зовут. Уже зубик вырос, – и глаза бабушки светятся радостью.

Лидия Семеновна рассказывает о своих сестрах. Люба живет в Белгороде, Валя в Котельниче, а Тоня в Качканаре. Сестры очень дружны.

У Лидии и Антонины большой сад: два участка рядом. Баня. Хороший и очень гостеприимный дом. Грядки в идеальном порядке. Сестры открыты навстречу людям, радушны и добры. Даже собака у них добрая и ласковая. И зовут ее Ласка. И не случайно маленькую лаечку кличут так. Лидия, Антонина, Серафим (или Сергей), Ксения (сноха), Анатолий; возьмите первые буквы имен – вот вам и ЛАСКА.

– Все лето мы живем в саду; в город ездим только за хлебом, – рассказывает Лидия Семеновна. – А зимой? Что делать зимой, чтобы не затеряться в жизни?

Такой вопрос она задала себе сразу, как только стала пенсионеркой. И ступила на спортивную тропу, где встретила много интересных людей, ведущих здоровый образ жизни. Уже много лет вместе с ними она на беговой дорожке. И вот уже добежала до своего 70-летия. И друзья посвятили ей стихи.

*А вы знаете, а вы знаете,
Есть такая еще Доброта,
Что, столкнувшись с ней,
Просто таете...
Есть исконная Простота,
От которой надежно, весело
И легко всем бывает идти...
Эти качества – главные в Лидии.
Пусть ей солнышко светит в пути!
Хоть, пожалуй, немало прожито,
Но в сердца всех ее друзей*

*Столько светлого, чистого вложено!
Мы за это поклонимся ей.
С юбилеем поздравим милую,
Ей, заботливой, – сил в трудах,
Рады видеть ее счастливою
С внуком маленьким на руках.*

Вместе с автором этих строк Татьяной Гусевой хочется повторить: "Пусть ей солнышко светит в пути!" Пусть будет долгим и счастливым жизненный путь Лидии Семеновны, а беговая дорожка – легкой и здоровой!

И вот снова утро, и клуб «Лада» на стадионе. Ходьба, бег, упражнения в манеже. Во время разминки они маршируют и скандируют: «Мы любим весь мир! Мир любит нас!» И много раз повторяют: «Я желаю всем счастья!» Они настраиваются на бодрый и добрый лад. Они хотят жить в ладу с собой. Они хотят, чтобы во всем мире были мир и лад. А чтобы изменить мир, надо начать с себя. Они начали с себя.

2009 год

С песней по жизни

С песни и начнем. Называется она «Сердце на замочке» и посвящена Лидии и Николаю Ведерниковым. Слова написаны Надеждой Трушковой из литературного объединения «Лукоморье» при газете «Качканарский рабочий», музыка Николая Ведерникова.

*Мое сердце на замочке,
На замочке, на замке.
Если кто открыть захочет,
Обратится пусть ко мне ...
Помнишь, я была девчонкой,
Ты на танцы приходил,
Заглянул в мою сторонку
И до дома проводил.*

*А я, Лида, не жалею,
Что влюбился с головой:
Рядом душу свою грею
И люблюсь я тобой.
Не дарил своей невесте
Я на свадьбу лимузин,
Но уже полвека вместе
Мы в одно окно глядим.*

*У меня в руках гармошка,
У тебя поет душа –
Не кончается дорожка,
Жизнь и в правду хороша!
Наше сердце на замочке,
На замочке золотом.
Кто дружить с нами захочет,
Вот для тех мы и споем.*

Полвека вместе. В 2007 году в Качканаре гремела их золотая свадьба. Но давайте вернемся в недалекое прошлое, когда в Качканар пришло время серебряных свадеб.

4 мая 1982 года такая свадьба «пела и плясала» в доме №8 по улице Набережной, где живут Ведерниковы. Веселый праздник и большое торжество, добрые шутки и звонкие песни,

многочисленные сюрпризы – здесь было все, вплоть до «Птичьего молока» в красивой коробке.

На стене – дружеский шарж. Забавные малыши: девчушка с пышным бантом и мальчик в штанишках на бретельках – заметно смущаются. На углу дома, возле которого они стоят, увековечено: «Коля плюс Лида – любовь». А сквозь стену, словно сквозь годы, проступают нежно-голубые цифры: «25». И венчают эту картину знакомые слова: «Это было недавно – это было давно».

Вот среди веселья торжественно объявили:

– Невеста 1957 года!

Серьезная и озорная, она величаво взошла на табурет и одарила гостей щедрой улыбкой. На Лидии Петровне были все те же скромные туфельки, что и в 1957 году, то же серенькое крепдешинное платье. Ее глаза, по-прежнему молодые, светились таким счастьем, что все поняли: это было недавно. Лишь серебристые нити в темных волосах невесты (знать, не зря свадьба зовется серебряной) да мудрые лучики у глаз утверждали: это было давно...

Их познакомил Исовский геологоразведочный техникум, сдружилась самодеятельная сцена. Жители близлежащих поселков Артельного, Журавлика, Глубокой и других, где не раз выступала агитбригада техникума, хорошо знали певунью и плясунью Лиду Хардину и аккордеониста Николая Ведерникова. А когда впервые объявили, что выступают супруги Ведерниковы (это было в поселке Косья), грянули такие аплодисменты, каких они еще не слышали. Зрители радовались, что самодеятельные артисты «спелись», и от души рукоплескали их счастью.

Радовались за молодых и в техникуме.

– Вот вам пригласительный билет на свадьбу, – сказал комсомольский секретарь Коля Спиркин.

– На какую свадьбу? – удивились они.

– Да на вашу, на вашу!

Свадьба была комсомольской. Звонкая, веселая, она и сейчас поет в их сердцах, словно это происходило вчера.

То ли время так быстротечно, то ли душа у людей всегда молода, то ли крепка память сердца, то ли так прекрасны и чисты мелодии юности, что они не затухают в тебе, не тускнеют, а освещают и согревают всю жизнь. Что же в них, мелодиях

юности? Для Ведерниковых это шелест конспектов и горячие студенческие споры, звуки Колиного аккордеона и сильный Лидин голос, и звонкие аплодисменты зрителей, и верность друзей, и светлые мечты – все, чем одарил их поселок Ис. В этом поселке родилась их любовь, которая, как сказал поэт, «с хорошей песней схожа».

А на качканарской земле мелодии этой песни стали еще прекрасней и богаче. В них влились перестук топоров и перезвон пил, буйный цвет черемух и чистота лесных ключей, и журчание ручья, к которому ходили за водой. В домах гудели печи – дрова то потрескивали, то шипели. Порой сердито урчали «Шкоды» – большие и надежные машины, которые возили на стройку грузы, доставляли хлеб из Нижней Туры. В тайге появлялись первые улицы. Качканар жил, Качканар работал, Качканар пел.

Днем песни звучали на стройке, а по вечерам в клубе. В клуб шли в большом желанием. Шли, чтобы отдохнуть после работы, принять участие в интересном диспуте, просто поговорить по душам, посоветоваться с Мирой Михайловной Мальцевой, директором клуба, послушать качканарского музыканта Николая Ведерникова.

Николай работал механиком в третьем стройуправлении, руководил там художественной самодеятельностью и увлеченно занимался в клубе «Строитель». Не расставалась с песней и Лида, хотя в семье подрастал первенец – дочка Марина, которая моложе Качканара ровно на год. Девочка росла под нежные песни матери, под могучую музыку стройки.

Нередко бывало так. В парке «Строитель» гулянье. Родители Маринки выступают в концерте, а она спокойно спит в коляске под березой. Веселые по характеру и легкие на подъем, Ведерниковы не умели отказываться и всегда были там, где нужны. Они могли, забрав Маринку и аккордеон, на самосвале по бездорожью отправиться в поселок Ис, на свадьбу к лучшему другу. Да и как не поехать, если там ждут их музыку, их песни, ждут их самих, общительных и веселых.

Ведерниковых любили. Их веселый нрав, способность не замечать трудностей, их любовь к жизни и умение мечтать были близки и понятны многим: ведь все это были черты качканарского характера, который ярко проявился с самых первых дней строительства. Многие мечтатели возводили город и комбинат, а песня им строить и жить помогала.

Удивительная встреча с песней состоялась однажды в клубе «Строитель». Зрительный зал был переполнен. Лирические песни, одна лучше другой, сменялись задушевной беседой, зачарованная тишина – бурными аплодисментами: гостем качканарцев был свердловский композитор Евгений Родыгин. Он рассказывал о своем творчестве, обстоятельно отвечал на многочисленные вопросы, выполнял заявки.

– А можно еще одну заявочку, вернее, просьбу? – раздался чей-то звонкий голос. – Не напишете ли вы песню про нашу лежневочку?

Композитор задумался, помолчал с минуту, потом сказал:

– Я не против. Но боюсь, что быстро у меня это не получится. Ведь я пока даже не знаю, что такое ваша лежневка. Надо пожить здесь, посмотреть, а я, к сожалению, не могу остаться даже на час-другой. Должен спешить: меня ждут в Нижней Туре...

Очень жаль, конечно, но качканарцы не обиделись: они понимали занятость композитора и были благодарны ему за встречу, за песни.

Качканарцы понимали: горожанин Родыгин мог вообще не знать, что такое лежневка. Но они верили: пройдет совсем немного времени – и в Качканаре тоже будет асфальт, как в Свердловске или Москве. Будет асфальт, но лежневка навсегда останется в сердцах. Эта дорога из бревен и досок, проложенная в лесу, была кратчайшим путем на завод стройматериалов, на промбазу. По лежневке ходили на работу. Здесь на скамейках-беседках назначали свидания. Многих эта дорога вывела в большую жизнь. Как же не сложить о ней песню!..

Так думали Лида и Николай, возвращаясь домой из «Строителя». А вскоре мысль о песне целиком захватила их. Идет Лида с работы и сама не поймет: то ли в голове, то ли в сердце рождаются стихи о лежневке. Собирается за Маринкой в садик, а стихи уже готовы. Подождет Маринка: надо записать эти простые, немудреные слова, чтобы не забылись.

Лида берет карандаш и бумагу, торопливо пишет:

*По лежневке, по лежневке
Вечерочком при огнях
На работу на бетонный
Провожаешь ты меня.*

Она идет в детсад, осторожно обходит осенние лужи, в которых уже плавают желтые листья. А в душе ее поет весна:

*Расцветет весной рябина,
Зашумит в ручьях вода,
Вот на этой на беседке
Помечтаем мы тогда.*

Одевая Маринку, она видит молодых пап и мам, весело воркующих со своими малышами, и думает о том, как много парней и девчат нашли в Качканаре свое рабочее место и личное счастье.

*Ах, лежневка, ты, лежневка,
Нам дороже всех дорог!
Вот на этой на лежневке
Родилась у нас любовь.*

О чем еще нужно написать? Конечно, о том, что качканарцы никогда не забудут лежневку. И Лида написала. А Николай сочинил музыку.

Они напевали негромко, сначала вдвоем, и особенно не афишировали песню. Только песня не нуждается в афише. Словно звонкий ручеек весной, словно солнечный луч, она пробивала дорогу к людям и согревала их сердца. А Первого мая на демонстрации «Лежневку» пел уже весь Качканар. Она звучала в каждой семье, в молодежных компаниях, на клубной сцене. Она уже не принадлежала Коле и Лиде – песня жила самостоятельно.

И жил Качканар. Каждый день в тайге поднимались новые дома, рождались новые стихи и песни. Это были будни и праздники комсомольской стройки.

Однажды, в самый обычный день, к Ведерниковым явился необычный гость – корреспондент областного радио. Зачем он приехал? За песнями. Коля и Лида сначала удивились: настолько это было неожиданно. Потом загордились: за песнями – в Качканар! Это здорово! Они почти не сомневались, что корреспондента прислал Федор Селянин – партийный секретарь, влюбленный в эту стройку и ее людей.

Ведерниковы тоже любят Качканар и могут без конца говорить с корреспондентом о качканарцах, которых без песни представить невозможно.

Вот, например, прораб третьего строительного управления Булкин. Послушайте, какие стихи он написал:

*Здесь день и ночь гудят моторы
И сотрясает землю взрыв,
Тайги безбрежные просторы
От спячки вечной разбудив...*

А дальше строчки о том, что «пройдут года и будет море», строчки об огромной вере строителей в дело рук своих, в свой завтрашний день. Стихи полюбились качканарцам и вскоре стали песней. Чья музыка? Николая Ведерникова. Как слаженно и вдохновенно исполнял эту песню хор на сцене клуба «Строитель»!

По просьбе корреспондента Ведерниковы спели ее, исполнили «Лежневку» и другие Колины песни.

Шли годы, а Ведерниковы не расставались с песней. Они пели вдвоем – для себя, для души. Пели для других – в дружеских компаниях, на праздничных вечерах, их приглашали в школы, во Дворец культуры.

Шли годы. Подрастали новые поколения качканарцев, которые знали многоэтажный асфальтовый город и понятия не имели о том, что такое лежневка. Появились новые песни, а старые, казалось, ушли в прошлое.

Но вот наступил 1982 год – и для Ведерниковых с новой силой зазвучали песни их юности, такой далекой и близкой. Это был удивительный год, год юбилеев. В январе Николаю Васильевичу исполнилось 50 лет. В феврале – 70-летие отца Лидии Петровны. В марте широко отмечалось 50-летие их родного Исовского техникума. Апрель прошел без юбилеев, зато в мае – сразу два: 4 мая – их серебряная свадьба, 27 мая – день рождения Качканара, его 25-летие. Июнь – выпускные экзамены и выпускной вечер у сына Василия, который окончил среднюю школу №4. Июль – вступительные экзамены в институт, июль же – 70-летие мамы, Анфисы Григорьевны. А в августе исполнилось 20 лет работы Лидии Петровны Ведерниковой в отделе снабжения Качканарского горно-обогатительного комбината. Столько праздников, столько событий! К каждому готовились ответственно, с душой и выдумкой – по-другому Ведерниковы не умеют. Каждый праздник принес столько волнений, заставил как-то по-новому взглянуть в будущее, вспомнить юность. Но особенно волнительным для Ведерниковых был выпускной вечер их сына.

Они из тех родителей, которые являются друзьями и помощ-

никами школы. Председатель классного родительского комитета, Лидия Петровна приложила всю энергию, все вдохновение для того, чтобы выпускной вечер надолго запомнился его участникам. Силами родителей и учащихся был подготовлен литературно-музыкальный монтаж, посвященный учителям. Весь вечер звучали песни и стихи, серьезные напутствия и добрые шутки. Ребята танцевали, доверительно беседовали со взрослыми и друг с другом.

Потом кто-то из старых учителей попросил Ведерниковых спеть «Лежневочку». Авторы волновались и смущались, как в юности. Они молча стояли перед притихшим залом, а в душе уже звучала родная мелодия, звучала так свежо и так властно, словно все это было совсем недавно. А зал смотрел на них юными глазами, смотрели ровесники их сына, новое поколение качканарцев. И вздохнула Лидия Петровна и сказала:

— Это было давно... Эта песня, ребята, родилась намного раньше вас.

И захотелось ей рассказать о первых качканарцах – пусть выпускники возьмут с собой в дорогу трудолюбие и энтузиазм первостроителей, их умение жить с песней, умение мечтать.

И вспомнились ей субботники. Как много их было в то время! После трудового дня и в единственный выходной молодежь работала, приближая свою мечту. Не успевают строители сдать магазин в срок – значит, надо им помочь. Хочется поскорее увидеть кинотеатр – и снова субботник за субботником. Заберут с собой детей, выделяют им няньку и какую-нибудь комнату, а сами за топоры и молотки, лопаты и метлы. И, конечно, с песней! А как часто ходили «чистить море»! Корчевали лес, сжигали сучья и верили: на месте «зеленого моря тайги» скоро заплещется качканарское «море». Моря еще не было, но уже жила в Качканаре улица Набережная, где под номером восемь стоял дом Ведерниковых.

Вспомнилось Лидии Петровне, как тоже после работы, методом «самстроя» возводили они в тайге эту улицу, как в каждом маленьком доме селилось большое счастье. И Ведерниковы были счастливы...

Но вдруг умолк аккордеон, оборвалась песня. Видно, на всякой крупной стройке случаются несчастья, даже трагедии. Так было и в Качканаре. Не хочется вспоминать об этом, да из песни слова не выкинешь.

Был 1964 год. Ведерниковы возвращались из отпуска. За три недели успели соскучиться – и возвращались с радостью. Приехали – а в Качканаре похороны: на перегрузке №4 строящейся аглофабрики погибли двое рабочих третьего стройуправления, где Николай был главным механиком. Нарушая правила техники безопасности, эти двое смельчаков решили подняться наверх в люльке вместе с кирпичами – и вместе с люлькой и кирпичами рухнули вниз с большой высоты.

– Двоих угробили! Двоих угробили! – прибежал к Ведерниковым взволнованный Федор Селянин. – Это ужасно!.. За семь лет в СУ-3 не было ни одной аварии – и вдруг... Разбились насмерть... Хорошо, что тебя в Качканаре не было, – успокаивал он Николая. – Но ведь двоих угробили, двоих угробили!..

И главный механик СУ-3 Николай Ведерников оказался тем самым стрелочником, который во всем виноват. Его сразу развенчали: перевели в механики. Считая это несправедливым и незаконным, он перевелся из стройуправления на дробильную фабрику, где и работал до суда. И был суд, да не один. Уже на первом заседании всем присутствующим в зале стало ясно, что «судят не того». В итоге же оказалось: того самого. Прораб, главный инженер и начальник СУ-3 проходили на суде как свидетели, а беспартийному главному механику дали три года. Никогда не забыть Ведерниковым эту трагическую дату: 4 апреля 1965 года.

Лида была в отчаянии. Маринке осенью идти в первый класс, надо готовить ее к школе. Под сердцем Лида носит второго ребенка и переживает: а вдруг все ее тревоги и страдания плохо на нем отразятся? Пытается успокоиться, хотя причин для волнения немало. Дров нет, и она, беременная, таскает на себе из леса то, что ей под силу, благо, что лес рядом, через дорогу. Двор, просторный двор не закрыт: крыша ненадежная – от каждого взрыва на карьере она ходуном ходит. Проблемы, проблемы...

И не справилась бы с ними Лида, если бы не качканарцы. С промбазы привезли ей доски, из ЖКО – полутораметровые бревна. Помог в заготовке дров и отдел снабжения ГОКа. Работники дробильной фабрики доставили готовые дрова; коротенькие, аккуратные, они готовились для печей Сущевского, которые в то время устанавливали в благоустроенных домах. Но и Лидина русская печка таким дровам будет рада.

Помогали все, кто только мог. Крышу во дворе перекрыли. «Батя, все сделаем по науке, не переживай, – успокаивали Лидиною отца, приехавшего к ней из Лысьвы. – Не переживай!» Даже клетку для кур смастерили. А соседи по улице Набережной вскопали огород и помогли Лиде все посадить. Часто звонил начальник дробильной фабрики З.С. Зильберов, просил Лиду беречь себя ради будущего ребенка, обещал поддержку и в дальнейшем. Она была благодарна всем за бескорыстную помощь. Вот если бы помогли еще вытащить мужа из тюрьмы!..

Не могла она смириться с тем, что невинный сидит за решеткой. Поехала в Свердловск, в управление местами заключения. С большим животом, с пигментными пятнами на лице, вся в слезах, да еще кровь из носа пошла... Вот такая красавица предстала перед начальником. Он оказался человеком добрым. Успокоил, внимательно выслушал, с пониманием отнесся к ее просьбе не отправлять Николая слишком далеко.

– Даю гарантию, – сказал коротко. И вскоре он позвонил в Качканар: – Ваш муж будет отбывать срок в Каменных Палатках. Это в Свердловске...

И она навещала мужа. В одно из посещений вместе со старшим братом Федором Васильевичем Ведерниковым они привезли Николаю аккордеон. Боже мой!.. Мрачные стены, молчаливые и тоже мрачные стражи порядка, тяжелые двери, железный скрежет тюремных запоров... Побывать здесь хотя бы час, чувствовала Лида, – это уже наказание великое. Так пусть аккордеон скрасит мрачный быт.

А время-то идет. Весна сменилась летом. 7 июля 1965 года у Лидии Петровны родился сын Василий. Едва окрепнув после родов, она стала ездить к Николаю вместе с детьми. В Каменных Палатках ее уже знали, встречали сочувственно, да и Николай был там не на плохом счету. А потому их свидания иногда вместо часа продолжались два часа, вместо одних суток длились двое суток. Однажды при расставании Марина никак не хотела отпускать Николая.

– Папа, пойдем домой! Папа, пойдем домой! – сначала умоляла, потом слезно просила, а потом кричала: – Хочу папу! Отпустите моего папу! – требовал ребенок.

Не бездействовали и качканарцы. Почти тысяча человек подписались под письмом в Верховный суд – и отправили его в

Москву с первым качканарским депутатом Верховного Совета РСФСР Павлом Бочкаревым.

И пришла весна 1966 года. В Женский праздник, вечером, первоклассница Марина Ведерникова писала папе письмо. А утром решила переписать без ошибок. Лида отговаривала дочку и собирала ее в школу. Васенька спал. А баба Катя (она приехала из Лысьвы и помогала Лиде с детьми) вышла во двор за дровами. И вдруг услышала музыку.

– Видно, еще не напраздновались: уж с утра гармошка играет, – сказала она Лиде.

Лида прислушалась: аккордеон! Нет, не Юрин аккордеон (Юрий Ведерников – двоюродный брат Николая). Нет, не Юрин! Так играет только Коля!.. Лида ушам своим не поверила.

А Николай, дойдя до Набережной, поставил чемодан на землю, надел аккордеон и громко заиграл. И запел, тоже громко, и утренняя улица услышала:

*Над горою встает заря,
Синим светом полны моря.
Ты не печалься, ты не прощайся:
Ведь жизнь придумана не зря.*

*Будет радость, а может, грусть.
Ты оклики – я оглянусь.
Ты не печалься, ты не прощайся:
Я обязательно вернусь!*

*Как кукушке ни куковать –
Ей судьбы нам не предсказать.
Ты не печалься, ты не прощайся,
А выходи меня встречать!*

*Там, где сосны, где дом родной,
Есть озера с живой водой.
Ты не печалься, ты не прощайся:
Все впереди у нас с тобой!*

Казалось, не подняться больше, не выпрямиться, не запеть. Но не озлобился Николай, не утратил веру в людей, в правду жизни... А эту песню Ведерниковы с тех пор считают своим гимном...

Лидия Петровна волновалась от нахлынувших вдруг воспоминаний. Ну что поделаешь, если так далеко увела ее мысли и чувства простая лежневая дорога, о которой она рассказывала детям. А Николай Васильевич уже взял первые аккорды, и полилась в школьном зале песня качканарской юности. И взрослым хотелось верить, что у каждого выпускника будет в жизни своя лежневка – дорога в большую жизнь, дорога к счастью.

Оказывается, о том же самом, о счастье трудных дорог думали в тот вечер выпускники. Их настроения, их мечты выразил Вася Ведерников. Он исполнил песню, слова и музыку которой написал сам:

*Главное в дороге –
Не свернуть с пути.
Чего хотел – добейся,
Что искал – найди!..*

Как это хорошо, что, отправляясь в жизнь, молодежь берет с собой песню!

Так думали Николай Васильевич и Лидия Петровна. Сами они всю жизнь дружат с песней. Их дети, их внуки – это тоже их песня. Таня, дочь Марины, уже совсем взрослая. Дочь Василия, Катя, – студентка. А семилетний Ведерников – тоже Николай Васильевич, как и его музыкальный дед.

Но самая прекрасная песня, которую Ведерниковы сложили вместе с друзьями, – это светлый город Качканар.

И есть в нашем городе «Лукоморье» – литературное объединение при газете «Качканарский рабочий». Этому творческому коллективу уже сорок лет. Многие стихи самодеятельных поэтов положены на музыку Николаем Ведерниковым. Его песни поет наш город. Ему, главному композитору «Лукоморья», Клавдия Рублева посвятила такие строки:

*Я уже не молод, но душой не стар,
С молодостью строил город Качканар.
Пройденные вехи блещут сединой,
А венец успеха – юный город мой.*

*Я уже не молод, но душой не стар,
С молодостью строил город Качканар,
Песня помогала все преодолеть.
Будни станут ярче, если песни петь!*

*Я уже не молод, но душой не стар.
С молодостью строил город Качканар.
Помогал мне в жизни мой аккордеон.
В музыку и песню до сих пор влюблен.*

И припев:

*Расцветай, Качканар!
Подпевай, млад и стар!
Песня синей птицей над землей летит,
Песня помогает молодость продлить!*

Глядя на Ведерниковых, в этом не сомневаешься. Они по-прежнему молоды, хотя каждому из них уже восьмой десяток. Они бодры, энергичны, легки на подъем, безотказны и всегда среди людей. Только в предвыборной кампании 2009 года они дали двенадцать концертов на избирательных участках.

А на улице Набережной уже полвека стоит их скромный деревянный дом, который для них дороже всякой благоустроенной квартиры. Дом приветливый, гостеприимный, музыкальный. Они верны ему, как верны друг другу и своей любви, как верны они песне, с которой идут по жизни.

2009 год

Большая жизнь Николая Мелехина

Его колыбель

*Дом из бревен. Окошко совсем не резное.
Печка русская с лестницей и шестком.
И колечко железное, очень надежное
Колыбельку держало под песнь с говорком...*

Лидия Михайлова

Колыбель, люлька, зыбка... По-деревенски простая и теплая, она одного за другим ласково принимала и качала малышей, которых у Мелехиных было десять. Трое, к сожалению, умерли во младенчестве, а семеро через всю свою жизнь пронесли тепло колыбели и отчего дома.

Этот бревенчатый дом Иван Семенович и Екатерина Григорьевна построили сами. Большой, пятистенный, он стоял на пригорке и всеми своими окнами с надеждой смотрел на мир. Внизу бежала веселая речушка, торопясь тут же, неподалеку, слиться с Нясьмой.

Речушку звали Светлая. Да и поселок, который мы знаем как Черничный, на картах у геологов тоже именовался Светлым. Широкий простор, лужайки и луга, пастбища и поля, и много солнечного света. В лесах, обступивших поселок, было много зверя и птицы, грибов и ягод, в реках и озерах – рыбы, а болота изобиловали клюквой.

Поселок жил. Здесь были детские ясли и детсад, начальная школа и библиотека, пекарня и магазин, медпункт и хороший клуб. Совхоз, имеющий пасеку и парники, свинарник, конный и скотный двory, был в свои лучшие годы представлен в Москве, на Выставке достижений народного хозяйства.

Иван Семенович Мелехин был мастер на все руки. Работал на земле, был шорником, шил для совхоза всю конскую упряжь, плел короба и кошевки, пайвы и корзины, делал лодки, коромысла, лыжи и санки, вязал рыбацкие сети, ловил рыбу. Украдут у него сети – он терпеливо плетет новые. Успевал делать все для совхоза и для дома, а ночью еще и сторожил в магазине за жену, у которой и в семье было забот немало.

– Не припомню, чтобы когда-нибудь папа сидел без дела. А рыбалка для него была и промыслом, и любимым занятием. Он

заметно добрел на рыбалке, – рассказывает Нина Ивановна Мелехина. – Семья большая, но мы никогда не сидели голодными. Были у нас огороды в трех местах, держали скотину, да и рыбу мама всегда могла обменять на муку. Работать приходилось всем. Особенно, конечно, доставалось братьям...

Старшие у Мелехиных – сыновья: Михаил, Владимир, Николай, Геннадий. Трудились мальчишки с малых лет: помогали в огороде, косили траву, пилили дрова на всю зиму – для дома и бани, для магазина и сторожки. Зимой вместе с отцом ходили в лес и, утопая в снегу, рубили вицы, тонкие черемуховые ветки – готовили сырье для плетения...

Как-то в конце осени ребяташек (им от восьми до двенадцати лет) папа послал на озеро, чтобы снять мережи и достать рыбу. Красивое Актайское озеро, из которого вытекает река Актай, находилось в восьми километрах от поселка. Пришли рыбаки-малолетки на место. Гена и Нина сели в лодку, поехали к мережам, а Коля остался на берегу готовить ужин. Брат с сестрой возились с сетями и рыбой. И вдруг подул сильный ветер, зашумел в деревьях, потемнело небо, поднялись волны – ребята еле справлялись с лодкой. В надвигающейся грозе да в ранних осенних сумерках они потеряли ориентир на воде.

– Мы заблудились, – вспоминает Нина, – не знали, куда плыть, в какой стороне наша пристань... Растерялись... И вдруг услышали песню «Эй, баргузин, пошевеливай вал, молодцу плыть недалечко...» Может, показалось?.. Нет, не показалось: это наш Коля. Он словно почувствовал, что мы болтаемся на волнах. Коля пел так громко, что к нему будто прислушался ветер – и стал утихать. Да и у нас с надеждой на спасение прибавились силы... У Николая вообще был очень сильный и красивый голос, – добавляет рассказчица. – Этот дар у него от мамы.

В дар от мамы, Екатерины Григорьевны, детям достались большое и щедрое сердце, великое терпение, а дочкам еще и особая нежность да умелые женские руки. А отцовская строгость всегда соседствовала с чуткостью и добротой, что встречается только у самых мудрых родителей. От Ивана Семеновича дети никогда не слышали грубых и матерных слов. Далекий от педагогики, он оказался прекрасным воспитателем, умеющим в каждом ребенке видеть и уважать личность. Чувство собственного достоинства, почтение к женщине, скромность и

деликатность – все это в Мелехиных от отца. И еще - тяга к знаниям.

А за знаниями в семилетнюю школу надо было ходить в поселок Дразный, за пять с половиной километров – одиннадцать километров пешочком каждый день, в любую погоду.

– Учился Коля хорошо и очень любил книги. Бывало вечерами мама вяжет носки или варежки (сколько на всю семью-то надо было связать!), папа плетет свои мережи, а Коля вслух читает им книгу. Ему нравилось читать вслух, он любил такие вечера в общении с родителями и мудрым собеседником-книгой.

Вот так и рос наш герой в этой прекрасной колыбели: среди уральской природы, в большой и дружной семье, в кругу светлых людей Светлого поселка, который, впрочем, известен нам еще как 20-й километр.

Среднюю школу Николай закончил в поселке Ис. Хотел поступать в консерваторию (куда же еще с таким природным певческим даром!). Но родители сказали: «А на какие деньги ты поедешь в Свердловск?» Денег не было. И пошел Коля работать в совхоз. Позднее он все-таки поедет в Свердловск и будет поступать в Уральский университет. В больном состоянии, при высокой температуре, он успешно сдаст вступительные экзамены и будет зачислен на заочное отделение факультета журналистики... Но жизнь распорядилась так, что главным университетом для Николая Мелехина станет Качканар.

Его судьба - Качканар

*Комсомольскую путевку
Гордо я в руках держу,
С комсомольскою путевкой
Я в большую жизнь вхожу.
Не в такую жизнь, где блага
Преподносятся как дар,
А в такую, где отвага,
Где борьба за Качканар.*

Николай Мелехин

В отделе кадров стройки сказали: «Пойдешь на завод строительных материалов». Еще сказали, что завод располага-

ется на промбазе и что идти туда следует по лежневке.

Пошел, хлюпая кирзовыми сапогами по жидкой октябрьской грязи. Промбаза встретила новичка горами навороченной бульдозерами глины, порывами знобкого ветра. На небольшой вырубке, прижимаясь к лесу, стояли три щитовых домика. В одном из них – управление завода. Завод. Так важно называли тогда кустарный бетонный узел, маленькую арматурную мастерскую да крохотный полигон по производству железобетонных конструкций. Но в октябре 1958-го деревенскому мальчишке завод показался огромным и значительным.

– Специальность есть? – спросил директор. – Нет?.. Тогда на бетонный.

– Что можешь делать? – испытующе смотрела розовощекая Аня, мастер, как выяснилось позже.

– Сено косить, дрова пилить, корову доить, – чистосердечно выложил Николай.

Раздался дружный смех. Восемнадцатилетние бывалые строители беззлобно потешались над новичком.

– Да ты поэт, складно говоришь, – улыбаясь, сказал невысокий жилистый парень. – Тачку возить умеешь?.. А ну берись!

Первый опыт был неудачным. Своенравная тачка никак не хотела стоять на одном колесе. Рассыпанную щебенку собирали лопатами – и опыт повторялся. К концу смены тачка привыкла к новому хозяину, а через неделю он стал своим человеком в бригаде. Теперь тачка не пыталась вывернуться из рук, а исправно бегала от бункера к скипу бетономешалки и обратно.

Однажды Николай решил подсчитать сделанную за день работу. А когда смена закончилась, не поверил полученным цифрам: 800 тачек, каждая по 250 килограммов. Значит, он перевез за день 200 тонн щебня!

Заруливали целую смену. Молодые, беспечные не оберегались от пыли. Домой шли грязные, но довольные: их труд ложился основой будущих домов, которые росли один за другим, упорно оттесняя тайгу.

– Не пей, Коля, холодную воду. Вон ведь как вспотел, – белокурая девчушка умоляюще смотрит в его покрасневшееся лицо.

– Пусть рубашка от пота мне бывает тесна, но зато от работы на сердце весна! – Николай с улыбкой декламирует стихи и неожиданно запекает: – Эх, вдоль по Питерской...

Девушка шутливо закрывает уши, а потом уже, полуоткрыв рот, зачарованно слушает Николая. Слушают и рабочие, собравшиеся в будке: конец смены. Вибрирует стекло в небольшом оконце, тренькает железная дверка «буржуйки», а голос певца вырывается из тесной будочки на простор. Наступает долгая тишина. Потом дружные аплодисменты:

– Шаляпин, честное слово Шаляпин!..

А «Шаляпин» смущенно отмахивается.

Ни слушатели, ни певец тогда еще не знали, что через несколько лет петь ему станет намного трудней: голос будет таким же красивым и сильным, а от могучих легких останется лишь половина.

– Однажды, – вспоминает его сестра Нина, – Николай отправился из дома на работу. Но в Качканаре не появился. Мы встревожились. Оказывается, по дороге ему стало плохо, пошла горлом кровь. Превозмогая себя, добрался до Иса, но на больничном пороге не мог уже вымолвить ни слова... Спасли его врачи, выходили. А на прощанье сказали:

– Берегите себя, не перегружайте организм, иначе худо будет...

Худо, совсем худо стало ему в 1967 году. И Николай оказался в областной клинической больнице №1. Даже хирургу Астафьеву, врачу с многолетним опытом, трудно было поверить, что этот могучий парень из Качканара тяжело болен. Но установлен диагноз: двухстороннее разрушение бронхов – нужна срочная операция. Операция длилась шесть часов. Несколько раз у больного останавливалось сердце. Но Дмитрий Архипович, этот волшебник Астафьев, заставил его биться уверенно и ровно. И долгие годы продолжалась потом дружба пациента с великим доктором.

И продолжалась большая жизнь Николая Мелехина, начатая в деревне и на заводе и навсегда связанная с газетой.

Его вдохновение – газета

*Я вновь собираюсь в дорогу!
Я выйду в обещанный срок.
Спасибо тебе за тревогу,
Родной Качканарский листок!*

Борис Марьев

Этот родной листок – двухполосная многотиражка «На стройке Качканара» – родилась 5 мая 1959 года и очень быстро завоевала прочный авторитет у читателей. Ее редактор Н.П.Коропачинский искал на стройке одаренных людей, желающих сотрудничать с прессой. Многим он дал путевку в большую журналистскую жизнь. Среди них и наш Коля...

Чтобы отправиться в большой путь, надо сделать первый шаг. А Николай, скромный и застенчивый от природы, робел. Но однажды, в том же 1959-м, преодолев робость, впервые пришел в редакцию. Помещалась она в маленькой комнате одного из домов по улице Качканарской. Коропачинский встретил приветливо. Его простота и непринужденность помогли Николаю быстро избавиться от скованности. А скромность обстановки располагала к откровенности и доверию. Он отдал заметку редактору.

Помню, я как-то спросила Колю, о чем была его самая первая заметка в газете. «О том, как важно научиться катать тачку с песком», – улыбаясь, ответил он. А писал Николай о своем РБУ (растворо-бетонном узле). О том, как нуждалась стройка в растворе и бетоне. А механизированный завод по их приготовлению находился пока на нулевой отметке. Крутились бетономешалки, работал скиповый подъемник – вот и вся механизация. Загрузка инертных материалов и цемента производилась вручную и при помощи тачки. В низком пыльном помещении, отдаленно напоминающем шахтный забой, сновали откатчики тачек. В ларях с цементом копошились седые от пыли девушки... О рабочих буднях, о молодых энтузиастах, не сетующих на трудности, было написано в этой заметке. Коропачинский прочитал ее быстро и сказал: «Напечатаем». Так на страницах многотиражной газеты строителей появилось новое имя – рабочего корреспондента Николая Мелехина.

Собираясь писать о моем коллеге, я внимательно, год за годом пролиставала все газетные подшивки – и словно заново прошла рядом с Колей его журналистский путь длиной в сорок лет. С газетных страниц он, будто живой, разговаривал со мною, как когда-то говорил с читателями: просто и искренне, неравнодушно и взволнованно. Я увидела, как он, робким юношей переступивший порог редакции, с каждой новой строчкой и заметкой становился увереннее, как крепло и оттачивалось его

журналистское перо. Как из рабкора становился он литературным сотрудником, а по необходимости и ответственным секретарем газеты «На стройке Качканара». Потом работал в многотиражке комбината «За большую руду», был корреспондентом радиовещания. Хорошо знают Николая Мелехина и читатели «Качканарского рабочего», которому отдал он много творческих лет. Начав с небольшой заметки, он успешно овладевал всеми газетными жанрами.

Яркими и убедительными были его зарисовки о людях разных профессий, репортажи с места событий, с пусковых объектов города, корреспонденции о социалистическом соревновании, о передовых и отстающих бригадах, о хозрасчете и потерях рабочего времени. Не раз возглавлял Николай Иванович рейдовые бригады и делал убедительные, чаще критические материалы о состоянии дел на предприятиях и в организациях города. Н.Мелехин был руководителем рабкоровского поста на строительстве комплекса по расширению Качканарского ГОКа – и в газете регулярно выходила подготовленная им страница «За ударные темпы». Интересными были его корреспонденции из зала суда и статьи на моральные темы.

В конце 60-х годов прошлого века Николай Иванович побывал в Прибалтике и посетил расположенный в 18 километрах от Риги лагерь смерти Саласпилс, в котором фашисты в годы войны загубили 57300 мирных жителей из Советского Союза, Польши, Чехословакии, Австрии, Бельгии, Германии. О своих впечатлениях он рассказал качканарским читателям в драматически острой корреспонденции **«Сердце Саласпилса»**.

Николай Иванович мечтал в совершенстве овладеть жанром очерка и по-хорошему завидовал тем, «кто умеет писать много». Жанр очерка тоже покорила ему, хотя, в силу своей врожденной скромности, автор не всегда готов был признать это. Назову хотя бы два его очерка из «Документальной повести о людях Качканара», которую многие годы писала наша газета: «Золотая медаль» – о Герое Социалистического Труда А.В.Мурашове; «Личным примером» – об автоэлектрике Л.М.Корнилове. В числе прочих «Похоронен был дважды» – о ветеране войны, командире танковой роты В.В.Кабалинове и другие очерки.

В юности Коля пробовал писать стихи: о природе, о гордом чувстве, которое испытывает 18-летний гражданин Советского

Союза, впервые участвующий в выборах; об Октябрьской революции; о комсомольской путевке первостроителя Качканара. Перу Николая Мелехина оказалась подвластна и проза. Он дружил с нашим «Лукоморьем», и на литературной странице газеты были опубликованы его рассказы. «Пигалица» – о девчущке-строителе с сильным характером, «Чужая слава» – о человеке с чистой совестью.

Человек, с его мыслями и чувствами, радостями и тревогами, всегда был главным для журналиста Мелехина. Вот его очерк **«Это и есть подвиг»** о Владимире Дмитриенко. Спасая жизнь человеку, этот 19-летний юноша потерял ногу. Казалось, и жизнь потеряла смысл. Но Владимир одержал четыре победы: научился ходить на протезе, выступал в соревнованиях борцов-классиков, играл в волейбол, вновь научился ездить на велосипеде. Эти победы тренера-общественника по классической борьбе, это умение преодолеть себя хорошо знакомо Николаю Мелехину. Отдав здоровье Качканару, оказавшись инвалидом в 25 лет, он всю жизнь боролся с недугом, утверждая себя журналистским пером, общением с людьми, о которых писал. Лучшим лекарством и вдохновением, по его признанию, были газета и друзья-журналисты. Состояние здоровья порою сказывалось на настроении: оно падало и падало. Но Коля умел побеждать себя и (в который уж раз!) подняться. Подняться высоко.

«Высота» – так назывался репортаж Н.Мелехина о монтажниках-высотниках «Уралстальконструкции» на строительстве фабрики окатышей в 1968 году.

«Монтажник-высотник. Людей этой легендарной профессии представляем мы богатырями, героями. А тут будничные люди со спокойными, почти равнодушными лицами буднично готовились к привычной работе, перебрасываясь незначительными фразами. Как-то не верилось, что это и есть высотники». Но вот он поднимается вместе с ними. «Тридцать метров, сорок. Высота птичьего полета. Отсюда мир кажется иным, чем на земле. Люди кажутся до странности приплюснутыми, автомобили теряют свою внушительность. Простор. Облака стали ближе, появилось ощущение полета. В то же время не оставляет чувство большой опасности.. Но эти эмоции – для новичка-туриста.» Монтажники же, чувствует наш «турист», люди опытные, но и они понимают, что малейшая оплошность или беспечность может стоить жизни.

– В этой работе некогда смотреть вниз, – говорит бригадир. – А вообще мы любим высоту; она, как и море, имеет власть над человеком.

Николай знает, какую притягательную силу имеет любимая работа. Для него такой силой стала журналистика. Ему нравилось быть в гуще событий, он любил общаться с людьми, особенно с пожилыми, каждый из которых – целая история, интересная книга. Он чутко относился к молодежи, был добрым наставником начинающих газетчиков.

– Николай Иванович нашел меня на задворках школы №3, – полушутя говорила Эльза Хорева (Баймухаметова). Эта девочка пришла в газету со школьной скамьи, выросла в нашем коллективе и стала известной в Башкирии журналисткой. Долгая и крепкая дружба связывала Николая Ивановича с Ириной Туруевой, для которой он был самым высоким человеческим идеалом. Н.Мелехин, пожалуй, самым первым заметил творческие способности Михаила Титовца, когда тот был еще школьником, и посоветовал мальчику всерьез взяться за перо. Николай Иванович верил в молодежь, в будущее Качканара. Отдавший жизнь городу юности, он по праву мог сказать: **«Улица – моя, дома – мои!»**

Так назвал он очерк о нашем земляке-валериановце, неутомимом краеведе Геннадии Афанасьевиче Пономареве. Давайте прочитаем хотя бы начало очерка, вспомним, как писал журналист Н.Мелехин, увидим мир его глазами.

«...Лучи заходящего солнца скользнули по верхушкам вековых деревьев, искупались в бойких струйках студеной речушки, уперлись в замшелые крыши домов. На землю пали длинные унылые тени. Казалось, старательские дома, кряхтя растрескавшимися бревнами, греются в последних лучах солнца, покорно доживая свой век.

– Умирает поселок, – заметил молодой геолог.

– Засыпает, – возразил его старший товарищ. – Утром проснется помолодевшим. Это мы с тобой принесли молодость Валериановску. Радуйся!..

Действительно, майским утром 1957 года старый поселок не узнал себя. Его немногочисленные жители проснулись от многолюдного гомона. Еще не веря новости, привыкали к словам: стройка, комбинат, ванадий...»

Помолодел поселок. Вырос юный город, чью уже полувеко-

вую историю, словно летопись, хранят газеты «На стройке Качканара» и «Качканарский рабочий». Немало ярких страниц этой летописи принадлежит Николаю Мелехину, который писал также в «Правду», «Социалистическую индустрию» и другие газеты. До сих пор как драгоценную память хранит жена Тамара Александровна его удостоверение внештатного корреспондента «Уральского рабочего», областной молодежной газеты «На смену!», нижнетуринской «Вперед, к коммунизму!». И зачетную книжку Николая Мелехина – студента заочного отделения факультета журналистики Уральского госуниверситета. А еще в домашнем архиве хранится комсомольский билет Николая Мелехина с такой вот надписью, сделанной секретарем комитета ВЛКСМ комбината,

*Пусть седина, годов награда,
Украсит голову твою –
Всегда ты будешь помнить свято
Юность комсомольскую свою.*

С комсомольской путевкой входил в большую жизнь этот скромный и светлый человек, и через всю жизнь пронес он беспокойное комсомольское сердце, чистую совесть, сохранил верность идеалам юности.

2008 год

Не работа, а песня!

– Сейчас ведь не работа, а песня, не работа, а музыка – одно удовольствие!

Так несколько лет назад сказала я Жанне Ташлыковой, которая какое-то время работала в «Качканарском рабочем» ответственным секретарем и собиралась покинуть наш коллектив.

Да, не работа теперь, а музыка. И музыкальный инструмент, которым я восторгаюсь, – это Компьютер. Чтобы понять мои восторги, надо вернуться на много лет назад. И если бы Компьютер тоже вернулся в наше прошлое да посмотрел на нас сверху, он бы очень удивился.

Сначала в редакции его привлек бы громкий звук. Это строчит-грохочет пишущая машинка. «Зачем здесь этот неуклюжий агрегат? – должно быть, подумал Компьютер. – И не устают ли пальцы девушки, с усилием бьющей по клавишам? Девушку, кажется, называют машинисткой?»

Да, сейчас такой штатной единицы в редакции нет: перед каждым сотрудником персональный компьютер, и журналист легким прикосновением к клавиатуре творит чудеса. Он пишет и правит: дописывает и вставляет, а ненужный текст удаляет в один миг. И не надо ему, как нашей машинистке, переводить десятки листов бумаги.

В начале 70-х годов прошлого века у нас в редакции была одна более-менее приличная машинка. Отдал машинистке рукописный оригинал – и иди за строчками дальше, потом напечатанное вычитаешь, поправишь. А редактор газеты Анатолий Георгиевич Алтухов не писал, а с ходу диктовал машинистке отчет с какого-нибудь официального мероприятия. Ходил по кабинету неторопливо-задумчиво и выдавал предложения одно за другим. Я всегда удивлялась этой его способности.

Заместителем редактора в те годы был Юрий Павлович Медведев, литературными сотрудниками (так нас тогда называли) – Николай Мелехин, Николай Тихонов, Вениамин Урусов, Александр Лезвин, Евгений Горбачев – коллектив, как видите, мужской. А из женщин только я, недавняя школьница Роза Шарафутдинова (Васильева) да машинистка Валя Сырова.

Ну вот отпечатаны и вычитаны оригиналы, сданы редактору. Тот начертил макет очередного номера газеты (Алтухов был и

умелым ответственным секретарем) – и положил все материалы в большой пакет, не переставая удивлять наблюдавший за ним Компьютер. Но еще больше удивился Компьютер, когда увидел подъехавший к редакции грузовик: какое отношение к газете имеет эта машина? Оказывается, самое прямое: без нее не попадут материалы в типографию. И снова вопросы в компьютерной голове: почему нужна такая большая машина, чтобы увезти такой небольшой пакет? Ему-то, Компьютеру, известно: стоит лишь одним пальчиком прикоснуться к нужной клавише – и все газетные полосы там, в типографии, где и отпечатают весь тираж... Это сейчас, когда работа – песня.

А тогда? Редакция заказывала, а автобаза №5 выделяла грузовик, и он два дня в неделю (газета выходила в среду и субботу) курсировал в Нижнюю Туру (чтобы доставить материалы в набор) и обратно, чтобы привезти в Качканар готовую газету, а уж тут без грузовика не обойтись: тираж у «Качканарского рабочего» был немаленький. Водители Нина Гикало, Нина Гуцина, Женя Баркалова и Иван Васильевич Гурьянов были большими друзьями газеты. Да и как мы без них, если типография в сорока верстах от редакции?..

Как-то на областном журналистском семинаре ответственный секретарь одной из газет (не помню, из какого города) посетовал на трудности: «Все уважающие себя редакции находятся в одном здании с типографией. А нам до типографии пятнадцать минут топтать!» Я подумала тогда: «А что же нам, качканарцам? Сколько слез горючих лить?» Но жаловаться на трудности не стала. Так уж получилось, что когда на качканарской земле по воле партии началась Всесоюзная ударная стройка – на земле нижнетуринской была построена типография, тоже по чьей-то местной партийной воле, но на средства, отпущенные для Качканара. Вот и ездим мы на грузовике в «нашу» типографию. А наш Компьютер только удивляется.

Вот вошел он вместе с нами в типографию. Боже, какое громоздкое оборудование! Сколько железа! Даже газетные строки отливаются в металле! Как же их ужать, если материал не поместился на полосе? Как расширить строки, если на полосе оказалась дыра? Компьютер это делает просто: ведь перед ним не металлические строчки. А Лидия Ефремовна задумывается.

Л.Е.Станкевич – это наш корректор. Живет в Нижней Туре,

поскольку там типография. Ответственный и грамотный сотрудник. Работать ей нелегко, поскольку всю газету приходится вычитывать в одиночку, без подчитчика. Вот вывели ей страницу с дырами и хвостами. Если хвост – что сократить? Если дыра – что дописать? Были бы в одном здании или в пятнадцати минутах ходьбы – увидели бы все наглядно и быстро исправили. Но нам приходится всю правку делать по телефону. Бывало всякое: Лидии Ефремовне пора уже номер сдавать в печать, а связи с редакцией нет, или она очень плохая. Потратишь и время, и нервы, и деньги за долгие переговоры. Видел бы это наш Компьютер – вмиг завис бы от такой перегрузки и несурзацы.

Но дыры и хвосты у нас случались редко. На большом расстоянии от типографии мы не могли позволить себе такой «роскоши» и старались очень точно считать строчки и знаки (в смысле – буквы). И всегда рады были слышать от сотрудников типографии, что с «Качканарским рабочим» им работать приятнее, чем с туринской газетой. А туринским-то зачем уж так точно считать? Они в одном здании: пришли, увидели – сократили, дописали, исправили. А у нас случалось всякое. При наборе с наших грамотных оригиналов девочки-линотипистки (зачастую вчерашние школьницы) могли допустить ошибку – и она застывала в металле. А уставший глаз корректора мог ее не заметить. Еще хуже, если строкоотливная машина с помощью наборщика сделает ошибку в заголовке. Представляете: крупный заголовочный шрифт – и ошибка! Могли при верстке перепутать снимки: фотография одна, а текст под ней совсем не тот. Однажды даже производственный снимок поставили вверх ногами. Кошмар!.. Привозят новый номер газеты – и каждый раз открываешь его с трепетом: а вдруг там опять какая-нибудь типографская неожиданность?.. Конечно, подобные ляпы бывали очень редко, но наши страдания, наша вина перед читателями не становились от этого меньше.

Качканарцы любили газету. Они всегда ждали местных новостей, и многие читатели активно сотрудничали с нами. Газету ждали и тогда, 50 лет назад, когда появился первый «качканарский листок» – «На стройке Качканара», выходящий вначале тиражом в 500 экземпляров (потом тираж вырос до 2000), и позднее, когда тираж «Качканарского рабочего» был самым большим: 12500 экземпляров. И стоит ли удивляться

такому тиражу, если газета была единственной в городе? Получать ее хотел каждый; в цехах комбината даже сражались за право подписаться на «Качканарский рабочий». Газета выходила два раза в неделю – значит, новости были более свежие, чем в еженедельнике. Газета выходила без программы ТВ, однако пользовалась большим спросом – значит, для подписчиков важнее была жизнь реальная, а не экранная. Чтобы привлечь читателя, газете не нужны были жареные факты и желтизна. Не нужны они «Качканарскому рабочему» и сегодня.

С ностальгией вспоминая прошлое, откровенно признаюсь: журналистика и тогда была для нас не работа, а песня.

2009 год

Содержание

Село Романово

Прикасаясь к прошлому	6
Славные предки мои	9
Николай и Прасковья Романовы	
Пал смертью храбрых в боях за Ригу	14
Иван Николаевич Романов	
Здравствуй, мама!	20
Евгения Николаевна Черкашина	
Сестрица названная	24
Феоктиста Матвеевна Широкова	
Письмо школьникам	29
Дочки-матери	36
Валентина Азаренко и Ираида Егорова	
К истокам	40
Иван и Марина Пластинины	
О счастье, дружбе и любви	45
Письмо подруге, или Рассказ про нас	

Поселок Валериановск

Сидоровы	49
Федот и Мария Сидоровы	
Ее воплощенная мечта	54
Любовь Федотовна Калашникова	
Поезд шел на восток	58
Анц и Евдокия Алласте	
Поселок – ее большая семья	63
Тамара Халимовна Никишина	
Девочка из прифронтового поселка	69
Клавдия Степановна Селезнева	
Родительский дом – начало начал	76
Евдокия Ивановна Шулятникова	

Город Качканар

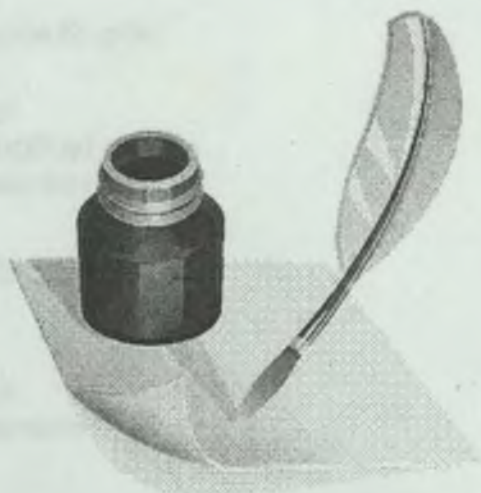
Марфин куст	81
Марфа Кузьминична Никифорова и ее большая родня	
Бабий век	88
Мария Гавриловна Митьковская	
Переселенцы	92
Агриппина Ивановна Желтухина из рода Москвиных	
Шашины	99
Анатолий и Валентина Шашины	

Как один день...	105
Виктор и Галина Штерманы	
Она выбрала производство	110
Раиса Муртазовна Искакова	
Пусть ей солнышко светит в пути!	115
Лидия Семеновна Хохрякова	
С песней по жизни	123
Николай и Лидия Ведерниковы	
Большая Жизнь Николая Мелехина	135
Николай Иванович Мелехин	
Не работа, а песня!	145
Газета "Качканарский рабочий"	

Содержание

Галина Краснопевцева

Прикасаясь к прошлому

Оригинал макет подготовили в ООО «Скиф»

Редактор-составитель: Г.П. КРАСНОПЕВЦЕВА

Формат 105x148,5. Тираж 100 экз. Заказ № 562

Отпечатано в типографии ООО «Скиф».

Свердловская область, г. Качканар, ул. Тургенева, 1, тел.: 6-18-91

